

А ТЫ... РАДИ ЧЕГО ЖИВЕШЬ?

Резниченко Ольга
ПУСТОЦВЕТ

Все время мчишь, бежишь куда-то... Стараешься изо всех сил, трудишься. Строишь планы. Чувствуешь, что еще вся жизнь впереди... и всё у тебя будет. Всё, как у всех. Без излишеств — элементарное. А потом раз — и нет ничего. Нет ничего больше, кроме приговора... что «бракована», «бессмысленна». «Пустоцвет». Отныне и веки — бесполезна и одна. Кто-то намеренно избавляется от своих детей, а кому-то стать родителем — и вовсе не дано. Никогда не думала, что и сама окажусь... «за бортом». Но выстрел — и пала.

Вступительное слово

* — **все совпадения случайны**; вне политики, призван прославить доблестных и честных служителей правопорядка, а в остальном — просто элементы сюжета.

Если некоторые названия, слова, или какие другие моменты произведения задели или оскорбили кого, то заранее прошу прощения, неумышленно и не со зла, ведь использовано лишь для реалистичности изображаемого.

** — **Присутствует нецензурная брань ("запикана")**.

В произведении содержатся сцены, демонстрирующие курение табака и употребление алкогольных напитков. **Помните, курение и чрезмерное употребление алкоголя — вредит Вашему здоровью и здоровью Ваших близких!**

А также присутствуют сцены убийств, насилия и эротики.

Посвящаю знакомым, близким и далеким, да и просто всем, кого коснулась эта проблема... И что самое ужасное — сей список, увы, отнюдь... не коротк. Силы, веры и оправданной надежды, чуда вам желаю! А нет — помните, вы для нас очень ценны и любимы и без этого!!!

Посвящаю Елене Миллер: выражаю огромную благодарность за поддержку и наставления! А также посвящаю ее прекрасному роману «Лоскутные розы»!

Посвящаю своему любимому мужу Павлу! Безмерно благодарна за всё... И прежде всего — за то, что появился в моей жизни...

Посвящаю всем поклонникам романов «Спиною к будущему», «Отпускаю прошлое», «За широкой улыбкой», «Яркими красками по небу», «Шальная мельница», «Черта» и, особенно, всем тем Леди, которые так круто меня поддерживали последнее время: спасибо, хорошие мои! Безумно приятно!!!

Статус: завершен.

Г е р о и:

Цветкова Елизавета Анатольевна (Лиза) (2016 г. — 30 лет);

Пахомов Константин Павлович (Костя; Паха; Харлей) (2016 г. — 36 лет);

Буранов Антон — бывший жених Лизы; (2016 г. — 30 лет);

Снарская Инна (Инесса) — подруга Лизы;

Науменко Сергей Сергеевич — сослуживец, майор милиции, УР; (2016 г. — 39 лет);

Сальников Виталий Дмитриевич (Витя, Виталик) — сослуживец, капитан милиции, товарищ Сереги; (2016 г. — 32 года);

Казанцев Роман Захарович — товарищ по службе (из сосед. подразделения); (2016 г. — 35 лет);

Курасов Юрий Александрович — начальник, подполковник Науменко и прочих, Цветковой;

Горбунов Алексей (Горбатый; Ублюдок, Подонок, Палач, "Захватчик" и пр. — форт) — соратник Науменко; коллега;

Ирина — бывшая жена Кости, сын — **Игорь**;

Вован, Юрий Шевелёв — товарищ Пахомова, сослуживец;

Иван Грозовский (Ванька, Ванёк) — друг, брат по духу Кости, бывший напарник;

Анна Федосеевна Грозовская — старушка, бабушка Вани и Кости;

Связист, "незнакомый голос" в наушнике — коллега Пахомова;

"Третий неизвестный" ("Умник") — коллега Пахомова;

Пацаев Георгий Тимофеевич — начальник Пахомова;

Кряков Андрей Васильевич («Мужчина») — криминальный авторитет;

Мазаев Александр Сергеевич (Маза, «Шушваль») — пешка, запустившая ход операции;

«Резвая Бабочка», Бабочка — самая смелая, дерзкая девушка из «мормышек»,

«компаньонка»;

Афанасьев Артур Альбертович — врач.

Му з. в д о х н о в и т е л и:

Carla's Dreams — Unde

Танцы Минус — Город-сказка

Morandi — Save me

R. Pattison — Let me sign

Слот — Круги на воде

Vayden — Painted Face

T9 — Ода нашей любви

Слот — Мертвые звезды

Stone Sour — Through The Glass

ПУСТОЦВЕТ — цветки, у которых по каким-то причинам не произошло опыление и оплодотворение; человек, деятельность которого бесплодна, не приносит пользы обществу. (Википедия)

ЛИНЗА ФРЕНЕЛЯ — сложная составная линза, образованная совокупностью концентрических колец относительно небольшой толщины, примыкающих друг к другу. Сечение каждого из колец имеет форму треугольника, одна из сторон которого криволинейна, и это сечение представляет собой элемент сечения сплошной сферической линзы. Предложена **Огюстеном Френелем**. Линзы Френеля применяются в осветительных устройствах, особенно подвижных, для минимизации веса и затрат на перемещение; в крупногабаритных фокусирующих системах морских маяков, в проекционных телевизорах, оверхед-проекторах (кодоскопах), фотовспышках, навигационных огнях, светофорах, железнодорожных линзовых светофорах и семафорных фонарях и фонарях пассажирских вагонов; в инфракрасных (пирометрических) датчиках движения охранных сигнализаций; в линзовых антеннах. (Википедия)

КАМУФЛЕТ — взрыв под землей, обычно без образования воронки. Разрыв артиллерийского снаряда под землёй без выкидывания земли и осколков. (Википедия)

МОРМЫШКА — искусственная приманка для ловли рыбы, разновидность блесны. (Википедия)

АЛАСТОР — в греческой мифологии дух мщения. (Википедия)

ФЛАГЕЛЛАНТ. Флагеллантство — движение «бичующихся», возникшее в XIII веке. Флагелланты в качестве одного из средств умерщвления плоти использовали самобичевание, которое могло быть как публичным, так и келейным. (Википедия)

ЭНИГМА — тайна, загадка.

МОЙРЫ — в греческих мифах богини человеческой судьбы, дочери Зевса и Фемиды: Клото, Лахесис, Атропос. Первоначально считалось, что у каждого человека своя судьба — мойра. Позже стали считать, что все три сестры участвовали в жизненной судьбе каждого человека с самого его рождения: **Клото** пряла нить человеческой жизни, **Лахесис** — разматывала и пропускала её сквозь жизненные невзгоды, а **Атропос** — перерезала нить человеческой жизни (обрывала жизнь). Боги, несмотря на их могущество, также подчинялись мойрам. Над ними также властвовала не знающая жалости судьба. Греки представляли мойр в виде суровых старух: Клото с веретеном в руке, Лахесис с меркой или весами, Атропос с книгой жизни и ножницами. (Портал Mythol**y)

ЭВРИДИКА — в древнегреческой мифологии одна из дриад (лесная нимфа), известная как жена легендарного мифического певца и музыканта Орфея. (Википедия)

ПФАЛЬЦГРАФ — название высших чиновников, а также и судей при дворах средневековых франкских и немецких государей. (Википедия, прочие интернет ресурсы)

Пролог. Глава 1. Невеста

Пролог

Все время мчишь, бежишь куда-то... Стараешься изо всех сил, трудишься. Строишь планы. Чувствуешь, что еще вся жизнь впереди... и всё у тебя будет. Всё, как у всех. Без излишеств — элементарное. А потом раз — и нет ничего. Нет ничего больше, кроме приговора... что «бракована», «бессмысленна». «Пустоцвет». Отныне и вовеки — бесполезна и одна. Кто-то намеренно избавляется от своих детей, а кому-то стать родителем — и вовсе не дано. Никогда не думала, что и сама окажусь... «за бортом». Но выстрел — и пала. Жизнь и дальше течет рекой, вот только — не для меня. Существование. Бессмысленное, пустое... ненужное. Как? Ради чего? Зачем?.. И чего ждать в итоге? Широко улыбнуться — и пойти... вопреки всему и дальше с гордо поднятой головой, найдя иной... повод жить? Доказать всем, что не зря дышу, не просто перевозжу кислород?.. Или оступить, поддаться, упасть — и кануть вниз, доказав... что ОНИ правы, лишив... не только материнства, но и всех грез за раз, ко всему, сообща...

Глава 1. Невеста

Конец мая, 2016 год.

Вот и настал этот чертов день. И что дальше? Как... дальше? И надо ли?

Но что Ему сказать? Соврать? Объяснить?..

...а услышит?

Тут по элементарному поводу, а то и без повода — уже склоки, ругань, гадости... Каждый норовит поизощреннее нагадить в душу другому. А что будет дальше?

Вот... ЧТО?

Молчите? Не знаете?

И я не знаю, хотя догадываюсь. Но молчу.

Тоже молчу. И тупо, обреченно вглядываюсь в зеркало, которое напротив висит, и покорно принимаю свою судьбу: усердно слежу за руками мастерицы-парикмахера, что вот уже и фату в прическу вместе с заколкой вправляет...

Черт! ЧТО. Я. ДЕЛАЮ?! И главное... ЗАЧЕМ? Что мне... нам это даст?

И ведь нечестно по отношению к Нему, даже если и сам виноват в случившемся...

— Лиз! Лиза! Лиза, стой! Ты куда?! ЛОВИТЕ ЕЕ, Б***Ь!

Силой прорваться сквозь толпу «торгашей» — и на выход...

— Дверь держите!

Узнаю — командный, грозный крик ошалевшего отца.

Не реагирую — быстро перебираю ногами по лестнице. Еще один пролет — и обмерла у финальной черты. Гневный, приговаривающий к поражению взгляд одного из друзей Жениха.

— И че это?

— Ниче! — пытаюсь оттолкнуть его, отодвинуть, но бугай отчаянно сопротивляется. — Хотя бы поговори с ним!

Вдруг гаркнул, резво, трезво, мудро.

Отчего запнулась я, устыженная.

Еще шаги, шорох — и обмер за моей спиной, сопит, надрывно дышит виновник торжества.

— А ну все на*** отсюда! — бешено рявкнул «охранник» и махнул в сторону собравшихся рукой. — Зрители... е**нные...

Не смотрю, не поворачиваюсь, выжидаю.

— Лиза... что случилось? — тихо, едва ли не шепотом. Колкая, короткая пауза... вынужденного, испуганного моего молчания и решает продолжить: — Ну, прости!..если где перегнул палку. Лиз... ну, че ты? Ну, ради малого... Ну? Давай без истерик.

— Какого? — разъярено; стремительный разворот — и, словно загнанная жертва, в бешенстве уставилась на своего истязателя.

Враз оторопел:

— В смысле, какого? Нашего... ребенка.

— НЕТ ЕГО! — выстрелом. — Я АБОРТ СДЕЛАЛА! — бесстыдно солгала.

В мгновение обернулась — и пнула от себя стальное полотно. Не сопротивляется более никто: пришилины все шоком.

Рывок — и бросилась со всех ног... из пекла вон.

Но не успела вырваться на проспект, как адское, неистовое, словно сам дьявол взревел мне в спину:

— СТОЙ, С*КА! СТОЙ! А ТО ДОГОНЮ — И УБЬЮ!!!

Живо ухватила я полы платья в руки — и бежать, мчать, лететь стремглав вдоль проезжей части, молясь лишь только об одном: что б не было перехвата, и что б не загнала сама себя в западню.

На мгновение оглянуться — мчит, да не один: целая свита шлейфом.

И вдруг визг шин, торможение какого-то автомобиля рядом, преграждая мне путь, — в ужасе оборачиваюсь: черный джип. Тотчас опустилось стекло. Водитель, незнакомый молодой мужчина, кивнув, в момент крикнул мне:

— Садись!

Игнорирую. Обогнуть — и рвануть далее.

— Садись, говорю! — рявкнул вслед, (судя по звуку) живо открыв дверь и вывалившись на улицу.

А я — только и прибавила скорость...

И снова визг от торможения... вот только уже где-то позади... и вдруг крик, шум, переполох. Брань и ругань... вспышка мужских голосов — оборачиваюсь в удивлении, а затем и вовсе обмираю, пришилинная шоком. Тот самый автомобиль, тот самый мужчина — вот только уже поймал в сети свои... моих преследователей. Но на драку те не решаются, на сопротивление, да даже на достойный игнор. А их — толпа... против него одного. Вижу только спины и боком, ничего толком: все скрыто за высокой, грозной, дорогой тачкой.

Еще пару минут помяться в волнении и прозрении — и наконец-то правильно среагировать: развернуться — да убраться к черту долой...

С проспекта — на улицу, а там дворами — на другой проспект. Мимо бизнес и торговых центров, кинотеатра и иных пестрых пятен жизни — по тротуару, к эстакадному мосту...

— Девушка! Девушка, стойте! — вдруг крикнул мне сотрудник ГИБДД.

Не верю своим глазам, ушам, а потому... отчаянно торможу... мозгами.

Запнулась на месте. Взор по сторонам — тщетно.

Идет смело, уверенно навстречу инспектор. Поддаюсь и я — хотя... едва не путаюсь в собственных ногах. Ошарашено пучу на него очи, кривлюсь от неловкости и удивления: мой-то точно такими «привилегиями» не обладает, чтоб такие структуры подтянуть. Может, друзья — но вряд ли...

— Я что-то нарушила? — чувствую, как кожа гусиной стала от предательского страха. Смеюсь, уже едва ли не на грани истерики.

— Младший лейтенант Гаврилов, — отдал честь.

Нервически улыбаюсь. Молчу.

Еще шаг ближе — и бережно, с опаской попытался обнять меня за плечи, но тут же осекся.

— Прошу, давайте пойдём к нашей машине...

— Почему? Что я сделала не так?

— Ничего такого, просто поговорить надо.

— Почему не здесь? — попытка увильнуть от его незримого напора, застываю на месте.

Пронзительный, приказной взгляд:

— Я же по-человечески прошу...

— Так я не пойму, — взволнованно пожимаю плечами. — Что не так? Скажите... А нет — то я опаздываю...

— Куда? — резкое, дерзкое. — На свадьбу?

Приговором.

Оторопела от прозрения.

Мгновения — и закивала я обреченно:

— Вы от него? Да?

— Я не знаю о ком Вы, — закачал отрицательно головой, но взгляд тотчас спрятал, отвел в сторону. Даже слегка отвернулся.

— Пожалуйста, отпустите меня! — враз взмолилась я. Попытка ухватить того за руки, но увильнул. Глаза в глаза.

Однако... до ужаса. В его голубых озерах плескалась искренность и печаль, вина:

— Я не могу. У меня приказ.

— Но кто? — истерически рассмеялась, едва не плача. — Кто Вам мог такое приказать?

Внезапно послышался за спиной стук двери. Шаги, шорох — и прозвучал бархатный баритон:

— Я мог.

Испуганно оборачиваюсь... тот самый незнакомец.

— Спасибо, Лещ, — кивнул в сторону сотрудника ДПС, на мгновение удостоив того взглядом, и снова на меня: глаза в глаза.

— Че те надо? — резво, смело, огорошено я. Позорно сгорая в поражении.

Хмыкнул, а затем и вовсе рассмеялся:

— А мы уже на ты?

— А чего церемониться? По возрасту — почти, что я: чуть больше тридцати, да? Одно только — погоны греют. Вот только мерзко ими так пользоваться. Что я тебе сделала? Что тебе надо от меня? — словно камикадзе, стреляла дерзостью вслепую.

Улыбнулся коротко, лживо, а затем и вовсе заиграл скулами. Сглотнул слюну:

— А что тут мерзкого? Погони больше нет. Преследователей твоих остудил. Свободна... — пожал плечами.

— Да уйти не могу.

— А надо?

Оторопела я от заявленного.

Взгляд около... И только теперь страх начинает немного отпустить, сдирая пелену с глаз. Только сейчас понемногу начинаю осознавать: кто я, что я... где я и что сделала.

Вот только — ладно я, он-то кто?

— Зачем тебе всё это? — взор в очи.

— Скучно мне, — откровенно лжет, прыща иронией. Ухмыльнулся.

— Обезьянку купи... или вон... гавриков своих гоняй, — кивнула в сторону ГАИшников.

— Опостыли они мне уже, — ядовито скалится в улыбке. А взглядом так и меряет меня, скользит по всему телу, лишь иногда, для приличия, пляс в районе глаз или губ задерживая на дольше. — То ли дело... сбежавшая невеста. Не каждый день увидишь.

— Свою заведи, — злобно рычу, — доведи... и наслаждайся.

Пристыжено рассмеялся, опустив на мгновение взгляд.

Молчит.

Решаюсь продолжить, всё с тем же настроем:

— Всё? Я могу идти дальше, товарищ-начальник? Или что?

— Нет, — вполне искренне. И снова очи в очи.

Обмерла я, ошарашенная, как и прежде:

— Что? — поморщилась.

— Нельзя идти.

Нервически сглотнула слюну. Взор около — и снова на него:

— Что тебе от меня надо? Че ты увязался?

— Не хочу, чтоб уже вечером объявили, что тебя выловили из реки.

Скривилась от раздражения. Отвернулась. Гневно, мерно рычу:

— Я не собираюсь с собой кончать!

Глаза в глаза, с вызовом.

— И, тем не менее, — отозвался. — Просто пообщаться. Час, дай. мне. час.

Обомлела я, огорошенная.

Ах, вот... как. «Час». С*ка, «час» ему — и хватит.

Резво отворачиваюсь, пряча замершие на ресницах слезы. Кривые, строя непринужденность, движения — и стираю предательские потоки боли и позора со щек.

Смелое гаду в очи:

— Час — так час. Только водки сначала купи.

...забраться на заднее сидение в его джип.

Педаль газа — и помчали. Супермаркет. Стоянка.

Замер автомобиль. Полуоборот водителя — взор на меня, не отвечаю ему тем же: игнорирую.

— Точно водки? — нотки сарказма.

Яростный, презрительный взгляд. Молчу.

— Ну, окей...

...

Минуты, длинные... жуткие, важные.

И авто не закрыто. И сбежать можно, и по дворам от ДПСников зашухериться. Но не хочу. Не знаю почему, но уже не хочу. Иду войной — не так против всего мира, как против себя... отчаянно топя идиотку там, где и так уже давно захлебнулась.

Рыкнула дверь, протянул бутылку.

Мигом хватаю. Демонстративно тотчас откручиваю и пью с горла — сколько могу... залпом.

Оторопел, ошарашенный. Молчит, ведется — следит взглядом. Еще мгновение — и выдох, поморщилась невольно. Закрутила пробку, отбросила горе-фляжку долой.

Живо зашевелилась, задрав полы платья, забралась на сидение полностью, в раскорячку.

Ору на него:

— Валяй!

Шок отпечатался немым, бледным полотном на его лице.

— Че замер? — едко. — Ты же этого хотел?! Ну, так давай! Сэкономим время и нервы. Или что? Мне тебе и ремень расстегнуть?

Нервически сглотнул слюну. Все еще как статуя.

Мигом подаюсь вперед — хватаю за грудки и тащу на себя. Неосознанно поддается, повис сверху, упершись в сидение:

— Че ты, как идиот? Или мне реально все самой делать?

Мигом протискиваюсь к его брюкам и нащупываю бляху.

Враз ухватил за кисть одной рукой, останавливая.

Очи в очи:

— Мой же час? — не менее дерзко, нежели я.

Дрогнула в невольном испуге. Но еще играю роль:

— Твой.

— И мне же решать, что будет. Верно?

Взволнованно сглотнула слюну:

— Только без извращений... не болезненно... и не к бывшему, — тихо, несмело... с опаской.

Ухмыльнулся добро как-то, тепло:

— Идёт.

Глава 2. Город военных кораблей и янтаря

Глава 2. Город военных кораблей и янтаря

Мигот отстранился, слез с меня "Герой". Выбрался наружу, замер рядом с автомобилем. Демонстративное движение — взгляд на свои наручные часы; быстрые, ловкие штрихи — и победно ухмыльнулся:

— Так-с... час, так час, — взор мне в очи. Любезно пояснил: — Будильник поставил, — скривился в гримасе. И вдруг кивнул: — Поехали!

Страшно ли было? Страшно?

Да. Особенно — когда за город выехали. В неизвестном направлении...

Более того, время шло, тикало — километры за километрами. Лесополоса, поля, озера, деревни — всё пролетало мимо, ускользая в невозвратную даль.

— Ты меня в особом месте, что ли, закопать хочешь?.. — едва ли не заикаясь от волнения, попыталась шутливо съязвить. — Или просто за границу вывезти?

Взор на мгновение через плечо:

— В особом месте... — тихо рассмеялся.

Сиюсь не упустить настрой:

— Так это... болезненно будет: не по правилам... — несмело, едва ли не шепотом.

И снова смех. Взгляд в зеркало заднего вида:

— А я усыплю — ничего не почувствуешь.

— А это — уже извращение... — страх хлещет по спине, но странная игра раззадоривает какого-то внутреннего умалишенного во мне, вынуждая, требуя поддаться, уступить.

— И все тебе не так, — тихо хохочет "супостат".

— Одно дело — секс, а другое — копыта отбросить.

Обернулся на миг, глаза в глаза. Залился доброй, подкупающей улыбкой:

— А тебе бы только секс.

(и снова взор на дорогу)

Обомлела я: уделал.

Лихорадочно (паясничая) заморгала:

— Мне?

Ржет откровенно уже:

— Ну, не мне же?

...

Откинуться на спинку сидения, руки в стороны развести и застыть: устыженная, пришипленная, уязвленная... но полностью освободившаяся, вырвавшаяся из лап ужаса и страха.

Не знаю почему, глупо и недальновидно, но... мне хочется Ему верить.

Верить, вопреки всему.

...или хотя бы посмотреть, что будет дальше.

Обомлела я от прозрения, завидев дорожный знак с названием города:

— Да ла-адно... — растерянно протянула. — А чего сразу не на край света?

— А это не он? — захохотал.

Крики чаек, шум прибоя... время от времени — гудки военных кораблей...

Внушительных размеров морской порт, паромный терминал, железнодорожный вокзал. Крупнейшая военно-морская база страны на холодном, "Янтарном" море. Еще недавно закрытый для посещения иностранцами, город является не только важной стратегической точкой на карте нашей Родины, но и для всей Европы в целом. Он расположен на полуострове, на севере Косы (которую по-братски поделили меж собой две "соседки"). И именно здесь находятся те самые уникальные ворота (длинные пряди Северного и Южного молов), канал, что и пропускает всех желающих, "морских обитателей", туда и обратно, из одного залива (внутреннего) в другой (открытый: плавно переходящий в просторы бездонного моря).

Еще немного по узким улицам — и выкатились напрямик к набережной, замерли у памятника. Всё еще в авто. Обернулся и кивнул вдруг в сторону черного каменного всадника мой "Захватчик":

— Тезка твоя. Поприветствуй хоть...

Игнорирую:

— И что мы здесь забыли? — недовольно бурчу, утопая в полном непонимании.

Ухмылка разодрала его уста:

— Мой час.

— А от него еще что-то осталось?

Улыбнулся. Но не поддался, даже не взглянул на часы:

— Будильник еще не прозвенел — значит, осталось. Выходи, — кивнул на дверь.

— Джентльмен хренов, — рычу себе под нос.

Попытки «слегка» хмельной невесты выбраться наружу.

— А залезала, ой, как ловко! — не удержался от добродушной насмешки. Но все же поддался ко мне и помог выбраться из машины.

Смолчала. Лишь скривилась, так и не придумав, как достойно парировать.

— Ну что? — шумно вздохнул. — Невеста, цепляйся за меня... — галантно подставил согнутый локоть, — и пошли гулять.

— Ты серьезно? — огорошенная, рассмеялась я.

— А что? — загоготал. — Это из эпопеи «болезненно» или «извращение»? — откровенный стеб.

Не выдерживаю — и пораженчески улыбаюсь в ответ. Отвожу взгляд.

— Это из эпопеи «сумасбродства», — бурчу неуверенно, тихо, чтоб никто лишний не уловил.

— Ну, — пожал плечами. — Мне мой командир этого не запретил, — захохотал бесстыдно.

Рассмеялась и я.

Чувствую, что краснею. Поддаюсь — ухватила за руку.

Разворот — пошагали, побрели... вдоль "шипастого бальверка".

— И тебе не стыдно?

— Ты о чем? — все еще улыбаясь, метнул на меня удивленный взгляд.

— Строить из себя... "липового" жениха?

Скривился в немых рассуждениях. Миг — и закачал отрицательно головой:

— Никого я из себя не строю. А то, что окружающие себе надумают, — их дело. Проблемы, заботы...

Но еще пару шагов — и вдруг обмер. Поддалась участию и я.

Лицом к лицу.

— Ну, если тебя коробит, если хочешь, — неожиданно плеча переживанием, торопливо отозвался мой спутник, — фату сними... Станешь обычной "золушкой", сбежавшей с бала, — игриво подмигнул.

Улыбнулась я, залившись доброй, благодарной улыбкой.

Вдох — тревожные, пугливые мгновения "за и против" — и решаюсь:

— А давай! Поможешь? — смелый, твердый, требовательный взгляд ему в очи.

Выгнул брови.

Секунды сомнений — и первая ныряю к прядям, пытаюсь злосчастную выпутать из чертового омута прически. Враз реагирует мой "кавалер" — жадно прилип, вцепился руками, уже осознанно, толково творя там беспредел. Смущенно смеюсь и ойкаю, когда мой "изверг" непреднамеренно дергает за волосы, то и дело, временами вырывая оные с корнем.

— Прости, — пристыжено захохотал, — что нарушаю договор.

Усовещено рассмеялась и я (не просто рдея, а уже конкретно пылая от смущения и стыда):

— Ничего. Сама напросилась...

Ухмыльнулся.

Заметно силится, тужится быть более аккуратным, ловким.

Еще миг — и наконец-то выдох, опустил руки. Протянул трофей:

— Надо было сразу сообразить: в машине бы оставили.

— Зачем? — смеюсь.

Забираю и тут же, развеивая вместе с прошлым по ветру, пускаю ее на волю случая.

Полетела, закувыркалась, устремилась прочь — моя боль, горечь, едва ли не совершенная ошибка... моя мечта и погребение одновременно.

И вдруг какая-то невысокого роста девочка запрыгала, пытаюсь поймать "белую дымку", а затем и вовсе храбро, самоотверженно рванула за ней... Еще миг, еще одно проворное движение — и схватила "непослушную".

— Тетенька! — разворот, и радостно, быстро кинулась к нам, застывшим в немом шоке, все еще следящим за происходящим. — Тетенька, Вы упустили! А я поймала! Держите!

— Спасибо, хорошая моя, — смущенно заулыбалась я, стгорая уже не только от стыда... но и от ужаса. Дрожь по телу.

Протянула девчушка свою "добычу", невольно уставив на меня свои добрые, искристые круглые глазища.

Взволновано закачала я головой:

— Не надо она мне, — с опаской, шепотом, виновато. — Хочешь? Дарю!

Оторопела в момент малышка:

— Что, правда? — а глаза еще сильнее расширились, загораясь необузданным счастьем.

— Конечно, — улыбаюсь смущенно.

А вот и родители маленькой Героини.

— Мама! Мама! Смотри, что мне тетя подарила!!! — радостно заскакала та на месте, бросаясь на нее, едва ли не цепляясь за шею.

Устыжено, криво, горько улыбнулась я. Резвый разворот, чувствуя, как тотчас на мои

ресницы проступили слезы, и вот-вот, мерзкие, сорвутся с глаз.

Шепотом, но приказным тоном «Жениху»:

— Пошли давай.

В момент поддается, без лишних вопросов. Споров. Слов...

— Спасибо Вам! — слышу за спиной. Полуоборот вежливости и киваю головой. А ноги — сами несут, прибавляя скорость... будто из ада убегая, от кошмара — своего собственного кошмара... смирить, пережить который каждый раз все сложнее и сложнее...

Еще метры — и под незримым, практически не ощутимым, но чудотворным, невероятным, необъяснимым, хоть и молчаливым напором, влиянием своего спутника все же начинаю остывать... — сбавляю ход.

— Лебедь.

— А? — проглотить последнюю, гадкую слезу и обернуться к своему новому «знакомому».

Кивает вдруг куда-то вбок, едва ли мне не за спину:

— Лебедь, говорю... Там, на воде... Черный.

Удивленно выгнула брови я. Миг — и поддаюсь, оборачиваюсь — застываю в изумлении. Один-единешенек такой, среди стаи белых. Сидел, копошился, перья чистил, и вдруг взор около — плавно, неспешно поплыл, наслаждаясь покоем... мнимым, самовнушением дарованным, одиночеством.

— Черный... надо же. Не знала, что они у нас водятся.

— Я тоже, — ухмыльнулся. — Ну, что... идем дальше? — кивнул на дорогу.

Поддаюсь.

— А мы что... конкретно куда-то, или так?

Улыбнулся:

— И конкретно, и так...

Хмыкнула, в негодовании закачав головой:

— Мутный ты тип...

— Только сейчас заметила? — захохотал неожиданно громко.

— Надеялась... до последнего, — шепчу устыжено, пряча взор.

— На что? — измывается уже откровенно. Взгляд мне в лицо.

Отвечаю тем же. Глаза в глаза:

— На добропорядочность.

— А я не добропорядочный? — ухмыляется.

— Ну, мутный же...

— А мутные не бывают добропорядочными?

— А бывают? — смеюсь, сгорая в неловкости, но при это упиваясь заодно странной легкостью и зарождающимися, не менее странным образом, внутри меня покоем и весельем.

— Так мутные же, — решает ответить, — никогда не знаешь, что от них ждать. Вплоть до...ну, не знаю, до той же жуткой добропорядочности.

Не выдерживаю — и хохочу неприкрыто и громко:

— А она у тебя жуткая? — чувствую, как уже пылают мои щеки от смущения.

— У-у-у! — взревел. — Самому страшно!

Еще немного — и замерли у порога.

— Серьезно? — смотрю на своего кавалера. — Маяк?

— А что? — ухмыляется. — Религия не позволяет? Или фобия?

— Столько ехать, а потом... пешком идти? Сюда, кстати, — откровенно язвлю, — на машине легко подъехать можно было, и парковка вон свободна, — киваю головой в сторону оной.

Не поддается. Все еще сверлит меня взором, впивается в очи:

— Я знаю, — улыбается. — Так что... идем?

Пожала плечами и скривилась в рассуждениях:

— Идем...

Какие-то тихие, скрытые «шашни» со зрителем — и пропустил тот нас внутрь. Шаги по ступенькам, серпантинном ввысь, — и замерли на самой верхушке, в застекленном, уютном фонарном отсеке. Рядом с той самой лампой, узницей колец рифленых линз Френеля, что и испускает такой важный, такой действенный, невероятный... спасительный "мигающий", вращающийся луч света.

Еще немного скольжения взглядом, поддаваясь интересу, — и замираю. Не мене пытливый взор на своего «захватчика»:

— Ну... а дальше что?

Шаг ближе — и застыл. Рядом со мной. До неприличия близко.

Да так, что с каждым вдохом, с каждым выдохом... напряжение волнами стало накатывать меня, временами доводя до дрожи, до странных чувств, вынуждающих всю позорно, покорно сжаться... в непонятном трепете замереть, в волнении — от его тепла, чертовски завораживающего аромата (смеси терпкого парфюма и его собственного, уникального, не менее притягательного, запаха).

— Ему... кстати, уже больше двухсот лет, — неожиданно прошептал мой Герой.

Вмиг прокашлялась я, пытаюсь хоть как-то вырваться из плена, из омота, куда Он своей подлой харизмой, своим незримым влиянием, сладким, будоражащим, возбуждающим давлением увлек меня:

— К-кому?

Улыбнулся (победно, но тотчас попытался скрыть свое превосходство, проницательность):

— Маяку.

— А тебе?

Рассмеялся:

— Чуть меньше.

— Девяносто три? — дрожащим голосом нелепая, умирающая шутка, дабы хоть как-то отстоять свою честь.

Но вдруг движение — и приблизился, едва ли не касаясь моих губ своими:

— С чего такая точность? — шепотом.

Обмерла я, словно окаменевшая, — вот только в душе: конечности же предательски, откровенно заплясали в конвульсиях; мороз побежал по коже. Казалось, я — школьница... и впервые меня парень (который безумно нравится; который старше и намного мудрее, опытнее меня; обаятельный и просто до неприличия сводящий с ума) решается поцеловать. Умираю от страха... но очень... очень хочу поддаться. Отдаться... сполна.

Обреченно, смущенно, пораженчески прикрываю веки — и жду.

Застывает и Он.

Тихие, жуткие, молчаливые мгновения робких вдохов, выдохов, обжигая дыханием мои

уста... однако почему-то на большее не решается. Враз открываю очи — и устремляю испуганный, сконфуженный взгляд.

Улыбается. Не отстраняется — дразнит.

Ждет.

Но чего ждет?

И вдруг... пиканье. Пронзительное, жуткое, предательское... словно прутьями пробивая все мое сознание и доводя до еще большей дрожи, ужаса; едва ли не срывая, толкая на крик, визг... отчаяние, слезы.

Состроил гримасу, изображая печаль:

— Не успел.

Нервически сглотнула я слюну. Чувствую, как залилась краской позора. Щеки горят.

Стыдно, жутко... и сквозь землю впору провалиться.

— Или не хотел, — тихо, сухо, мертвым голосом.

— Не целую чужих невест...

Обмерла я, словно распятая. Уязвленная сказанным. Всколыхнувшись в памяти.

Опустила взгляд. Зажмурилась, сгорая в бесчестии.

— А бесхозных? — едва различимо, боясь даже, что услышит.

Но подхватил:

— Тем более... приклеятся еще...

Зажгла обида в горле. Казалось, точно сейчас разревусь.

Резко отвернулась, из последних сил сдерживаясь, уходя от расстрельного прозрения.

— То ли... — внезапно продолжил, отчего невольно, заметно я вздрогнула. Но не поддаюсь — не оборачиваюсь. Режет дальше: — ...если бы без платья.

Невольно, нервически рассмеялась я, давась тихой истерикой, поперхнулась слюной, слезами.

Мигом стереть слабость и обернуться, кривляясь в улыбке:

— Профукал свой час. И нечего теперь свой рот разевать.

Улыбнулся, добро так, виновато.

Но попытался не подать виду, ни что заметил все, ни что облажался — гримасничая, поджал губы:

— Ниче, я еще покараулю... И следующий раз буду умнее.

Кисло усмехаюсь:

— А нас, что... много таких по городу бегают?

Пристыжено рассмеялся. Взгляд на мгновение спрятал, а затем вдруг смело глаза в глаза:

— А зачем мне новая?

Обмерла я, вновь пришипленная его странной игрой: и хочется, и колется... Замотала тотчас головой, прогоняя глупые, дурные, столпившиеся в непонимании и несуразице, мысли. Рассмеялась.

— Так, — шумный вздох и скривилась в язвительной ухмылке, снова наскребя силы на дерзость и гордость. — Что дальше-то?

Улыбнулся, видимо, обрадовавшись тому, что неловкость все же разрешилась:

— Что-что? — игривая ухмылка. Нырнул вдруг в карман и достал оттуда связку ключей. Протянул мне. — Вот, держи. Машина, помнишь, где стоит?

— Ну... — киваю в растерянности. Но все еще не поддаюсь — таращусь на него.

— Бери и иди, садись в нее. Жди меня — скоро буду. Потом назад и отвезу. А сейчас меня ждут дела: одна встреча. И, увы, лишних ушей... она не терпит. Так что... прости, — паясничая, цыкнул, — но пока по раздельности. Или что? — обмер, реагируя на мой все еще ступор, удивление. — Или тебя провести?

Качаю отрицательно головой. Молчу. Не верю услышанному. Решаюсь на шпильку:

— А не боишься, что угоню?

Рассмеялся в момент.

— Ты? Не боюсь. Да и куда тебе? — ухмыльнулся злокозненно. — Хмельная моя Невеста.

Скорчила шутливую, обиженную рожицу, а затем вмиг залилась и я коварством:

— А кто узнает? Я буду излишне осторожной...

Захохотал; прищурил лукаво один глаз:

— Так я же — добропорядочный: обязан буду сообщить.

— Настучать, — открыто потешаясь (причем уже действительно искренне наливаясь приподнятым, веселым настроением), язвлю.

Вдруг приблизился — и снова до неприличия близко. Глаза в глаза. И вновь чувствую его тепло, дыхание на своих губах. И вновь сгораю от странной жажды, желания... влечения.

— Предупредить, — ядовито парирует.

— Сдать, — рублю, не отступая.

— Выполнить свой долг.

— Слить.

— Спасти... тысячи невинных жертв.

Заржала тотчас, не выдержав:

— Прямо... тысячи?

— О, да... — нежным бархатом обволакивая слух, прошептал "Инкуб". — Вы, коварные, роковые женщины... и не на такое еще способны.

Тихо смеюсь. Сдержанно уже, обреченно.

Истомно прикрывает веки, не вынося этого сумасбродства, напряжения, его напора.

— На встречу опоздаешь, — колко шепчу.

— Так ты ж ключи не берешь...

Резво распахнула я очи — и снова близко, и снова сводит с ума. Немного отстранилась и устремила взор на наши кисти. Беру связку — но не поддается, удерживает. Дразнит.

— Ну, и?

И снова глаза в глаза.

— Только водку там без меня... всю не выжри.

Опять пристыжено смеюсь:

— Почему же?

— Не люблю буйных мадемуазелей.

И снова проигрыш — хохочу откровенно, свободной рукой на мгновение прикрыв лицо; чувствую, как снова сгораю от стыда и смущения.

— Жаль, а так хотелось... — заливаюсь не так ядовито, как догорая в полнейшем фиаско. — Ладно, как скажешь.

— Печаль, — игривая серьезность.

— Что? — прыснула я опять от смеха.

— Да и я о том же...

Ржу, давясь застрелившейся кукушкой:

— Ты хоть сам знаешь, чего хочешь?

— Да. Но по договору — это запрещено, — и вдруг подмигнул мне.

Обомлела я в прозрении.

Резво отстранился, обронил связку в мою ладонь.

— Но ты права, — внезапно (или наконец-то) искренне и по делу. — Чем раньше начнем, тем быстрее кончим.

Разворот — пошагал на выход.

Покорно подалась и я за ним...

Глава 3. Плата

Глава 3. Плата

Пройтись по набережной: от Петра I к самой императрице Елизавете Петровне. Тезке как мой новый знакомый выразился.

Стоп. Он знает мое имя?

А его? Так и не удосужилась спросить...

Хотя... надо ли?

Что принесет нам эта встреча? И будут ли еще?

И надо ли это "еще"?

Ибо... толк? Вот... смысл? Зачем ему? Поиграться?

Спасибо. Наигрались. Наигрались, сломали — и выбросили. И кто теперь я? Или что?

Как там мой... «знакомый» сказал... «Коварная», «роковая»... хм, и даже не женщина уже. Нелепость. Разочарование. Бессмысленность.

Пустоцвет.

Что я ему дам... если и получу взамен искренность? Что?

Ничего.

А потому — и не надо. И не стоит.

Лучше не начинать — чтоб потом болезненно не заканчивать.

И не забралась я в машину, нет: а все по той же набережной неспешно потопала, пошагала, побрела дальше... Хотя до мелкого «маяка» так и не добралась: сигнального огня в форме красного «фонарного столба» в конце пирса. Этот «молодец», как и его брат-близнец, гордо возвышался над своим молом, а именно — его головной частью. Он строго указывал, как входящим в акваторию порта (и внутренний залив) судам, так и выходящим, где именно границы, ворота канала. И заботливо предупреждал, очерчивая свои формы, уточняя координаты, где раскинулся «прирученный», «прикрученный» к береговой линии, но непобедимый, непроходимый волнорез.

Свернула вбок — и вдоль, по побережью... Среди янтаря, ракушек, водорослей и вспенившихся волн — разуться и блуждать, теряясь в мыслях и нахлынувшей печали, полном осознании того, где я, кто/что я... и на что в итоге решилась. Совершила. Что меня ждет по прибытию — куда податься. Домой? Родители? Все будут искать. И «этот» — проходу не давать. Надо остыть — всем остыть, а дальше — дальше... видно будет.

И работу сменю. Пошло оно всё к черту! Надоело...

Исполню свою старую, древнюю мечту. Как там... мой «новый знакомый» говорил: «выполню долг», и вдруг... пусть не тысячи, но пару жизней — а тоже спасу. Авось... хоть так не буду зря кислород в легких гонять. Хоть какую-то пользу... принесу. Хоть для чего-то, чем-то... будет мое существование оправдано.

Не знаю, сколько прошло времени, сколько так нелепо бродила туда-сюда, нарезая «круги», витки вдоль каймы моря, но внезапно (наконец-то) послышались за моей спиной чьи-то резвые, уверенные шаги. Обернулась — Он самый, мой «Герой». Еще миг — и замер рядом:

— Янтарь вывозить запрещено, — вполне серьезно, грозно выдал.

Не сдержалась — захохотала, тотчас залившись краской, я:

— А так хотелось, — чуть слюной не подавилась, запнувшись из-за резкой смены настроения.

Позорно проиграл — не смог больше удерживать лживую маску строгости и тоже заулыбался:

— Не, ну... — скривился, — если только чуть-чуть...

— Ну, мне так, — пожалала плечами. — Один кусочек... с килограммчик, не больше.

— А-а! — паясничая, завёл. — Так бы сразу! Можно будет, если что, под платье запихнуть — скажем, что беременна.

Обмерла я, пришипленная шуткой: заледенела в лживой улыбке, не имея, не наскребя сил переиграть, что-либо ответить, и даже просто — разыграть равнодушие.

Учуял. Тотчас попытался исправиться:

— Ну, или мне, — робко заулыбался, рисуя на лице радость. — Я тоже сойду за добротную беременную дамочку, — и так ловко сгримасничал, скривился, сложив губы уточкой и выгнувшись в игривой, похотливой («заезженной», «классической») позе для "селфи", что я не выдержала — в момент прыснула от смеха и подалась, покато пошла на своего Клоуна. Подхватил учтиво, сжав в объятиях. Ржу откровенно, не имея сил сдержаться — уже буквально на грани истерики. Слезы, предатели, проступили-потекли, вот только уже не от горечи и боли, а от этой серьезной, солидной такой, немой комедии.

— Че ты ржешь? — попытка состроить обиженку. — Не веришь в меня?

— Ты — дурак, или только прикидываешься? — заикаясь, едва не захлебываясь, невольно плююсь я.

— Ой, всё! — попытка отстраниться, взмахнул высвободившейся рукой. — Не любишь ты меня! Не ценишь! Уеду я к маме!

— Ты, случаем, не актер?

Окаменел. Охрипло, шумно вдохнул. Еще миг — и тотчас прикрыл испуганно рот рукой, жадно выпучил очи. А рожа — и того смешнее, отчего просто уже оседаю, сгорая от приступа ражча, хватаясь за живот.

— Как ты узнала?! — рычит чудным басом. — Только никому! — лживый, испуганный взгляд около. А затем жест — прижал палец к губам: — Т-с-с! Сча фанатки набегут — кабздец нам!

— Нам? — хохочу. — Или только тебе?

— НАМ! — бешено взревел. — Как так? Конечно нам! Ты же — невеста моя! А они, — закачал вдруг головой, — не простят тебе этого! Точно говорю! — строит умный, всезнающий вид. — Зуб твой на отсечение даю!

Гогочу истерически, вновь давясь слезами:

— Зуб... мой... на отсечение?!

— А-ага! — не менее придурковато.

Взвыла я позорно, уже не имея сил сопротивляться.

Дико, идиотически:

— Ну, тогда... — шумный вздох, глотая жадно воздух. — В машину пора... и деру давать надо!

— Пора-а... — осипло, словно какой-то старый дед-маньяк, протянул, — тут ты права. — На мгновение обмер, и вдруг искренне подмигнул. Еще миг, еще вдох и сам, подавляя в

себе смех, выдал (голос стал, как прежде, нормальным, тихим, спокойным): — Ладно, без шуток... действительно пора.

Едва въехали обратно в родной город:

— Ну, что... Невеста. Куда тебя подбросить? — ухмыляется.

— На Павлика Морозова, у библиотеки — если несложно.

Рассмеялся вдруг. Взор на мгновение на меня, оторвавшись от дороги:

— Прямо на Павлика? Там же... у библиотеки? И обязательно Морозова? Или можно на своего?

Опять... я поклатом, заливаясь, задыхаясь от смеха.

— Ты сегодня перестанешь? Или как?

— А надо? — поддается и тоже хохочет (но тихо, сдержанно).

— Ну... обычно, после того, как хорошо и много посмеешься — немало потом и поплачешь.

— Так ты же вроде... уже поплакала... Или нет? Я че... перебил малину?

— Не перебил, — коротко рассмеялась, пристыжено пряча взгляд.

— Успела?

— Успела...

— Ну, вот и славненько, — улыбнулся. Взор в зеркало, на меня, на дорогу... — А то... ишь какая, виноватого нашла.

— Да я не про то... — торопливо пытаюсь оправдаться, стгорая еще больше от смущения.

— Да я знаю, — добро так, нежно прошептал. Усмехнулся. — Так ты из Балтрайона?

Миг — и отчего-то нахожу силы на игру.

Не без язвы:

— Подруга — да.

— А ты к подруге?

Киваю головой, не отвечая вслух. Скривилась, поджав губы.

Нет ни сил, ни желания... объяснять. А вернее, вспоминать... всю горькую правду своей жизни.

Еще миг — и замерли на остановке.

— Ну, — обернулся, взор мне в очи. — Прощай... Невеста. Али, до встречи...

Ухмыльнулась.

Пристыжено прячу взгляд.

А самой — так и скребут кошки на душе. Внутри сердце вопит, требует удержать Его, не отпускать... любой ценой и под любым предлогом. Но идей — ноль... Да и... неправильно всё это.

Живо ныряю руками к волосам и выпутываю из прядей гребень. Еще миг — и протягиваю своему «знакомому»:

— Держи.

— Что это? — улыбается, но мой напор, выжидание — и поддается, берет.

— Заколка.

— Вижу, — ухмыляется. Взор то на бижутерию, то на меня.

— Это — плата: за гостеприимность, за услуги таксиста, экскурсовода... — тихо, мерно, с опаской и особой, какой-то трепетной сладостью, вкусом перебираю

воспоминания сегодняшнего дня. — Комедианта, — невольно смеюсь, поддаваясь вспышкам чудных картин его гримас, — и за поставщика... спиртного. Я заберу? — кивнула в сторону заднего сидения, где, если мне не изменяет память, хранится мой спасительный сосуд с влагой, дающей силы на сегодняшнее безобразие и безумство. — А то... вдруг у нее там сухо...

Еще одно моргание, взмах ресниц — и вовсе улыбка стерлась с его лица.

Всучил силой в руки обратно трофей:

— Не надо мне ничего, — грубо, обиженно даже.

Криво улыбаюсь, уязвленная, что шутка моя так глупо вышла мне боком.

— Пожалуйста, — сую обратно — не поддается. — Я ее видеть не могу. А этому уроду вернуть — и того обиднее. Пусть лучше удавиться от злости.

— А мне-то она зачем? — криво, горько рассмеялся. — Я замуж пока не собираюсь, — пожал плечами. И пусть улыбка вновь проступила на его устах, все же радости в ней не оказалось.

— В ломбард сдашь — неплохие деньги получишь.

— Сама и сдай.

Закачала головой:

— Совесть не позволит. Как и выбросить.

— Подруге подари.

— Вместе с горем? — резво выстрелила ему в очи. Отвечает тем же. — С тем, что эта цацка мне в итоге принесла? Сколько скандалов, трагедий... Как и вся эта свадьба...

— А мне можно? — криво ухмыльнулся.

— Так ты же ее сдашь — и сотрется всё. А Инка — оставит. Знаю ее: жаба задушит... и оставит. Позолота, жемчуг, фианиты... ручная работа.

— А может, проще тогда владельцу вернуть?

— Я — владелец, — твердо, жестко, гневно.

— Ну, дарителю...

— А мне он моё вернет? — дерзко выпаливаю, отчаянно, с горечью, отчего враз скривился мой собеседник, отвел взгляд в сторону. Нервически сглотнул слюну. Решаюсь продолжить: — То, что у меня отобрал, безжалостно... и бесчеловечно, вернет?

— Что? — выстрелом осмелевшим в очи. Вот только я уже не выдерживаю — и увиливаю взором. Вбок, за спину. В сторону бутылки — нащупываю барышню взглядом.

— Неважно. Так я возьму? — киваю в сторону этилового.

— Бери, что хочешь, — тихо, робко, охрипло.

— Спасибо за все. И не обижайся... если что не так, где или когда сказала, сделала... глупо или резко.

Резвое движение — перелезла, перекинулась через спинку сидения и схватила бутылку. Прижать к груди «трофей» — не решаюсь удостоить Судью, что, ясен пень, откровенно осуждает сейчас меня за столь низменное поведение, но и плевать. Уверенное, стремительное движение — открыть дверь и подаюсь, вываливаюсь наружу, не прощаясь, но ловко роняя на пол авто на память, в благодарность... вместо себя... злосчастное украшение.

Глава 4. Древняя мечта

Глава 4. Древняя мечта

И пусть подруга хорошей была, и спиртное из самых глубин выворачивало боль и отчаяние, реветь, горевать больше не хотелось. То и дело... мысли возвращались к моему новому знакомому и к тем, таким странным, бесшабашным, на грани риска и сладости, несколькими часам... безумия, смеха и слез... что оказались куда круче, ярче, запоминающееся и приятнее, нежели... вся моя чертова жизнь.

Инке я так и не смогла про Него рассказать. Ничего. Вообще... ничего. Сбежала — и сбежала. Благодетель подсобил с "лекарством" — и весь трехтомник о случившемся. И без того было кому и за что... кости перемывать. Но затем наступало затишье — и я вновь тонула в серо-голубых глазах, что фантомом стояли передо мной... видела перед собой ядовитую ухмылку, гримасы и паясничания... "Беременная мадемуазель" была сродни ангелу, спустившемуся с небес. Спасшим меня... от меня самой. И пусть я действительно не намеревалась ни прыгать с моста, ни еще что иное из этой эпопеи учинять, в остальном же — я была мертвая. Мертвая, пока... Он, имя которого я так и не удосужилась узнать, не оживил меня, не вернул желание... дышать, существовать и двигаться дальше.

— Че улыбаешься? — внезапно гаркнула на меня Инесса, отойдя от прострационного анабиоза.

— В ментовку хочу пойти работать... — попытка увильнуть другой темой от правды.

— Че? — выпучила ошарашено на меня свои хмельные шары подруга, забыв как дышать.

— Опером.

— Дочь, я даже не представляю, как ты это всё видишь... честно. Да и потом, кому я буду звонить? Я — бывший военный, а не... Сама понимаешь: разные структуры — разные начальники.

— Вот только не начинай, — ядовито ухмыляюсь отцу. — Кто еще прошлым летом на залив ездил рыбачить с дядей Гришей, дядей Борей и дядей Колей? А?

— Ну-у... — протянул, закатив глаза под лоб; откинулся на спинку стула. — Ты выдала...

— А что им стоит? Пап! Пожалуйста! Мне очень надо!

— Зачем?

Обмерла я. Была — не была. Поймет — не поймет:

— Пользу хочу обществу приносить.

— Опером? — едко, с негодованием.

— Да.

— Почему не врачом?

— И сколько мне будет, когда закончу учебу? Пап, ну что ты! А так... уже что не есть...

— Школьный учитель физкультуры... и опер?

— Пап! Пожалуйста! Я тебя ни о чем никогда так сильно не просила!

— А замуж за этого козла? — кивнул куда-то в сторону и гневно стиснул зубы.

— Но не вышла же...

— Но и аборт сделала!

— Папа, не начинай!

— Что папа?! ЧТО ПАПА?!! Кто теперь нам внуков родит?! КТО?! — яростно бахну кулаком по столу.

— Пожалуйста... — тихо, обреченно, виновато, стыдливо спрятав взгляд.

— Толя, перестань! — слышу испуганный, взволнованный голос матери.

Сижу... а слезы горькими ручьями уже стекают по щекам... И хочется, очень хочется оправдать себя, спихнуть вину на виноватого — но и того будет хуже. Убьет — просто... убьет его. И так ненавидел, а после сего признания — окончательно причины перевесят доводы рассудка.

— Ой, всё! И ты туда же! — резво вскочил с места. Махнул рукой: — Пошли вы. ДУРЫ! — разворот и пошагал прочь, скрываясь в коридоре (позорно уступая горю — и тоже шмыгая носом).

— Не слушай его, Лизунь... — чувствую тепло, тяжесть руки мамы на своем плече. — Как-то оно да будет... И, поди, не только в этом — женское счастье... и предназначение. А польза — это хорошо. Но опер?... Лиз... Есть еще соцслужбы... Работа в детдоме...

— МАМА! — резко обернулась и дико взревела я, всматриваясь ей в лицо. Дрожу, трясусь, сгораю от ужаса и обида из-за ее непонимания. — Я ИХ ВИДЕТЬ МОГУ СЛЫШАТЬ! ДЕТЕЙ ТВОИХ! КАКОЙ ДЕТДОМ?!! Я ЖЕ РЕХНУСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО!!!

Сорвалась с места. Живо ноги в шлепанцы, открыла входную дверь и выскочила долой из квартиры в подъезд.

— НЕ СМЕЙ! — слышу грозное вдогонку бати. Не реагирую — еще быстрее перебираю ногами по ступенькам. — СТОЯТЬ!!!

Но еще миг — и выныриваю... Привычной дорогой обратно к Инке...

Август, 2016 г.

Поддался. Всем, кому мог, и кому надо было — позвонил. Папа позвонил. И договорился.

А потому на дворе август — а я пишу заявление по собственному в школе и иду устраиваться в местное отделение милиции в качестве оперуполномоченного уголовного розыска....

— Вы че, о**ели? — вот именно такими словами меня встретили сослуживцы (хотя, конечно, выступая за моей спиной). — Какая баба? Какая, на ***, учительница?! Вы о чем?! Она хоть раз пистолет в руки брала?! Или че, если че, указкой затыкает до смерти?.. О**еть. — Продолжил все тот же Сергей Науменко, майор милиции, немного помолчав: — Не, ребята... я в эти ваши... сексуальные игры не играю. Е**тесь, как хотите, но без меня.

— Это приказ, — послышался грозный голос начальника отделения, подполковника Курасова Юрия Александровича.

А затем и вовсе мне повезло невзначай (вряд ли нарочно) подслушать странный разговор всё того же подполковника всё с тем же (причем, единственным столь недовольным — остальные же пока только слюни на меня пускали) "Сереженькой":

— Короче, — отозвался Курасов. — Твое дело простое: следи, чтоб не грохнули ее раньше времени. Во все дела допускай. Особенно... ну, — замаялся, — сам понимаешь какие... Не щади. Ни капли — причем, — вдруг его голос стих до шепота, хотя все равно слышно, — это даже не моя просьба: а того самого... кто за нее и ходатайствовал, по чьей

милости она сейчас здесь, у нас. Пусть побесится девка, попробует, хлебнет горькой — и попустит сразу. Сама уволится. Учительница, — хмыкнул. — Дожили... а дальше кто? Няньки? От горшка до табельного?

— И что... прям с самого детства мечтала стать милиционером? — обступили меня ребята (не только из нашего подразделения, но и из других), изучая новую «игрушку».

Улыбаюсь:

— Почти. Сначала хотела пойти по военной стези, как отец, но тот мне сразу категорически заявил, что бы даже и не думала: не женская это профессия. Тогда родилась идея пойти в спорт. Но снова фиаско: мои частые простуды брали свое, и некуда было добавлять надрывную, фанатичную физическую деятельность. Но тяга-то есть тяга — вот и пошла в учительницы физической культуры. Работать стала — и поняла: не мое это. То ли дело вы, ваша служба: польза обществу, и сам реализовываешься как гражданин, как Человек.

— Ух! — вскрикнул в сердцах (не без ноток лжи) товарищ капитан, Сальников Виталий Дмитриевич, еще один мой «близкий» коллега. — Не женщина, а сказка!

— Ага! «Студентка, комсомолка, спортсменка, наконец... просто красавица!» — неожиданно выдал, с акцентом спародировал героя из «Кавказкой пленницы», Казанцев Роман (очередной слюнопускатель, но уже не из «наших»).

— Пошутил так пошутил, — пристыжено хохочу с него.

— А чё, не комсомолка? — очень даже реалистично возмутился тот, но буквально миг — и сам же громко рассмеялся.

— А ты с какой целью интересуешься? — пытаюсь не отставать и я.

Но внезапно распахнулась дверь — и влетел озлобленный (хотя, может, это и норма, ведь иным я пока его и не видела) Науменко:

— Мои — собирайтесь! И ты, — гаркнул на меня майор, сверкнув презрительным взглядом.

— Куда? — растеряно, шепотом кто-то из толпы.

— На выезд! Труп.

Едва я попыталась успеть за всеми, подавшись на выход, протиснуться в сторону лестницы, как тотчас перехватил меня мой «недо-начальник» и, силой ухватив за локоть, затащил в туалет. Глаза в глаза — так и сверлит взором до самого дна, отчего вмиг страх змеюкой пополз по моей спине, заставляя ежиться и дрожать от волнения.

— Вали отсюда!

— Что? — обмерла я от столь резкой и неожиданной прямооты (и даже приказ его уже не смущал).

— Чё ты здесь забыла?!

— А Вам какое дело?

— Ты о**ела?

— Что? — глаза мои округлились, а легкие забыли, как вбирать воздух. Заледенела.

— Рапорт в зубы — и к Курасову! Чтобы к вечеру — не видел! А иначе...

— А иначе что? — словно смертник, сама не знаю, как осмеливаюсь на дерзость.

Яростный напор, отчего резко, невольно прибилась я спиной к стене. Приблизился, да так, что дыхание его тотчас обожгло мне кожу, губы. Пронзительный взгляд в очи:

— А иначе...

Скрипнула дверь.

Оба дернулись мы в испуге, дрогнули — но с места никто не сдвинулся.

Послышалось ленивое, песней:

— Ли-зо-онька! Ну, ты где?.. Оп-па... — оторопел от удивления Виталик. — Быстры вы...

— ДВЕРИ ЗАКРЫЛ! — рявкнул неистово на него Науменко.

— Пардон, — поднял тот руки вверх и, фиглярствуя, развел их в стороны. — Детей только не делайте здесь: Курасов рыщет.

Разворот — и едва хотел уйти, как тотчас — присев, ловко выныриваю из захвата гада и бросаюсь за своим невольным спасителем:

— Виталик, стой! Я с тобой!

— Мы не договорили! — жестко мне в спину Науменко.

Но уже цепляюсь за руку вновь подвешенного от удивления Сальникова и тащу того на выход, не реагируя на происходящее. Колкое, вполоборота, на прощание ублюдку:

— Договорили!

— Да ладно? — доносится шепот из комнаты, где и обнаружили тело, где и осматривает его сейчас эксперт. — Зачем ее? У него же тут полчерепухи нет...

— Это приказ! — мерзкое, бешеное... Узнаю голос Сергея.

Покорно ступаю внутрь комнаты.

— Иди к Толику, — кивает мой супостат в сторону сотрудников, что замерли около трупя.

— А Толик — это-о... — нарочно потянула я, (не менее озлобленно, обижено) паясничая.

— Эксперт! — рявкнул Науменко. — Знать надо! — скривил свою противную рожу.

— Теперь буду...

— Ты че вые**ваешься? — резко мне в спину. Аж оторопела. Разворот. Очи в очи.

— Серега! — слышу с негодованием Виталика. — Ты че материшься? Че ты к ней пристал?

— Заткнись! — выпалил тот ему; разворот ко мне: — А ты иди, давай, че стала, вылупилась?

Скривилась я, отвернулась покорно — шаги к цели. И вновь (бесящий уже) голос позади:

— Еще раз пасть раскроешь на меня при ней — зубы пересчитаю, ясно?

— Бабу себе сними... Че ты взъелся?

— Тебя забыл спросить: как и с кем мне говорить, че делать!

Движение «Майора» ко мне ближе — отчего резко, послушно, с перепугу приседаю рядом с трупом — прикрыт уже простыней, хотя и без того приличная лужица и странное месиво ореолом вокруг (не хочу даже фантазировать, что это... и как оно, при каких обстоятельствах).

— Че замерла? — послышалось внезапное за спиной, отчего невольно передернуло меня на месте. Опять Науменко: — Открыла, смотри, изучай. Может, что интересное поймешь. Да и на будущее полезно будет.

Оторопел «Толик»:

— Это что еще?

— Стажерка, — резкое, грубое, где-то надо мной.

— А-а-а, ну ладно. Хотя... именно этот случай я бы не рекомендовал... По крайней мере, для почина.

— Зато я рекомендую, — заключительное, приговором... моего изувера.

Шумный, глубокий вдох (морщась уже и без того... от запаха) — и отбросила белобурое полотно...

Окаменела — тошнота вмиг сдавила горло.

«Просто не думать. Не человек. Животное. Картина. Фильм. Кошмар. Чушь. Бред...» — целая череда мантр, вот только казалось: шевельнись — и тут же всё выблюю наружу.

— Ладно, я соседей опрашивать, — послышалось спасительное.

Минуты, дабы скрылся из виду мой Палач-начальник, — и тотчас срываюсь на ноги: полетела, помчала, будто земля подо мной горит.

— Э-э-э! А ты куда? — раздался за спиной чей-то голос, но чей уже было не разобрать.

— Куда она? — еще одного неизвестного грозное.

— Соседей опрашивать, — донеслось благородное... Сальникова.

По ступенькам вниз, с глаз долой: позор унося с собой, как нечто ценное.

Еще немного — стремительного, гравитацией усиленного, поката моего по лестнице — и буквально чуть не налетела сверху на одного из жильцов, что стоял внизу, на площадке — открывал свою дверь.

Словно поток воздуха — силой толкаю молодого человека внутрь квартиры и бесцеремонно прорываюсь за ним следом.

Бешеный взор по сторонам и, едва что соображая, интуитивно бросаюсь к санузелу. Унитаз, белый овал... Жадно ухватившись за обод, вмиг устремляю туда взор — и всё, что так давно просилось наружу, выbleываю долой. И, казалось, чем больше отвечала я на позывы — тем сильнее и сильнее хотелось выплюнуть всё из себя, весь тот жуткий образ, что сплошной пеленой, жестоким непроглядным полотном натянулся перед моими глазами. А в голове, будто чугунного литого колокола перезвон, отбивались чьи-то слова: «У него же тут полчерепухи нет». И снова брызги перед глазами, куски, лужа... — и снова позыв, и снова всё, казалось уже, вместе с желудком норовило вырваться из меня, сбегая от ужаса полоумных. И вновь отдышаться, прокручивая, словно мазохист, в голове все то, что только что видела. И опять рвота, сжимая все мышцы в теле до боли... до слез, до истерики — не имея возможности остановиться...

Но еще минуты, еще сражение — и обмираю, устало зажмурил веки. И пусть картина еще стояла перед глазами, сил (ни физических, ни душевных) на сопротивление... не осталось.

Движение — и рухнула с колен на задницу. Расселась. Глубокий вдох — глубокий... выдох.

Шорох где-то за спиной. Отрываю очи. Но не оборачиваюсь...

Нечто более яркое, внушительное, жуткое привлекло мое внимание: в испуге, в ужасе перевожу, устремляю взор на ванную. Широко, до боли распахнулись мои глаза — заледенела я. Не дышу. Миг — и, едва визг (дикий, отчаянный, бешеный, сумасбродный крик) попытался вырваться из меня наружу, как тотчас кто-то грубо (предусмотрительно) заткнул мне рот рукой, деспотической силой сдерживая непоправимое.

— Успокойся, — не сразу доходит смысл сказанных захватчиком слов.

Всё мое сознание жадно и с ужасом изучало, впитывало ранее увиденную картину, а последующая переменная — уже довершением, контрольным выстрелом пришла. Сердце колотилось, что бешенное, не знаю... как еще не забыв свой ход. Волосы просто стали дыбом. Конечности похолодели и затряслись в конвульсиях, будто кто через меня ток пропускал. Всё тело сгорало от жуткого перенапряжения, как и разум — пытающийся понять, где еще реальность, а где — уже просто... помутневший рассудок, мир галлюцинаций. Запах разрывал меня изнутри, рождая выдуманные мерзкие фантазии, связанные непонятно с чем. Я пыталась определить или запомнить новоявленное — слишком много жути на короткие минуты моей жизни. Однако, что есть, то есть. И ровным счетом, ничего не исчезало: ни захватчик, ни труп неизвестного в белой чугунной «колыбели». Одетый, в сухой (кроме как в лужи его собственной крови) ванне лежал мужчина с темно-бурым отверстием во лбу, оповещая всех нас о неизбежном...

— Ты меня слышишь? — очередной шум, шорох, шепот обрел очертания слов, отчего спустя секунды, минуты... (когда вновь смогла управлять своим телом) несмело закивала я одобрительно головой. — Хорошо, — продолжил Незнакомец. — Я ничего тебе не сделаю, только не кричи. И это не я убил — мы вместе зашли, а вернее, ты ворвалась даже вперед меня...

Окоченела я от прозрения. Не шевелюсь.

— Я отпущу... Но если будешь орать или сопротивляться — будет только хуже. Поняла?

Снова мгновения, снова страх, сомнения, попытки сполна осознать всё услышанное — и лихорадочно замотала я головой, позорно, безропотно соглашаясь.

Секунды — и хватка ослабла, пальцы разжались. Шаг в сторону.

— Медленно поворачивайся и руки держи так, что бы я их видел.

Подчиняюсь.

Несмелое движение — и обмираю, лицом к лицу. Отваживаюсь поднять взгляд.

Окаменела... причем не меньше, чем когда увидела перед собой... очередной труп.

— Ты? — вырвалось из меня хрипкое, глупое.

Криво, коротко усмехнулся.

Закивал головой, виновато поджав губы:

— Увы, Лиз. Да. Это — я.

Глава 5. Западня

— Я отпущу... Но если будешь орать или сопротивляться — будет только хуже. Поняла?

Снова мгновения, снова страх, сомнения, попытки сполна осознать всё услышанное — и лихорадочно замотала я головой, позорно, безропотно соглашаясь.

Секунды — и хватка ослабла, пальцы разжались. Шаг в сторону.

— Медленно поворачивайся и руки держи так, что бы я их видел.

Подчиняюсь.

Несмелое движение — и обмираю, лицом к лицу. Отваживаюсь поднять взгляд.

Окаменела... причем не меньше, чем когда увидела перед собой... очередной труп.

— Ты? — вырвалось из меня хрипкое, глупое.

Криво, коротко усмехнулся.

Закивал головой, виновато поджав губы:

— Увы, Лиз. Да. Это — я.

Тот, о ком я столько грезила, кого всеми фибрами души мечтала встретить, по щучьему велению, явился ко мне во плоти. Вот: буквально потянишь рукой — и коснешься... Только уже не улыбкой меня встречает, а пистолетом: дулом, прикипевшим ко мне угрозой, замирая на расстоянии пары шагов.

— Прошу, только без глупостей. Хорошо? — все тот же тихий, убаюкивающий сознание и панику, голос.

А я не верю глазам. И, что самое страшное (осознавать), меня вовсе больше не заботило то, кто я, где я и что произошло вокруг, что обнаружила доселе.

Он! Итить твою налево, передо мной... стоял ОН!

Зажмурилась я — в голове... каша. Адски хотелось вырубиться сейчас. Красивый реверанс обмороком — как же я всегда завидовала тем, кто владел этим «аристократическим» приемом. Но увы: весь ужас всегда... сполна приходилось вкушать, наслаждаясь каждой нотой и переливом внутри сознания и плоти.

Стук в дверь, отчего тотчас меня передернуло на месте. Широко распахнула очи.

— Откройте, милиция! Опрашиваем свидетелей!

Вмиг приставил палец к своим губам мой «Захватчик», сигнализируя о своем решении.

Да я и без того ни на кого «извне» сейчас не променяла бы Его. С*ка, столько недель... (да даже месяцев уже!) прошло... Я смирилась со своей «потерей», «обреченностью» — и вот он. ВОТ! Только как? И что теперь?

Господи, о чем я только думаю? Что я несу?!

В кого я такая идиотка?!!

— Лиз! — всколыхнул тишину медовый голос; лицо исказилось от боли. Вмиг опустил пистолет, а затем и вовсе спрятал одного за пояс. Шаги ближе — хотел, было, коснуться меня, но я тут же невольно отдернулась. Пресек вольность. Только теперь осознала: слезы, отчаявшейся, шальной рекой, побежали по щекам, вторя старым следам.

— Сейчас они там на площадке рассосутся — и ты выйдешь. Сделаешь вид, что в квартире никого не было — будто ты внизу где-то там бродила. А мне еще здесь осмотреться надо, да и следы все твои убрать. Не я его убил, но он — мой осведомитель, и мне нужно

знать, что здесь произошло... И что такого интересного он хотел мне сказать, что его так быстро, учтиво заткнули.

— А верхнего?

— Что верхнего? — удивился.

— Тоже труп.

— Нет. Тем вы сами занимайтесь. А про этого — пока молчок. Когда надо будет, сам сообщу. — Короткая пауза, и вдруг шаг ближе и все же касается моей щеки: — Лиз, ну хватит реветь.

Поддаюсь, зажмурилась и пристыжено, криво усмехнулась:

— Я сейчас еще и "радугу пускать" начну, — устало, обреченно, едва слышно.

Тихо рассмеялся неожиданно:

— Опять?

— Ищите эту с*ку, да поехали! — послышалось вдруг грозное за дверью. Узнаю голос Науменко.

Чувствую, что краснею: раздумья уходят не туда... Но миг — и снова осознаю, иглами пробивая дурман, кто что и где происходит. Господи, как так? Что за странные, болезненные ощущения и мысли, и это тогда, когда за моей спиной в ванной сейчас лежит... очередной труп.

Шорох. Шаги к двери. Щелкнул замок.

Устремляю взгляд на своего Знакомого.

— Тебе пора, — казалось, с не большей охотой и с не меньшей горечью, нежели у меня сейчас на душе, произнес мой Захватчик. Ухватился за ручку.

Покорно подошла ближе. Застыла на расстоянии шепота.

Тихий, нежный, околдовывающий еще сильнее, пагубный бархат:

— Только ничего им не говори: ни обо мне, ни о том, что видела. И не переживай — всё будет хорошо.

— Мы еще встретимся? — смело, обижено, взмолившись ему в очи.

Заиграл скулами. Еще мгновение пугающего молчания — и резко рванул на себя плотно:

— Поспеси.

Бросилась сразу на выход. Из подъезда — и к служебному авто.

Замерли наши около оногo. Обступили, облепили: кто курит, а кто — так, лясы точит.

— Оба-на! А мы уже в розыск решили подавать, — заржал Сальников.

Криво улыбнулась я, смолчала.

— Где была? — гневно выпалил Науменко, сделав очередную затяжку.

— Свидетелей опрашивала, — тихо, несмело, с опаской...

— И как? — резво вставил кто-то свои пять копеек. Но не успела я обернуться, дабы отыскать взором, — вмиг, скривившись от злости, рявкнул Майор:

— А я тебе где приказал быть?!

— Да че ты опять к ней докопался? — поспешно вступился Виталик. — Насмотрелась она, вкусила — пару недель спать спокойно точно не будет. Че те еще надо?

— Чтоб на**й она отсюда свалила!

Оторопел товарищ:

— Серега... я тебя не узнаю. Ты чего?

— Ничего! Мне папиных сыночков и дочек, как и крыс, — на **й в отделении не надо! Вон — пусть в секретарши идет работать, или еще куда, и там пусть на нее слюни пускают. А мне баба, да еще такая: как собаке — пятая нога, на **р не вср*алась! ЯСНО? — рявкнул уже мне в лицо, окатив при этом еще дюжей порцией вони сигаретного дыма, отчего даже попятилась я невольно.

— Соблюдайте субординацию, пожалуйста, — гневно, но сдержанно, тихо прорычала я.

— Ты сейчас доп**дишься! — рявкнул враз на меня Науменко.

— И че ты сделаешь? — не выдерживаю уже, и тоже, с тем же напором плюю в ответ.

Округлились ошалевши бычьи очи.

— Э-э-э! — в момент протиснулся между нами Сальников, разведя свои руки в стороны. — Брейк, ребята!

Взор то на друга, то на меня:

— Лиз, ты поаккуратнее... — выдал неожиданно.

— Пр-ростите, товарищ начальник, — дерзкое сплевываю в сторону Майора. — Больше такого не повторится.

— Надеюсь! — едкое. — И что больше я тебя не увижу. Ни в каком виде!

— О-о! — паясничая, заржал вдруг Виталик. — Вот это мне нравится! Ток, вы про какой вид?

— Че ты лебезишь перед ней? — вполне серьезно, скупое гаркнул Науменко. — Ты накосячишь — она сдаст. Ты вылетишь — а она на твое место сядет.

— Я на своем буду сидеть! — выпаливаю, грубо перебивая.

Оторопел тот:

— Да неужели? — дерзко мне в очи Серега.

— Так точно! — язвлю.

— Что точно? Что ты мне «точняешь»? «Не будет она»... А че ты тогда в своей школе не сидела? А? На своем... месте. Че сюда приперлась? Не бабья это работа! Не бабья! Пс крайней мере, не такой!

— КАКОЙ? — не отступаю, готова уже и сама в глотку вгрызться.

— Да такой! Смазливой... дуры! Все сиськами... и еще один местом... дорогу себе пробиваете! Не успеем оглянуться, как уже капитошку влепят — а наши все еще летёхами бегать будут.

— Так пусть стараются!

— Те че... жить надоело?

— Ребята! Ну, хватит, — послышалось за нашими спинами. Невольно смолчали. Обернулись.

Шел «Толик», весело махая своим чемоданчиком:

— Побойтесь хроник! Кончали бы вы! На вас и так он уже со всех окон смотрят! А? Ну что вы цапаетесь?

— Толян, иди... куда шел, — сдержанно кинул ему Науменко.

— А ты меня не посылай: сам знаю, что мне делать. А бабу прессовать — последнее дело. Облажается — слетит. Че еще надо? Сиди, жди: и пусть лучший из вас победит — и окажется правым.

Прожевал эмоции Сергей. Взор около, а затем на меня:

— Под пули я с тобой не полезу. В няньки играть не собираюсь.

— Вот и хорошо: застрелят — меньше проблем тебе будет.

— Договорились! — едкое мне. Жуткая, колкая, режущая пауза. Незримый бой взглядов — и ухмыльнулся довольно, осознавая свое превосходство. Шумный вздох. Взгляд на Виталия: — Ладно, поехали в отделение, пересмотрим собранный материал, а после — определимся, куда дальше.

Плюхнулась я на заднее сидение. Рядом завалился Сальников.

Скривился недовольно Серега, но уже смолчал, не прокомментировал выбор товарища.

Едва взревел мотор, как тотчас наклонился ко мне Виталик и шепнул, так чтоб Майор не слышал:

— Не дрейфь. Если что — я прикрою.

Пристыжено рассмеялась я.

— Спасибо, — шевелю губами.

Подмигнул. Вмиг закинул руку мне на плечи и дружески обнял. Откинулся на спинку сидения — и устремил взор за окно, строя непринужденный вид.

Этот вечер я провела у Инки... И чем больше вливалось в меня спиртного, тем ярче становились картины, которые я так отчаянно пыталась забыть.

— И че? Прямо руками сказал туда лезть? — бешено округлив очи, вновь подняла старую тему подруга.

— Нет, блин! Ногами! — гаркнула я на нее, злясь, будто та в случившемся виновата. — Сказал, смотри, изучай! Просто... случай... не подходящий... или, как для него... и (!), кстати, — передернула я слова, играя тоном, — Курасову, главному начальнику, подполковнику, в самый раз. Их план, как не есть, в самом лучшем виде начал действовать, и так скоро, как сами того не ожидали. Благо, успела убежать, чтоб не видели весь мой позор. Но почему он меня так презирает — ума не приложу. Причем не только я: удивляются и другие... Ну, просто спасу нет! У меня уже мысли, знаешь... может, какой женофоб, женоненавистник...

— Г*й, что ли? — враз заржала Снарская, словно идиотка.

Захохотала и я вместе с ней.

— Нет, дура! Нет, конечно! Видела бы ты... как он на меня дышал, когда в туалете зажал. Глазами, главное, поедает, а язык так и выворачивает жуткие словища. Тут не то... Он... будто боится меня. Но что не так? Что я могу такое сделать? Не пойму...

— Так, может, он и боится... что сорвется... ну и того?

— Что «того»?

— Ну, что помешается на тебе... Завяжется у вас что-то... или так, без спросу... пристроится — и полетит к чертям его искрометная «карьера».

Обмерла я на миг, взвешивая сумасбродство подруги.

— Ну, по чуть-чуть бы тогда... кусая, отгораживаясь. Да обычная, строгая субординация... Холодность. Господи, что первый раз с мужчинами работаю? Сама вон никого сколько времени не подпускала, пока у меня... «Этот» был.

— Буран?

Смолчала я. Лишь опустила очи, ворочая в голове всколыхнувшиеся воспоминания.

Тягучие минуты...

— Че? Скучаешь по нему? — внезапно огорошила меня Инесса.

— По ком? — нахмурилась я. Взор в лицо.

— По ком, по ком? Ну, по ком еще? Антошке-*****шке...

Невольно рассмеялась я: последнее время меня очень забавляло, когда она его так называла.

— Смеешься? — не отступаю я. — Нет, конечно. Фу! — показательно вздрогнула я. — Не напоминай про ту мерзость. О другом вспомнила...

— О другом? — глаза округлились; многозначительно, коварно пропела та, подначивая враз вскрыть все тайны и вывалить ей на блюдечко.

Рассмеялась я:

— О другом — в смысле, о других вещах... А не то, что ты подумала...

— Ну-ну... Опять этот твой странный взгляд, и щеки вон уже пылать начинают. А то я не знаю... что ты про кого-то умалчиваешь. Еще в тот день свадьбы... странная вернулась.

— Ой, иди ты! Лучше наливай, по последней — да баиньки. Завтра мне рано утром вставать. И кто знает, что или кто меня ждет по прибытию... Да и нежности Науменко предстоит выдерживать достойно...

А на утро нас ждал труп. Тот самый, который «почивал» в ванне.

Сказать, что я поседела в тот момент от страха, что могут найти какие-то мои отпечатки пальцев, части «блевотины», или какие другие мои следы (и уже мне придется отдуваться в качестве подозреваемого) — ничего не сказать.

Сердце колотилось, что бешеное, отбивая усердно с удвоенной, а то (казалось) и утроенной силой, скоростью, свой шальной ритм; руки окоченели и тряслись, словно у больной старухи, а по спине карабкалась подлая кошка, то и дело, что раз за разом сдирая с меня заживо кожу.

— Этот, вроде, уже не такой страшный, мирный даже, — вдруг выпалил в мою сторону Толик, отчего меня даже передернуло.

Криво улыбнулась. Тихий, истерический смешок выдал меня сполна: на грани.

— Ой, да ладно... привыкай, — вновь бросил на меня пытливый взор. — А лучше даже потрогай...

— Ч-что? — заикнулась в ужасе.

— Потрогай, говорю. Быстрее уверуешь, что он материальный, обычная оболочка — и бояться нечего.

— Н-нет... — сухо, едва различимо. — С-спасибо...

— Ну, в общем, — выровнялся на месте. Шумный вздох: — Пусто... везде все зачищено. Пальчиков нет, а вот волос — нашел. Русый, длинный, — вмиг жидким азотом обдало всю меня изнутри; в глазах помутнело, в голове — прострация, но еще держусь. Продолжил неумолимый Эксперт: — Возможно, женский. Анализ покажет. Может, убийца, а может, и просто барышня у него была накануне... Это уже ваша игра... Но все же — зацепка. Так что я — молодец. А то два трупа, и в одном месте — Курасов всех нагнет. Да и потом: этаж над этажом — мне даже самому интересно, что их связывает. Неужто, промахнулся... киллер?

— Характер ран, манера убийства разная, сам говорил, — гаркнул на него Науменко.

— Так, возможно, и уровень агрессии, сопротивления был разный, — не хотел уступать Медик.

— Ну, это да...

— А когда анализ будет готов? — мертвым голосом прошептала я.

— А что? — ухмыльнулся Толик.

— Просто... хоть знать, кого искать... — хриплю на грани.

Усмехнулся (добро так, игриво).

— А тебе то че? — тотчас перебил малину Серега. — Иди дальше... «свидетелей опрашивай».

— Толь, так когда? — едва ли не кубарем вывалилась, выбежала я за криминалистом, что уже покидал чертоги злосчастливого дома.

— А? — удивленно обернулся.

— Результат когда? Сегодня будет?

— Не, — рассмеялся устыжено. — Сегодня точно не успею, мне еще помимо этого куча всего надо успеть сделать...

Куда пойти? Куда податься? Кому звонить? Кого просить, молить?

Я ничего уже не понимала, да и не знала.

Но то... что вляпалась, причем по самое не хочу, — это уж точно. И если даже сейчас заднюю дать, всё «своим» рассказать — бомбанет. Мало того, что сама подкину повод для «увольнения», так еще, с учетом «отчаянной любви» Науменко, с удовольствием на меня всё свалят — даже не сомневаюсь, и никакая «симпатия» Виталика... уже не спасет.

Черт. Как так можно было облажаться? Вот как?

И мне еще повезло, что не к киллеру в момент убийства я заскочила: а то там бы, в той же ванне, вместе с мужчиной оказалась и я, «радость» уже багровую из себя испуская.

Надо дожить до утра: ушла пораньше с работы — упила кофе и ночь в раздумьях провела. Возможно, последние... мгновения моей свободы. Так глупо, так скоро.... Так, с*ка, нелепо... профуканной. Непонятно только... во имя чего. Кого.

Знакомого, имя которого даже не спросила. Ни тогда, ни теперь. И кто он? Приказы отдающий ДПС, но при этом «ваши — наши».

Черт. Ничего не понимаю...

И хоть бы Он что объяснил...

Вот только достучаться, доискаться Его — уж никак.

И сам «товарищ-знакомый» тоже не спешит ко мне являться...

— Ну, что... Толя передал информацию по делу? — словно выстрел, вместо привет, выпаливаю я коллегам, едва зашла в кабинет.

Переглянулись мужчины.

— По какому? — злобно гаркнул Серега.

— По трупам, трупам, — учтиво поправила себя.

— По какому именно... Вас, мадам, информация интересует? — не сбавляет оборотов сарказма Науменко.

— По обоим. Прошлему... и вчерашнему...

— В следователя решила уже поиграть? Или что?

— А мне не положено знать? — не уступаю его хамству.

— Уже — нет.

— В смысле? — оторопела я, нахмурившись. — Что уже опять не так?

— Ты родилась на свет — и с тех пор, как пошло, как поехало...

— Серега, сходи покури, — рявкнул вдруг Сальников. — Лиз, нет у нас больше этого дела. Вернее первый — явный глухарь, а второй, вчерашний, — реально больше нет. Был

труп — нет трупа.

— В смысле? — еще больше распял меня ужас, чувствую, как новые волны паники начинают охватывать меня. Мурашки побежали по телу. — Как? Куда? Кто? — бешено тарашу очи.

— А это уже — не нашего ума дело, — внезапно как-то мягко, сдержанно, хотя не без язвительности, произнес Науменко и прошелся по кабинету. Включил чайник — отчего тотчас шум раздался на весь кабинет. — Забрали — и всё. Радуйся — меньше головняка будет.

Засосало под ложечкой. Задыхаюсь. Ноги ватные, а в глазах опять пелена и звезды отчаянно пляшут. Присела на стул (едва ли не на ощупь). Ошарашенный взор около.

Попытка солгать, сыграть, отвести подозрения:

— И как тогда... так работать?

— А вот так... привыкай. Глупости и глухари — пожалуйста, дерзкое — в прокуратуру, а самое интересное — кому-то... не менее интересному, имя чье называть нельзя, — передернул знаменитые слова Виталий.

Глава 6. Семнадцать

Глава 6. Семнадцать

Наши — «на выезд», а меня в отделении оставили, за «дежурную», на случай если Курасов «запалит».

Что делать? Звонить отцу? Или уже поздно? Совсем уже поздно?

Так поздно... что уже давно «без шансов»?

Кое-как дожить до конца рабочего дня.

И что самое обидное — сколько каталась с этим... гадом, «Знакомым» моим, а номер машины не удосужилась запомнить. Уже бы зацепка — знать, кого искать. А там либо пусть сам меня выпутывает, либо... сдать. Сдать, как есть, указав конкретно пальцем. Ведь кто он мне? По сути, никто. Он наплевал на меня — оставив в одиночку вариться в этом котле. Почему же я должна его выгораживать?

...и, тем не менее, опять молчу.

Собираю вещи — и долой из здания.

Куда теперь? Очередная ночь без сна? И куда она меня приведет? И как долго так смогу держаться?

И так голова ужасно гудит. Вырубаясь на месте — кофе не берет, даже лошадиные дозы.

Сама не поняла, как оказалась здесь.

Двор. Тот самый "злосчастный дом".

Села на лавку, напротив кровавого подъезда — и сверлю взглядом свой приговор.

Черт, а если увидят? Если запалят? Если слежка тут идет?

Скажу... интересно. Первое дело... Свидетелей опросить хочу.

Первый труп-то еще за нами...

Черт. Что я несу? И что я вообще здесь делаю?!

Только все усугубляю... Ну, волос нашли. Мало ли чей. Верно? Анализ же ДНК проводить не будут? Сравнить... именно с моим. Главное — пальчики, а их не оказалось. Штиль.

Только палюсь.

Мигом подрываюсь на ноги, разворот — но только шаг, как едва не наскочила на Него.

Темно уже вокруг, а потому не сразу даже признала:

— Ты? — враз сорвались с моих глаз слезы. — Как ты мог?! — тотчас кинулась на него с кулаками; удары в грудь. — Во что ты меня впутал?!

— Тише! — в момент схватил меня в свои объятия и силой прижал к себе. Шепотом: — Успокойся! На нас смотрят.

— Как ты мог? — отчаянно, едва уже не оседая от горечи и облегчения одновременно. От взрыва, что наконец-то меня высвободил из плена жгучего, всепоглощающего, адского ужаса. Кошмара наяву. Толщи водной бездны, дав... по жилам вместе с кровью кислород.

— Успокойся! Ничего тебе не будет! Все хорошо!

— Они мой волос нашли!

— Как нашли, так потеряли, — пьянящим, жутко сводящим с ума голосом тихо мне на ухо, словно любовные слова, обжигая кожу.

— Почему ты раньше не появился? — отчаянно, обиженно. Попытка взглянуть ему в очи, но не поддается. Все еще крепко держит меня в своей стальной хватке.

— Когда смог, тогда и появился.

— Я за эти сутки... я думала, умру...

— Ты знала, во что ввязываешься, когда шла на эту работу.

И снова пытаюсь вывернуться, взглянуть ему в глаза. Движение — и губы невольно оказываются рядом. Шепчу:

— Во что? Покрывать невесть кого? Я на это не подписывалась...

— Ну и сдала бы.

— Ты шутишь, да? — горько.

— Давай уйдем отсюда...

— Куда? — злобно, обиженно выпаливаю я. Невольная, короткая пауза: — И зачем?

Чтобы очередное найти себе приключение на голову? Да?

— В кафе. Поговорить. Ты этого хотела? За этим меня искала?

— Я не искала тебя! — отчаянное.

— НЕ ВРИ! — рявкнул, но тут же осекся (невольно сжались мышцы в моем теле от испуга). Более сдержано: — Никогда мне не ври... если того же хочешь взамен. Ясно?

Нервически сглотнула слюну. Секунды, блуждание, метание взгляда, плескаясь в его серо-голубых озерах, и сдаюсь:

— Да, — тихо, робко.

— Кафе?

— Кафе.

Не успели сесть за столик, как тотчас швырнул мне корочку.

Робко, неторопливо потянулась я к ней. Разворот:

«Федеральная служба безопасности...

Майор Пахомов Константин Павлович...»

Выдох.

— Вопросы еще будут? — гневно, хоть и сдержано, с укором гаркнул на меня... Костя.

Побежали мурашки по телу.

Нервически сглотнула слюну я:

— Сложно было сразу всё сказать? — тихо, с опаской, промямлила, боясь поднять очи.

— Что? — и снова звуки, как выстрелы. — Что не переживай, что всё будет хорошо.

Это? — язвительное.

Еще рачительнее от стыда прячу взгляд.

— О том... кто ты, — едва не заикаясь. Дрожь от волнения по телу.

Тягучая, жалящая пауза — и все же осмеливается.

Шумный вздох:

— Лиз, ну ты же сама всё понимаешь... По крайней мере, должна.

Осмеливаюсь очи в очи (а по щекам уже предательски покатались шальные потоки — позорно стираю их с лица):

— Что понимаю? Что я — никто? И звать меня никак? Ну, испугалась дура, «с кем не бывает». Чуть не рехнулась — «сама виновата». «Знала куда шла», — паясничая, перекривила его слова. — Знала! — горько вскрикнула ему в глаза. — Но и ты — скотина! Я из-за тебя молчала! Из-за тебя вляпалась! Шкуру твою спасала — себя топя. И ты мне

теперь... «Лиза, ты понимаешь?» Да, понимаю! Что я — дура! ПОНИМАЮ! Правд захотела, размечталась людям помогать — а сама на самом старте вляпалась. Да че там? Обоср*лась! И если бы не ты, явившееся чудо с небес, весь такой добрый и, с*ка, правильный — пи**ец мне был бы! И мне, и моим родителям, — горько рассмеялась я. — Потому что это был бы не просто позор... лажа, попадание... Это был бы крах всему! И главное — не за какой хрен! А ты говоришь, «понимаешь». НЕТ! НЕ ПОНИМАЮ! Как я эти сутки, даж больше, пережила — не знаю. Я уже заживо себя и своих родных похоронила. Да я даже в днях потерялась: до сих пор живу тем моментом, как все случилось. А потом еще эта новость, что дело забрали... Так что НЕТ, НЕ ПОНИМАЮ!

Виновато опустил очи. Прожевал эмоции...

Закачала в негодовании я головой:

— Я была лучшего о тебе мнения. Я бы всё поняла. И понимаю. Жаль, что ты на другой волне... на своей — царской.

Бросила обратно, в его сторону, удостоверение:

— Честь имею, майор Пахомов.

Живо подрывалась с места. Враз закрутилось в голове, но успеваю ухватиться за стол и не подать виду.

Вдох — выдох. Разворот — и попытка уйти.

Догоняет.

Хватает за плечи. Лицом к лицу.

— Что тебе еще? — злобно гаркаю, а сама не в силах уже и стоять: упасть бы прямо здесь, да уснуть.

— Прости меня...

— Бог простит, — грубо.

— Лиз, ну... — кривится виновато. — Не обижайся, не злись, пожалуйста. Давай поужинаем?

Шумно вздыхаю.

Что угодно бы сейчас отдала... за подушку с матрасом.

— Домой меня отвези — на том и забудем.

Удивленно вздернул бровями.

Скривился недовольный.

Но еще жгучие минуты выжидания — и покорно уступил, "благородно" сдался...

Глупая, недалёковидная идиотка.

Едва нырнула в покой и уют, едва уюстилась в мягком кресле и уложила голову на не менее мягкий подголовник, как тотчас выпала из мира сего...

Когда очнулась, пришла в себя, не сразу сообразила, осознала где я.

Нет, всё там же в машине, в Его машине. И водителя признала тоже сразу — сидит в кресле, сопит в две дырочки, как и я доселе, слюни на обивку пускает. Но где мы кукуем и почему кукуем — тут полный полет фантазии, и причем не очень-то адекватной с учетом последних событий.

— Костя, — несмело отдернула его за руку, пошевелила. Громче и едва ли не на ухо: — Пахомов!

Вздрогнул; подкинуло, бедолагу, на месте. Ошарашенный взор на меня. Проморгался:

— А?

— Что мы здесь делаем?

— А? — нахмурился. Взор по сторонам, за окно, вспоминая. — А... так домой тебя привез.

— И чего не разбудил?

— Ты так сладко захропела сразу, что мне жаль стало будить... да и страшно, — съязвил, скотина, ухмыляясь, — вот и не решил трогать лихо. А там живенько и сам уснул, — улыбнулся добро так, с забавным видом провинившегося, нашкодившего щенка. Не выдержала — расплылась в снисходительной улыбке я. Еще миг — и, шумно вздохнув, закачала в негодовании головой:

— А адрес-то не мой.

— Как не твой? — и снова взор за окно, но уже через лобовое; прищурился. — Твой. Куда сказала — туда и привез.

— Не мой, у нас обычно темно.

Коротко рассмеялся:

— Ладно, говори тогда «твой», — паясничает, гадина.

— Да ладно, тут рядом. Так дойду.

— Шутишь? — обомлел, округлив очи. — Говори!

Сверлящий взгляд, намереваясь проникнуть, казалось, в самую душу, отчего тотчас невольно захохотала я:

— Обрато из кармана, чуть правее и по прямой до упора, а там — налево.

— Да Вы — Сусанин, мадемуазель... что не есть, переродившийся.

Рассмеялась я, не сдержавшись:

— Езжай, давай, остролов ты мой, никем не признанный.

— Почему никем? Вами, — и снова дерзкий пляс чертей в очах, что так и норовили уязвить меня насмешками.

Закачала я головой и раздраженно закатила глаза под лоб:

— Если бы не каша в моей голове, я бы тебе ответила...

— Ну, я подожду, — коварно ухмыльнулся. Косой взгляд на меня. Движение — и завел мотор.

— Чего? — захохотала я.

— Трезвых баталий, — улыбнулся.

— Долго придется ждать.

— Я терпеливый. Или что? Мадемуазель больше не хочет меня видеть? — ржет, паскуда.

Но поддаюсь — заливаюсь ухмылкой:

— А надо?

— Ну так! — в сердцах (хотя и показательно) вскрикнул «Товарищ Майор» (еще один майор на мою... бестолковую голову). — Вы же мои тайны познали! Поди, моя очередь Ваши — выведывать!

— Наймите детектива! — откровенно уже ржу.

— Я сам Вам за детектива сойду! Главное — не стесняйтесь!

— Это ж в какие такие игры я, по-вашему, обязана буду играть с ним, что не должна стесняться?

— У-у-у! Что не есть — самые дерзкие и развеселые!

— Ладно, — хохочу уже, понимая, что не справляюсь в соревновании с ним, и все уходит куда-то не туда. — Кость, давай уже меня домой, а?

Ухмыляется. Миг — обмер автомобиль.

— Да мы-то на месте. Только как в этой темноте подъезд найти?

— Пешком дойду. Спасибо за все, — взгляд в лицо. Отвечает тем же — улыбается. Прожевала волнение и решаюсь: — Прости... если где была резка, или неправда. У меня реально сейчас в башке, — обмерла, подбирая слова, а затем лихорадочно закачала головой, — черти что. Сама я не своя.

— Я проведу? — перебивает.

Пожала плечами. Взор за окно: не помешало бы.

— Как хочешь...

Выбраться наружу. Шаги едва ли не на ощупь. Где свет фар подсобил, а чуть дальше — по памяти.

То и дело, что хихикали идиотически, обмениваясь опять нелепыми, колкими фразами.

Момент — и замерли у домофона.

Откопала ключи. Пиликнул замок.

Нырнула в щель, но мой кавалер тотчас схватил стальное полотно, не давая ему ненароком закрыться:

— Может, до квартиры доведу?

Замираю. Взор на свое это непонятное Чудо (благо, лампа хоть и трусливо дрожала, но дарила медовый свет). Глаза в глаза. Ухмыляюсь:

— Иди спать.

— А вдруг маньяки? — улыбается.

— У меня тут один маньяк, и... ему спать давно пора... как и мне, — хохочу.

— Ли-из... — отчаянно, игриво, моля.

— Что? — заржала я, не выдержав опять его щенячьих, клоунских округлившихся глазищ.

— Ну, Ли-из!

— Ну, что? — смеюсь.

— Ну, хоть чуть-чуть...

— Что "чуть-чуть"? — еще громче заливаюсь. Шаг вперед, ко мне ближе, вплотную. Не отступаю. Улыбаюсь. Молчит, коварно ухмыляется, подначивает, дразнит взором. И снова давлюсь смехом: — Иди спать!

Но враз напор — и, ухватив в свои объятия, впился поцелуем в губы. Натиск, дерзость, грубость, сладкое властвование — и поддаюсь, несмело отвечаю. Тотчас попятил меня назад — уткнулась спиной в стену. Движение, его давление — и сама не поняла, как оказались в полумраке около подвального помещения.

— Ты че удумал? — пристыжено ржу, на мгновения вырываясь из плена его запойных ласк.

— Я чуть-чуть, — и опять это странное, вызывающее. И снова тащит меня куда-то с собой, пока и вовсе ловко так не расселся на ступеньках и не взгромоздил меня себе на колени. Одумалась, осознала себя, его, все происходящее, лишь когда уже руками проник Костя мне под юбку и стал аккуратно, ненавязчиво играть с кружевами, то и дело что забираясь смело под них, то тотчас отступая, давая вновь видимость бдения приличия и обещанного «чуть-чуть». А потому ведусь, а потому не прогоняю... Но еще напор — и в этот

раз не дразнит, а решительно пробирается к запретным местам.

Силой вырываюсь из его плена.

С волнением, испугом, страхом. Рычу шепотом:

— Руки сломаю, — попытка отдышаться (а сердце отчаянно колотится; перехватило дыхание; мышцы сжались в теле, позорно вымаливая капитуляцию... мою перед ним, вторя физической тягой души желанию). Еще вдох — и добить угрозу: — ...в нескольких местах.

Заржал вдруг, отступая.

— И никто тебя не спасет. И даже твоя корочка, — рычу дальше.

— А твоя? — хихикает.

— А моя, — улыбаюсь (а самой выть, ныть, реветь хочется от того, что творю, от того, что от самого заветного отказываюсь), — меня спать зовет.

Молчит.

Сверлю взглядом пронзительным:

— Ты до квартиры хотел провести. А дотащил до подвала. Или, по-твоему, я — бомж?

Заржал громко, не выдержав:

— Был вариант такой. Но я был бы только рад...

— Даже так? — сквозь изумление захохотала.

— Тогда бы сейчас ко мне поехали... раз к себе не зовешь.

— Поздно уже, баиньки пора.

— А мы бы баиньки и пошли... — злокозненно ухмыляется.

— Знаю я твои «баиньки». А вернее, чувствую... едва ли уже не целиком.

— Ты мне льстишь, — ржет, нахалюга.

Не сдержалась и я от широкой улыбки.

— Всё! Хватит! Пора кончать! — попытка моя встать.

— Так и я о том же! — едва ли не взмолившись, радостно вскрикнул, перебивая меня; тотчас ухватил силой и потянул меня назад, усаживая обратно.

И снова ржем, как кони.

— Дурак ты! — силой его отталкиваю, сползая прямо уже так, на пол с его колен. Неловкие движения — и наконец-то выровнялась на ногах. Последовал примеру. И вдруг усердие вновь меня ухватить, обнять, но враз останавливаю, вытянув руки, хотя, как идиотка, все еще смеюсь, не имея сил остановиться. — С тобой хорошо, но...

— Но дома — лучше...

— Вот-вот! — паясничаю. — Так что домой пора!

Попытка обойти его сбоку и пойти по лестнице наверх, но буквально на выходе вновь ловит меня в свои стальные цепи.

— Давай проведу! — ухмыляется.

— К себе домой вали! — шутливо гаркаю, пытаюсь вырваться из хватки.

— Ну, поцелуй хотя бы! На прощание...

— Не-не-не! — запричитала я, отмахиваясь, выдираясь. — Хватит! Уже был — да так, что чуть в подвале жить не осталась.

Поддается, выпускает из захвата.

Хитро улыбается:

— Ишь какая попалась!

— Какая? — ржу.

— Умница, красавица!

— Только про студентку и комсомолку не начинай, — мигом перебиваю его я, заливаясь звонким смехом.

— Эх, жаль, — хохочет тоже. — Такую речь! Такую малину!

Закачала головой, раздраженно (наигранно) закатив глаза под лоб:

— Спокойной ночи!

Но только шаг на лестницу, как тотчас опять вдогонку — хватает меня за кисть. Силой разворот — и опять губы к губам.

— Костя, ну ты чего? — пристыжено ржу.

— Маленький поцелуй.

— Спать иди!

— В щеку, — строит обиженку.

Поддаюсь, позорно таю под его всепоглощающим напором, улыбаясь:

— Но только в щеку.

И едва я хотела предоставить сию возможность, как дерзкое, откровенное, повелительное — в губы. И столько страсти, пылкости враз, что невольно застонала я в уже и так разожженном желании.

Напор — и едва ли не наотмашь. Толкнула в грудь — попятился. Ржет.

— Гадина! — рычу, а сама краснею. Сгораю от стыда и ненависти к себе одновременно, что столько заморочек в моей больной башке.

Разворот — и со всех ног помчала от него, пока сама не кинулась на шею...

— Сладких снов, зай! — слышу с первого этажа, эхом разлетаясь по всему подъезду.

Смущенная, хихикаю от неловкости.

— Иди спи! — гаркаю в ответ. Еще миг — и замираю у своей двери.

Словно, и вправду, за мной гонится маньяк, живо открыть замок — и нырнуть в квартиру. Плотно захлопнула за собой полотно, провернув барашек.

Истерически, счастливо залилась смехом я, сползая на пол, скользя спиной по холодной стали.

...и будто вновь мне семнадцать, и на улице — весна...

И не я, несколькими часами ранее, из-за него была на грани... каземата.

Глава 7. Сновидение

Глава 7. Сновидение

В памяти моей — лишь обрывки вчерашнего. И они настолько безумны и невероятны, что всё больше и больше кажется, что сие мне приснилось. Вот добралась на автомате после работы домой, забурилась в квартиру, так и упала сразу в кровать, даже не раздевшись, — да до самого утра проспала...

А весь тот "бред" (начиная со двора и заканчивая страстным прощанием в подъезде) — просто выдумка... Странная, шальная... хоть и сладкая, но фантазия. Глюк. Сон.

Майор ФСБ, Пахомов Константин (отчество не удосужилась запомнить), вряд ли ты реально существуешь: а вернее, тот мой тайный, чудной Знакомый и ты — одно и то же лицо. Сомневаюсь, что у вас есть что-то общее...

Черт...

Но столько деталей, событий!.. Да и вроде все логично. Но все же — слишком невероятно и сумасбродно. Уж слишком всё складно, как с моим-то везением, получилось. И встреча состоялась (невообразимой удачей), и от беды ушла... да еще и симпатию, ласку его заполучила. Внимание... Желание...

Так, хватит! Отставить эти сопли!

Будь что будет.

Посмотрим, что на работе меня ждет.

А там — буду думать, что дальше...

И пусть я уже почти себя убедила в том, что мне приснился мой Костенька, где-то в глубине души... всё же ждала от него звонка. То и дело, что теребила в руках телефон.

Ну, хоть крохотное "привет"! Просто дай знать... что ты — реален... и я от горя и одиночества не сошла с ума.

— Если ты собираешься с нами работать, не сидела бы, штаны зря не протирала, — внезапно отозвался вечно недовольный Серега.

— У нее так-то юбка... — ржет бесстыже Сальников, перебивая.

— Платье, — едко ухмыляюсь я.

— Пардон, — короткий кивок головы, паясничая (Виталик).

Улыбаюсь в ответ.

— Вы че, бессмертные, что ли? — оторопел Науменко. — Быстро за работу! Сидишь, я*ца мнешь! Лучше бы по беглецам что толковое придумал! — гаркнул на товарища. — А ты, мадам, еще одна шутница новоявленная, в тир бы походила, да с оружием познакомилась. А то, как выдадут — поди, с перепугу... сама себя застрелишь.

Пиликнуло СМС.

Строю вид прилежного слушателя, но интерес сильнее всякой благопристойности. А потому, едва отвернулся, как тотчас привычные, ловкие движения.

Номер не определен.

— Ты че, издеваешься? — рывкнул Майор над моим ухом, отчего вмиг подпрыгнула я на месте. Резко перевела взор в лицо:

— Что?

— В *опу тебе твой телефон сейчас засуну, и узнаешь что! — гневно чиркнул зубами.

Нервически сглотнула я слюну:

— Это по делу... — несмело, шепотом, пристыжено отведя взгляд.

— О чем, о скидках? Или о соплях подружки или хахаля?

— О соплях, — дерзостно.

— То-то же! В рабочее время — работать! Или сложно?! — рыком.

— Несложно.

— Радует! — мерзко скривился. Короткая пауза — и неожиданно, более сдержано уже:

— Ла-дно. Я к Курасову. А потом приду — и будем думать, че с этими сбежавшими психами делать...

Едва за порог — как тотчас я по невидимым кнопкам, елозя по экрану.

"Ольхов И. К. Кафе "Горница". Видео с камер наблюдения за последние два дня его жизни".

Обмерла, ошарашенная я.

Догадки есть, но ситуация не только не прояснилась, а еще страннее стала. Закрутилась до не могу.

— Виталь... — несмело позвала я.

— Да?

— Первый труп — Ольхов И. К.?

Обмер, соображая. Затем движения: сопя, полез в сейф, достал папку. Закрутил, зашуршал бумагами.

— Он самый, и че?

— Кафе "Горница". Надо туда съездить. У них есть по нему зацепки.

— Откуда инфа?

Замялась. Устыжено ухмыльнулась.

Черт, да я и сама толком не знаю.

— Подруга, — нагло вру.

Скривился, паясничая.

— Познакомишь?

— С кем? — ошарашено.

— С такой подругой, которая... кстати, почему-то в курсе дела... "Тайна следствия"... ни о чем не говорит словосочетание? — улыбнулся язвительно.

— Она живет в соседнем доме. Не надо — не бери, — состроила обиду. Живо вскочила на ноги, со спинки стула стянула пиджак.

— Да ладно... Че ты? Только Сереге про подругу не говори — убьет. Скажем, вспомнили кое-что из рассказов свидетелей.

— А за это не убьет? Что так долго молчали? — ехидничаю.

— Ну, по крайней мере... с правом на сохранение при неудачном переходе на новый уровень, — заржал. Подорвался следом.

Шаги на выход...

— Так а что там за беглецы? — бросаю вполоборота.

— Ты газеты хоть иногда читай, — язвит сквозь хохот Сальников.

— Смешно...

— Ну... как есть, как есть...

И пока мои осаждали охранников и их компьютер, я пыталась влить очередную порцию кофе в себя. И хоть вроде и проспала немало — помочь... не помогло. Опять в голове две только мысли: Костя и сон.

— Девушка, — внезапно позвала меня официантка и вплотную замерла, склонившись.

— Да? — уставилась я на нее в удивлении.

— Вы же Елизавета?

— Да... — ошарашено киваю головой.

— А фамилия? — загадочно, вкрадчиво.

Скривилась я невольно:

— Оперуполномоченный Цветкова Елизавета Анатольевна.

— Тогда Вам, — победно усмехнулась та. Протянула мне папку: — Там не только Ваш счет... но и еще кое-что... Просили вручить лично, и так... что бы Ваши коллеги этого не заметили. Простите, если что не так...

— Благодарю, — растянула я губы в жеманной улыбке, скрывая тревогу. — Все хорошо.

— Я Вас оставляю, — мигом пошагала барышня прочь...

Влет развернула я трофей и жадно уставилась на синие каракули, застывшие на стикере: "Ужин.

Ресторан "Фон Гауэр". 19–00.

Твой личный маньяк"

— Че ты лыбишься? — гаркнул внезапно где-то надо мной Серега, отчего я тотчас с испугу захлопнула папку. Взор на надсмотрщика.

— Да кофе ее вставило, не видно? — ржет Виталий, вмиг подоспевший к нам (так и не дав мне парировать).

— Лыбится она... — продолжил свою нудную песнь Науменко. — Ничего хорошего! Время вср*ли! Не судьба было сразу сообщить, да?! Чтоб два дня не буи пинали, а по делу работали!

Вот скотина... Все же на меня Сальников спихнул "склероз": хохочет гад, так и давится своей непричастностью.

Шаги Майора на выход. Гуськом поспешил за ним и его товарищ.

Оплатить счет, оставить щедрые чаевые, поглубже спрятать в сумку тайное послание — и рвануть за ними.

— Так что хоть нашли? — кричу в спину.

— Смотреть надо было! — рявкнул на меня Серега вполоборота. — А не кофе сосать...

Запрыгнули оба в авто — покорно вторю сослуживцам...

Дела... дела... дела... Опросы, догадки, сопоставления. Надо бы. Да в голове одно только: заведенный будильник на шесть вечера, когда рвану из отделения долой... навстречу долгожданному "Сновидению".

И даже прихорошиться толком не удалось. Пока по пробкам... Тут хоть бы так успеть, прежде чем мой кавалер подумает, что я его продинамила, и он растает, как дымка по утру после пробуждения.

Небольшой, уютный ресторан, в стиле средневековья. Каменные стены, иногда прерывающиеся белыми сводами арок, украшены шкурами убитых животных, латами рыцарей, декоративными копьями, мечами, топорами, дубинами, гербовыми щитами.

Круглые, кованные люстры с электрическими свечами у самого потолка; деревянные длинные столы, аналогичные скамьи и/или стулья при них. И даже посуда — под старину: коричневая, глиняная, неокрашенная.

Вместо мелких светильников — настоящие зажженные свечи...

— Простите, — взволнованно шепчу метрдотелю. — Меня пригласили. Столик должен быть зарезервирован.

— На фамилию?

— Цветкова, — пожала плечами. — Или Пахомов.

— Да, будьте так добры, проследуйте за мной...

Волнение вместо крови по сосудам. Задыхаюсь. Сердце колотится бешено. Взглядом выискиваю заветное — и вот оно...

Настоящий: не сон, не глюк...

Смущенно улыбаюсь.

Официант галантно помог присесть.

Метаю взгляд, то и дело желая впиться им в такое сладкое, манящее лицо, но приличие, стеснение не позволяет.

— А я уже думала... что ты мне приснился, — едва ли уже не в истерике, захихикала я.

Улыбнулся:

— Я тоже очень рад тебя видеть.

Сжались невольно мышцы в теле... от такого трепетного признания. Но пытаюсь не выдать себя: не подать виду, что таю, как глупая, наивная, влюбленная школьница перед своим "кумиром".

Смеюсь:

— Тоже? — язвлю. Отчаянный бой за честь. — Я не говорила, что это был приятный сон.

Хохочет, поддается на настроение.

— Вино? — кивает в сторону предложенной бутылки.

— Ты же уже все решил, — усмехаюсь.

— М-м-м, гляди... не бросайся такими словами — я же могу и воспользоваться.

Смущенно прячу взгляд. Пораженчески молчу, не найдя достойного ответа.

— Ладно, выбирай и заказывай. Успеем еще напугиться...

Улыбаюсь. Беглый взор по меню, космическим ценам, а затем на своего кавалера:

— Давай, как с вином: и здесь я доверяю твоему вкусу.

Обмер на миг, выгнув брови. Затем резко к официанту:

— Хорошо, тогда девушке пять утят, двое хрюшек, лебедя пареного...

Хохочу, пристыженная:

— Я, по-твоему, столько ем?

Рассмеялся. А затем, все так же с серьезным видом, паясничая, добавил:

— И ведерко "Оливье".

— Перестань! — гаркаю.

— Ладно, — улыбнулся. Вновь взор на молодого человека: — Как обычно. Ей то же самое.

Десерт позже закажем...

Налить "даме" вина — и шаги "третьего лишнего" прочь.

— Слушаю, — внезапно изрек в мою сторону Костя, отчего я тотчас невольно

поперхнулась.

— В смысле? — растерялась; неловкая пауза: а гад, словно издевается — выжидает. — Ты же пригласил...

— Вот и рассказывай — буду слушать. Как день провела, что интересного произошло. Или, может, вопросы какие остались, — неожиданно приблизился ко мне (невольно вторю) и тихим, вкрадчивым шепотом, продолжил: — Можно даже неприличные...

Ехидно рассмеялся.

Закачала в негодовании я головой:

— Ты хоть иногда бываешь серьезным? Только так, по-настоящему...

— Бываю, — состроил важный вид, сжав губы. — Только за столом... неприлично о таких моментах говорить.

И снова ржу, позорно прикрыв очи ладонью.

— И как только такого дурака, как ты, взяли на такую работу? — улыбаюсь.

Взор в глаза.

— Я по благу, — тихим, сквозящим иронией, шепотом. Коварно прищурился: — Знаешь, как приятно встретить того, кого тоже цирк забыл, когда уехал...

— Слышал бы он тебя сейчас, — смеюсь, поддаюсь на историю.

— У-у-у, — вдруг взревел. — Лучше не надо. То еще зрелище началось бы... с пометкой "для взрослых".

— И кто б кого? — хохочу.

— М-м-м, а тебе всё скажи да расскажи... Нельзя тебе такое знать. Человеку будет неприятно.

— А тебе — нет? — улыбаюсь.

— А мне-то че? — язвит, отпив немного вина. — Не я же паду жертвой, — облизался. Оставил бокал. — Я еще молодой и дюжий — ого-го! — сгримасничал. — Дам бою!

— На тебя точно прослушки нет? — ржу неприкрыто. — А то уже завтра тебя уволят и жестоко накажут за такие шутки.

— Сплюнь! — состроил испуганный вид. — Нельзя мне завтра увольняться! Завтра в столовку обещали завезти пирожки с ливером! А я их еще с той пятницы жду.

— А их, — хохочу, — нигде больше во всем городе не купить?

— Нет! — вполне серьезно скривился, закачав головой. — Из любимой моей породы делают только там!

— Фу! — зажмурилась, вновь утопив лицо в ладонях. Стыдливо заливаюсь смехом. — Какой ты мерзкий.

— Я-то? С чего?

— И не жалко? Породистых-то...

— Ну... не я эту войну за распределения власти во дворе начал.

— А ты еще знаешь из какого двора? — гогочу.

— Конечно! Из лучших питомнических подвалов, неподалеку от управления!

— Так ты о собаках, или о крысах? — улыбаюсь.

— О мясе. О ходячем породистом мясе. Как на прилавках... А что, оно иным бывает? Так! — враз нахмурился. — Не рань мне мою детскую психику!

Хохочу:

— Ее, по ходу, "изранили"... еще задолго до меня.

Не сдержался — откровенно рассмеялся в ответ:

— Раскусила...

— Ты лучше мне расскажи, — осмеливаюсь перебить и перевести тему в более адекватное русло, да и полезное. Все же... хочется, безумно хочется по-настоящему узнать сего... моего странного собеседника. И не только физически, как вчера едва не случилось, но и... морально, душу. Немного помолчав, продолжила: — Почему... ты вступился? Почему заморочился... в ту нашу первую встречу... мной? Только честно. Правду. Тупо по приколу, ради интереса?

Молчит, а потому все еще продолжаю, подначивая:

— Сбежавшая невеста — необычно и весело. Хорошее развлечение, да?

Хмыкнул.

На мгновение отвел взгляд. Но еще момент — и, несмело пожав плечами, вдруг закивал головой:

— Не без этого... Да и глупо, если было бы не так... Просто... Помимо этого есть и другие причины. И я сейчас даже не говорю... чисто о человеческих, чувство долга, или еще чего. Нет. Это, конечно, тоже было... Но, — обмер, перебирая слова, — пойми... я не настолько... что ль, — рассмеялся пристыжено сам над собой, — романтик. Да, я тружусь на благо общества, но... не фанатик. Не такой... А тут... Знаешь, — и снова жуткая, болезненная пауза, выискивая нужное среди сумбура мыслей, — я тебе позавидовал... Смелости. Уверенности. Решительности... пусть даже и в последний момент. Но ты — смогла. А вот я... дурак, не смог. Когда должен был смолчать, я сказал "да"... И я сейчас не о ЗАГСе. Всё произошло... гораздо раньше. Разрыв. Раскол. Пропасть... вот только смелости не хватило это признать. Погнался за уходящим поездом — и получил... сполна.

Обмер, нахмурившись. Взгляд устал в столешницу.

— Ваш заказ...

— Благодарю, — тихо прошептала я.

А вот Костя даже не отреагировал. Все еще сражался с какими-то внутренними своими демонами.

И вдруг взор, на блюдо, на меня, а затем — около, бесцельно блуждая по залу.

Шумный вздох:

— Ну, чего уже? — горько улыбнулся. — Все равно когда-то рассказывать, — хмыкнул сам над собой. Закусил на мгновение губу. Вмиг схватил столовые приборы в руки, и давай пилить, кромсать кусок отбивной на тарелке. — Буквально только недавно мы с Ней тогда начали встречаться. Сопли, слюни, чувства. Ну, вся эта... байда, которой страдают влюбленные. И вдруг залет. Мне ничего не сказала — втихую... аборт сделала. А я узнал — и меня как переклинило: давай кричать, руками махать... Нет, не бил ее, Боже упаси. Но... жарко всем было. В общем, сошлись на том, что я ее уговорил выйти за меня замуж и родить мне ребенка. Но, черт, идиот же! Если бы хотела, если бы... оно ей реально надо было — еще бы первого оставила. Или, хотя бы, попыталась со мной завести тему. А то карьера, внешность, молодость... Так всё и пох*рилось. Ничего толкового не вышло... Только что ребенка родили... А ты, — вдруг словно выстрелом, впился в меня взглядом, отчего невольно побежали мурашки. — Как до такого дошла? Что даже в платье... и вдруг... резко "нет"?

Обомлела. Не ожидала... Не готова я еще к таким откровениям... Но и врать — не хочу. Скривилась. Взор в сторону.

Какие подобрать слова? И что ответить? Что на самом деле... произошло, что я...

решилась?

— Не знаю, — закачала головой. — Честно, — глаза в глаза. — До сих пор не верится, что я на это решилась. Вырвалась самолично из плена привычки, западни... — и снова пауза, давя бурю эмоций внутри себя. — Как подумала... сполна осознала, что меня ждет впереди. Что уже склоки, не любовь... и даже уже не уважение. Просто вынужденность и привычка между нами — и прям как щелкнуло что-то внутри меня. Страшно и жутко стало. Что вот — моя жизнь... как на ладони и до конца расписана. И будет потом тридцать пять мне, сорок, пятьдесят, шестьдесят — и никогда я больше не буду счастлива. Влюблена. Не буду улыбаться и радоваться дню, обществу своего мужа. А только долг и смирение со своей судьбой... вопреки всему. Скандалы. Постоянные скандалы. И только ненависть... снежным комом разрастающаяся, лишь иногда давящаяся, сдерживающаяся физически-химическим элеем супружеского долга. И я сорвалась. Будто меня кто силой тащил под венец — и наконец-то, в последний момент, дали добро на выбор. На последнее желание... перед смертью — и я загадала свободу. Уж лучше вечное пустое одиночество, чем нетленное презрение, обреченность, которую насадила сама себе добровольно в виде ярма и назвала "любовью". И пусть даже... если больше никогда никому не буду нужна... Все равно: уж лучше так, чем проклятым грешником еще при жизни... в котле со смолой вариться. И Он не плохой, нет, — закачала я враз головой; немного помолчала. — Хороший, добрый человек... И однажды кого-то, кукую-то... да сделает счастливой. Просто это буду... не я. Не суждено мне быть ею. А со мной — не жизнь, война. Мы травим друг друга, как если бы в одной комнате закрыли двух тварей, а кислорода дали лишь на одного, в то время как выбери разнотипных существ — и можно существовать вечно... Так что, я очень рада... и нет, это не родителей я услышала (хотя они мне твердили взахлеб, что Он — герой не моего романа). Нет. Я услышала себя... И за этим риском стояло твердое... МОЕ решение. И теперь... я встретила тебя...

Ухмыльнулся, добро так, ласково. Смущенно.

— И ты думаешь, — внезапно отозвался, — кислорода... нам хватит на двоих?

Улыбнулась.

Несмело пожала плечами:

— Не знаю... Время покажет: насколько наш симбиоз удачлив...

Усмехнулся:

— А милицию... как так? Бросить школу... и? С преступниками проще работать, чем с детьми?

Пристыжено опустила очи.

Черт... и что ответить? Не хочу врать! Не хочу!

— Просто... — взор около. А затем осмелилась ему в лицо, но не касаясь глаз: — Хочу пользу приносить... обществу. Настоящую... существенную.

— Учитель — тоже благородная профессия, и не меньшая польза...

И снова спрятать взгляд.

Шумный вздох:

— Но, оказалось... не мое.

— А милиция — твое? — улыбнулся.

Раздраженно закатила глаза под лоб, скривилась:

— И ты туда же... — немного помолчав, решаюсь на правду, — пока не получается. Ничего не получается. Но я стараюсь... Не думаю, что у всех... всё сразу на пять выходило.

Рассмеялся:

— Да-а, — загадочно протянул и причмокнул. — Я до сих пор... хулюган и двоечник.

— Да ладно тебе, — скривилась. Взор в очи: — В майоры бы двоечника не возвели.

— Пф-ф! За красивые мои глаза и не на такое готовы! — ржет, гадина.

— Кстати, — улыбаюсь. — Спасибо огромное за информацию.

— Какую? — состроил удивление.

— Коварно сокрытую в страстном СМС...

— А-а... это, — и снова гримасничает. — И че? Угадал?

— В смысле, угадал? — округлила я очи.

— Да чет мне показалось, что у них там акция сегодня... на кинопросмотр, вот решил

поделиться новостью.

Усмехаюсь:

— Удачно показалось... По крайней мере, Науменко менее злой стал.

— Это майор который ваш?

— Ага.

— Смотри, — коварно прищурился. — Я ревную.

Хохочу:

— Зря, он мне СМС не шлет.

— Так и я... — заливается странной улыбкой, — как-то не по этой части...

— А чего тогда прислал? — смеюсь.

— Да то так... с горяча. Влюблён был тогда сильно — вот и накрыло.

И снова я не в силах сдержать смех. Чувствую, что краснею:

— А сейчас уже не влюблен?

Гримасничает идиотически:

— А сейчас я уже насублимировался — и меня отпустило.

Невольно громко захохотала, стыдливо прикрыв ладонью рот. Еще сильнее запылали щеки.

— Фу! — вмиг скривился, фиглярствуя. — Я не про то! Какая ты пошлая... Набегался просто за кое-кем. Устал, успокоился...

Усмехаюсь:

— За очередной невестой?

— Типун тебе, — гогочет. — Я больше так безумствовать не стану!

Ржу пристыжено:

— Если я... вся такая ужасная, зачем на ужин позвал?

— Ну-у, — протянул, кривляясь. — Мы же в общественном месте... так что, думаю, я в безопасности.

Хохочу:

— Ты ничего не перепутал?

Надул губу, прищурился:

— Нет, а что? — казалось, вполне серьезно. Нахмурился.

— Вот разойдутся они — и ты дошутишься, — язвлю (и снова покрываюсь краской).

Обмер, округлив очи:

— Уверенна?

— Что? — залилась пристыженным хохотом, вовсе теряя мысль, куда он меня своими коварными поворотами завел. Кто кому и чем уже угрозой.

— Ну, смотри мне, — внезапно гаркнул, странная, пугающая перемена в голосе.

Вдруг движение — и отодвинулся. Встал из-за стола. Прокашлялся:

— Жди меня здесь. Я сейчас... только припудрю носик.

И снова ржу... не имея сил сдержаться. Закачала в негодовании головой: дурак... ой, дурак...

Минуты, волнующие, пугающие, бесящие...

Взгляд около.

Народ уже заметно рассосался: видимо, поздно уже. Осталось лишь несколько пар и одна, человек пять, компания.

Еще миг — и внезапно резко стемнело вокруг. Лишь медовый, мягкий свет, рождая полумрак, от свеч, что играли, дрожали золотыми мотыльками на столиках. Заволновались посетители. Еще минуты — и запищало что-то. Встрепенулись, вскочили все со своих мест. Поддалась и я.

Метаю испуганный взор около — а Кости не видно...

— Простите, за неудобства. Нет, платить не надо, — слышу, доносится голос администратора. — Да, пока прогуляться можно. Не знаем, но сейчас всё решим. Нет, это не пожар. Да, тревога... Да, лучше выйти...

Забрать сумку и рвануть в сторону туалета:

— Девушка, простите, — резко преграждает мне путь официант. — Но лучше сейчас туда не ходить...

— Я понимаю, — смущенно улыбаюсь. — Я просто своего молодого человека ищу...

— Пройдите во двор, скорее всего он там...

Черт! Костя! Ну, как так? Не видишь, что ли, что происходит?! Куда девался?

Шаги к двери — и вдруг хватает меня кто-то за локоть. Тащит на себя. Разворачиваюсь:

— Пахомов! — в отчаянии гаркнула. — Ну, где ты ходишь? — чуть ли не взмолилась от обиды и беспокойства. — Я же переживаю! Пошли, давай!

— Это ты иди за мной, — загадочно улыбнулся...

Шаги в полумраке — и замерли среди зала.

Послышался щелчок двери, отгораживая нас ото всех...

Обомлела я в страхе... волнение легкой дрожью пошло по телу.

— Что происходит? — шепотом.

Десятки мелких огоньков, перебирая янтарный свет, словно струны, творили чарующую феерию: и казалось, будто сама ночь спустилась с небес, обволакивая нас своим бархатом и роняя в море звезд.

Движение — и приблизился, вплотную; обнял за талию.

Ожигая дыханием кожу:

— Теперь у тебя час... загадывай желания...

Чувствую, как задыхаюсь... от его тепла, аромата, близости. Дрожь еще сильнее — а желание отчаянным стоном с трудом замирает в горле, боясь вырваться — и выдать меня сполна.

— Здесь? — удивленно шепчу, едва нашла силы на слова.

— Сама сказала... если бы они все исчезли, то...

Нервически заплясала улыбка на моих устах, но удержаться так и не смогла она.

Схожу с ума... просто схожу с ума... будучи в шаге от пучины безумия и счастья.

— Ты серьезно? Прямо здесь?

— А что? — тихо смеется. — Чем не место?

— Тут люди едят... — попытка хоть как-то отстоять свою и так проигранную уже честь.

— Я тоже предлагаю попить... —

— А вдруг камеры... или кто войдет?

Коротко, ласково улыбнулся. Движение — и несмело обнял за плечи. Еще ближе... и губы едва ли уже не соприкасаются:

— Камеры вырубили вместе с включением пожарной тревоги. А внутрь не зайдут, пока мы им дверь не откроем...

— Уверен? — обреченно.

— Уверен. Хозяин — мой друг.

Нервически сглотнула слюну. Отчаявшись, прощальным шепотом, словно хватаясь в последний раз за скользкий спасательный круг:

— Но это же мой час?

— Да, — пристыжено рассмеялся.

— И мое желание? — невольно язвлю.

— Да, — ухмыляется, чувствуя уже, как удача выскользывает из рук, вторя не столь давнему его же бою.

— Велау.

Обмер. Невольно даже отстранился. Нервически заморгал:

— Что Велау?

— Знаменск, — коварно, но все еще сдержано, робко ухмыляюсь, радуясь победному глотку воздуха: его участию...

И снова нелепые попытки Пахомова прогнать шок, прожевать, совладать с собой, смириться с окончательным поражением. Недовольно стиснул зубы.

— И что там?

— Желание... — смущенно улыбаюсь я, сгорая в страхе и неловкости за свою наглость и безумие.

— Сейчас?

— Да.

— Туда почти час и добираться, — скривился недовольно.

— Тогда поторопимся...

Задумался, обмер, осознавая, принимая... что не шучу, что на полном серьезе — и вдруг хмыкнул, а затем и вовсе рассмеялся.

Цыкнул. Закачал головой:

— Ну... Знаменск, так Знаменск...

Глава 8. Призраки. Былое и грядущее

Глава 8. Призраки. Былое и грядущее

Поздний вечер взял свое — и от пробок уже почти ничего не осталось. А потому смело за город — и хорошенько втопить педаль газа, доводя скорость до максимума дозволенного...

— Почему Знаменск? — наконец-то осмеливается задать этот... столь волнующий вопрос, причем терзающий не только его.

Нервически рассмеялась я от неловкости:

— Есть там... — промямлила тихо я, силясь подобрать толковые, верные слова, — около железной дороги... место одно.

— Кусты? — заржал язвительно, хотя добро, снисходительно.

Смеюсь и я:

— Почти. Увидишь...

— Ну, адрес хоть скажи.

— Улица Ленина, а там не ошибешься...

Припарковаться на обочине около чьего-то двора и выйти наружу. Шаги в сторону железнодорожного переезда.

Еще немного — и замерли около высокой башни. Взором скольжу снизу вверх. Вторит мне и Костя:

— Водонапорная? — улыбнулся в непонимании.

— Да. В детстве я здесь несколько раз была, в Знаменске. У подруги, на летних каникулах... Всегда мечтала подняться на верх этой "барышни"... Но то смелости не хватало, то возможностей. А последнее время и того — она закрыта. А мечта осталась... Легенд сколько ходило... или сказок, — ухмыльнулась себе под нос. — Боялись, но манило...

— И до сих пор манит? — залился улыбкой. Взгляд на меня.

Отвечаю тем же:

— Да.

— Ну, тогда пошли...

Оценить замОк, почесать затылок... Шаги к работнику блок-поста переезда...

Силой, правдой, корочкой... а все же нашли способ отпереть дверь.

Шаги по безрассудному серпантину ступенек, а затем — по железной (ржавой) вертикальной лестнице стремительно вверх, пока не замерли на смотровой площадке. Взор в окно, ведя около — и ныряя за горизонт...

Звезды, истинные, дикие, шальные, игриво мерцали на темно-синем полотне, маня к себе... буквально протягивая к нам свои незримые щупальца и приглашая окунуться с головой в их увлекательный мир, устремиться в таинственную бездну, прямо в лоно огромной, округлившейся, будто блюдце из белого золота, Луны... суля невероятные приключения и впечатляющие, волнующие невиданные дали, гораздо занимательнее сих, скромных, земных "нелепых шаржей".

Поселок (хотя, сложно его таковым назвать), город... погрузился в сон, потонув в

теплом, темно-сером покрывале ночи... И лишь фонари дарили медовый всплеск ощущения догорающего лета...

Подул прохладный ветер — невольно поежилась.

Шаг ближе. Движение за спиной — и обнял меня Костя. Умостил подбородок на макушку и замер. Взором вторит моему...

— Не маяк, конечно, — задумчиво повела я, — но согласись... красиво.

Хмыкнул, но добро, понимающе. Смолчал.

Осмеливаюсь продолжить:

— Спасибо тебе... — малодушно, робким шепотом, искренность оголяя, — за сказку...

Тепло так рассмеялся:

— Это — не сказка... а явь.

Улыбнулась в ответ. Еще миг — и отваживаюсь. Поднимаю голову вверх — поддается.

Взгляды схлестнулись:

— Мой час же закончился, да? — коварной наивностью сверля.

Ухмыльнулся. Показательное, отчасти машинальное движение — взор на наручные часы:

— Не знаю, — скривился. — Я не засекал. Наверно... — пожал плечами. И снова крепко сжал в объятиях... — Но, — вдруг продолжил, — так и быть... — язвительная улыбка, — исполню еще одно твое желание. Загадывай.

Провернулась в его хватке. Глаза в глаза.

И вновь... до неприличия близко.

Не моргает. Бурит взглядом. Поддаюсь на это участие и я...

Дерзкая, уверенная... замороженная...

— Тогда... — решаюсь: приблизилась вплотную, слегка касаясь его губ своими.

Шепотом: — Это — ты...

Не сразу осознал... не сразу среагировал, поверил... Но момент — и силой, страстью, с вызовом тотчас впился, прилип к моим устам.

Сладкая, запойная, откровенная ласка, играя с дикой, бесстыдной фантазией, порождая внутри каждого из нас сотни звезд — более ярких, жгучих... и куда умопомрачительней, чарующих, нежели те, иные, настоящие... — напор, повалил на стену. Сжал за талию, сильнее притиснув к себе: голодно, ненасытно... Будто все еще не веря, что игрушка сдалась — и недоступное наконец-то стало дозволенным... Скользнул рукой по животу, к груди — грубо ее сдавил, уступая пробудившемуся демону. Живо стащил с себя пиджак — и швырнул на землю (пол, деревянный настил, забитый грязью, пылью и поросшей уже от старости травой). Поддаюсь — опускаюсь на предложенное место. Враз повис сверху Костя. Ловкий ход рук — нырнул под платье. Дерзкое, уверенное, стремительное движение, сдирая, стягивая, едва не разрывая кружева... А затем и сам: помогаю высвободиться ему из плена кобуры, ремня, одежин... — смело ухватил меня за бедра, подал на себя, заставляя обвиться ногами вокруг поясницы. Натиск, еще давление — и ворвался... Силой, напором, с болью и сладостью, грубо, приятно, взрывая, перемешивая все чувства внутри меня, рождая из бури шпиль в кольце воронки ощущений, рождая... жгучую, переливами, пульсом в жилах... эйфории протрацию. Дикий, жадный, алчный крик мой раздался луною, отчаянной мольбою... не останавливаться, а покорить, подчинить и испить... меня всю без пощады... до самого дна.

В такт... мимо проносающемуся нас товарняку... вдаль улетали, сплетенные воедино, и

наши души...

— Куда? — раздался робкий шепот мне на ухо.

Не сразу соображаю, не сразу нахожу и силы ответить. Но так же, тихо, едва различимо:

— Внутрь.

Еще движение — и счастливый, обмер... разливая внутри меня туманные, далекие... инстинктивные ощущения блаженства и торжества: его, моего, вселенной...

...всего живого, в очередной раз взяв, покорив новую вершину эволюции. Вот только... ошибка. Я — ошибка. И не в моем случае... этот венец найдет свое зодчество.

Шумный вздох — и наконец-то вздрогнул. Пристыжено рассмеялся, приподнимаясь с меня:

— Ты там жива?

Улыбаюсь, сгорая невольно от смущения:

— Жива...

Привести себя в порядок, убрать улики (хотя... звуки, стоны, крики давно все сдали, рассказали о нас, бесстыдниках). Спуститься вниз.

Отдать ключ. Поблагодарить. Проститься...

Но к авто так и не пошли... Вдоль лесополосы, по дороге... прогуляться, вдыхая свежий воздух, насквозь пропитанный прощальным бабьим летом.

Улыбаюсь от неловкости. Стыдно... душу оголять, но, почему-то, безумно хочется... Так и тянет ему, первому из всей вселенной, всё это открыть... Будто оно ему важно, нужно... будто услышит именно то, о чем душа так голосит:

— Обожаю поезда...

— А? — удивленно вскинул бровями. Взор на меня тотчас уставил.

— Не знаю, — продолжила (все так же задумчиво, вразтяжку). — Не знаю, чем они меня так манят... Но как только слышу стук колес, этот ритм, шум, звук, биение стального сердца... странные, безумные чувства охватывают...

Еще шаги — и обмерла. А затем и вовсе присела на траву. Поджала ноги и устремила взгляд на рельсы.

Живо повторил за мной (слегка растерянный) Костя. Украдкой взор то на меня, то пред собой.

— Будто... — отваживаюсь продолжить, — будто... что-то знают они. Мудрость таится. Возможности. Судьба моя... Будто придет миг — и один из них унесет меня куда-то далеко-далеко... от всех бед, печалей... слез... в мой мир. Дом. Новый... настоящий. В сказку, — обрушиваю взгляд на Пахомова. Вторит тем же. Кривлюсь в смущении: — Я сумасшедшая, да?

Хохочу пристыжено.

Улыбнулся:

— Ты только скажи... когда и где... чтобы я тебя встречал на перроне.

— Дурак ты! — рассмеялась я, в момент залившись краской.

Но вдруг движение: обнял, притянул к себе, уложил на колени — поддаюсь. Замираю в его хватке. Взор на небо — снова теряясь среди... звезд.

Шепчет:

— Я серьезно... не хотел бы, чтобы однажды один из них... увез тебя от меня.

Смущенно улыбаюсь:

— Это ты пока так говоришь.

Устремил взгляд на меня. Отвечаю тем же. Не скрывая ухмылки, продолжила:

— ...пока не наигрался.

— А я и не играю, — строго, отчасти с обидой.

Пристыжено скривилась:

— Я не про то, — стыдливо отвожу взор.

— А про что?

— Что... — взволнованно сглотнула слюну, — наступит миг... и чувства притупятся.

Интерес растает. Все новое — станет старым. Скучным. Я — скучной...

Сжал вдруг сильнее в объятиях, приблизился губами к уху. Палящим, доводящим до дрожи, мягким, околдовывающим шепотом (отчего невольно, томно прикрыла веки, внимая сладкому звуку):

— Это ты, наверно, сейчас обо мне... да? — короткая пауза. — Я стану... скучным, неинтересным... глупым? Так?

Вздрогнула, дернулась, враз открыв очи. Силой отстранилась.

Взоры схлестнулись:

— Нет, конечно! Причем тут? — обмерла в ужасе.

Ухмыльнулся победно, язвительно:

— Вот и не надо тогда... решать за меня. Что, о ком... и когда буду думать. Идет?

Виновато опускаю взгляд. Молчу.

Еще миг — и отворачиваюсь, пряча пылающее от позора лицо.

— Ты мне очень нравишься... И я очень рад, что повстречал тебя. А что будет потом — будет потом. И глупо загадывать. А уж тем более... плохое.

Усовещено ухмыльнулась, рассмеялась я.

Вдруг движение — и ухватил меня за подбородок. Повернул к себе.

Поддаюсь на напор — глаза в глаза.

Облизался — мгновения метания, игры взоров — и тотчас потянулся к моим губам своими. Живо проворачиваюсь целиком — и поддаюсь, отвечаю... Но едва обхватил, утопил меня в своих ручищах, а страсть новой волной, прибоем окатила нас, разливая по жилам вместо крови — наслаждение, как внезапно навязчивое, изводящее жужжание заставило обмереть на месте. Еще момент — и подчиняется долгу. Короткий поцелуй, будто извиняясь, прощаясь — и оторвался. Забурился в карман, достал аппарат. Принял вызов:

— Слушаю. Нет. Не могу... Да, дело. Да, срочное. Вовану звони. Нет, не могу! — с напором, громко. — Не могу! Ты глухой? Иди в задницу! — взгляд на меня на мгновение (будто с виной), а затем вновь около, бесцельно. Молчит, слушает. — Да ладно! — рявкнул неожиданно, отчего невольно вздрогнула я. Заметил — коснулся, провел, погладил меня по плечу. Застыл: — Ладно, еду! Часа через два... Чё-чё делать? Под*очи! Всё, давай, отбой.

Резкое движение, завершая звонок. Взор на меня — шумный вздох. Виновато поджал губы:

— Прости...

— Да я уже поняла... — смущенно улыбаюсь. — Дела...

— Работа.... мать ее. Ни днем, ни ночью покоя нет... И дернул меня черт в нее ввязаться.

Робко смеюсь:

— Да ладно... важность, власть... приключения.

Ухмыльнулся:

— То же самое и в бизнесе... только там платят лучше.

— Но а честь?

Улыбнулся:

— Кормила бы она еще... эта твоя честь. Да детей одевала, обувала...

Резвое движение — встал, выровнялся на ногах. Протянул руку — хватаюсь и тоже замираю рядом.

— Не всё же желудок решает? — пристыжено смеюсь.

Хмыкнул. Обмер, задумавшись. И наконец-то ответ:

— Да, — короткая, многозначительная, интригующая пауза. — Но только пока сыт, верно?

Глава 9. Соцветие полымя

Глава 9. Соцветие полымя

— Может, ко мне? — загадочно ухмыльнулся Костя, едва въехали в черту города.

— В смысле? — обмерла я в непонимании. — Тебя же ждут...

— Ну-у, — протянул многозначительно. — Работа — не волк. Порешаю, что смогу, и вернусь. Надеюсь, — съехидничал и коротко рассмеялся. — И тут ты меня встретишь... теплыми, нежными объятиями...

Ухмыляюсь, пряча смущенный взгляд; отворачиваюсь:

— Мне домой пора... Заждались.

— Кто? — язвит. — Дети? — улыбается.

Кольнуло в сердце. Но все еще пытаюсь удержать улыбку на своих устах: не уступить, не сознаться... не выдать себя.

Иронически:

— Злой и ревнивый... кот сильной независимой женщины.

— У тебя есть кот? — от удивления даже оторвал взгляд от дороги и уставил на мгновение на меня.

Ухмыляюсь:

— Нет... но уже подумываю завести...

— Понятно, — пристыжено захохотал. — Ну, я тогда на днях позвоню?

— Позвони... — улыбаюсь.

Странная... и жуткая одновременно ночь. Ночь воспоминаний, нежности остатком... и прозрения. Размышлений. Приговора...

Вот он, момент... полного и целостного осознания... своей пустоты, бесполезности.

Обреченности.

Раньше я всегда боялась... после "бурных ночей" с Антоном... лишь одного — "залета": что что-то пойдет не так — и... свершиться непоправимое. То, к чему мы еще оба не готовы.

А теперь?..

А теперь и переживать не стоит.

Более того, весь цинизм, сарказм в том... что, по-моему, я наконец-то встретила того... с кем смело и уверенно решила бы на этот шаг. Причем уже сейчас: и не страшно даже, если в итоге бросит, уйдет...

Очень хотелось бы, чтобы ребенок был на него похож: смел, в меру самоуверенный, романтичен и дерзок, веселый... добрый, открытый...

Но нет. Никогда этому не бывать. Пустая надежда. Пустой вариант... страх-мечта.

Жутко. Без меры жутко осознавать тот факт, что... сейчас внутри меня мужское, Его семя, что не есть — самая важная, драгоценная жемчужина опыта, кладезь, сокровищница всего генеалогического дерева, целого рода, хранящая в себе все самое ценное и важное, отобранное... веками, целой вереницей проб, ошибок и побед...

Но это — ровным счетом... в моем случае ничего не значит. В любых вариациях, шальных и самых невероятных — тщетно. Пустота: ружье на моей сцене никогда не выстрелит.

Будто в старинных, ручной работы... часах вынули механизм, оставив лишь корпус. И сколько не гляди на циферблат, не подкручивай колесико — толку... не будет. Время не начнет свой отсчет, а стрелки... самостоятельно не вздрогнут и не пустятся в невероятный, подобный таинству, магии, бег, рождая из тиков и таков нечто большее... нежели просто звук. Никогда... оные больше не станут чудом, полезностью, трофеем. Отныне и вовеки веков — лишь глупый, бесполезный... никому не надобный, толстым слоем пыли покрывающийся... декор. Бутафория. Мишура. Обманка...

Пустоцвет.

И снова утро. И снова мчать на работу.

Вот только вместо дел, вместо обязанностей — в голове одни глупости... и мечты.

Боюсь. Почему-то я боюсь Костю... И одновременно манит Он меня: как огненный цветок, соцветие полымя — глупого, наивного, неопытного мотылька... Совсем голову с Ним теряю. Сама не своя... на всё готова. Да и уже... на многое пошла.

И ничего, практически, не надо взамен: так, чуточку правды, чуточку нежности и чуточку внимания...

Что я творю? Сама не знаю...

Всегда осуждала барышень за легкомысленное поведение... А сама в итоге оказалась не лучше... Едва ли не первое официальное свидание — и отдалась. Сполна — вся его.

И что теперь обо мне думает?

Профукала... всю серьезность грядущего? Не светит мне больше его реальный интерес, только игра, да?

Или что?

Черт... и почему рядом с ним я так глупо себя веду? И всё сильнее себя закапываю...

Сбежала от одного... чтобы второму сразу, без боя сдаться, отдаться на растерзание, пользование, попасть в зависимость и бесчувственное рабство... Так?

Или что?

ЧТО?!

Да и вообще что я о нем знаю? Вот что? Кроме имени, звания, номера тачки и то, что был женат. Есть ребенок... А дальше? Штиль...

И можно ли вообще, стоит ли... от него что-то серьезное ждать? Когда-либо?..

Если даже набила бы я себе цену (отдавшись чуть ли не через год!)...был бы толк?

Шумный вздох — и пнуть дверь отделения. Шаги по кабинету.

Благо, Науменко еще нет...

— Привет, Виталь.

— Привет-привет... чего-то ты совсем сегодня помятая...

— Да так... бессонница...

— М-м-м... страсти? — коварно замигал бровями Сальников.

Присаживаюсь за стол, напортив. Сверлю взглядом коллегу: и что бы ему такое ответить?

Хитро прищурилась, попытка съязвить:

— Почти. Если сношение мозга, причем самой себе, можно назвать... сим дивным словом.

Заржал:

— О-о-о! Это да... сложный случай.

Повесила сумку на спинку стула. Взор около:

— Ладно! — скривилась я, хлопнув ладонями по коленям. — Давай лучше о другом поговорим. Что там по Ольхову нащупали? — подтянула рукава кофты. — Есть че интересное? Или впустую?

— Да есть... адрес достали того, с кем он встречался в кафе. Сегодня поедем. А так...

— А эти... беглецы? Что по ним?

— Че, газету прочитала? — хохочет.

Поморщилась я, словно кислицы наелась:

— Да нет! — невольно рявкнула. — Некогда было! Так расскажи, что там за случай?

— Да че рассказывать, вон фотороботы лежат... — ткнул пальцем куда-то в сторону, на стол Майора. — Сбежало двое из психушки. Одному — за тридцать, второму — за сорок. И лови, ищи, где хочешь. ДПСники шерстят. И нам надо что-то думать, вписаться. Но хорошо, что не напрямую впарили дело... Так что так — по мере возможностей. И просто... нужно быть бдительными.

— Агрессивные?

— А... — сжался, паясничая, словно тайну жуткую сдавая; приблизился едва ли не вплотную, — буй его знает. Вроде... тот, что постарше... — веселый экземпляр. А второй — так, чисто за компанию...

— ...и колобок повесился, — передергиваю пословицу машинально, вторя любимой фразой Бывшего.

Поморщилась, невольно осознав, что и чье ляпнула.

— Ладно, — резко срываюсь с места. Шаги к шкафу. — Чай будешь?

— Кофе...

— А Науменко где? Чего опаздывает? — метнула на товарища взгляд (а руки уже пляшут у чайника: влила в одного воду из бутылки, и поставила на подставку, зажала кнопку).

— Опаздывает? — ржет Сальников. — Он никогда не опаздывает. Еще час назад здесь был... А потом его вызвали. Дела какие-то. Вот и помчал... но куда — не докладывал. Велел лишь тебя дожидаться и по Ольхову рвануть...

— Слушай, — невольно скривилась я, сгорая от неловкости. Замялась на месте.

— Ну, говори... — смеется, потешаясь надо мной и моей скромностью.

Еще немного выждать — и движение: залить кипяток в чашки.

— Сахара сколько? — улыбаюсь, а щеки так и горят уже от стыда.

— Говори! — ржет неприкрыто. — Две...

Подчиняюсь. Машинальные действия — и протягиваю, ставлю на стол перед коллегой "взятку".

Взор в лицо, не касаясь глаз:

— А ты же... можешь по кое-каким связям пробить... и узнать про одного человека?

Рассмеялся:

— Могу...

Закусила губу. Смущенная, отворачиваюсь. Но смелости не хватает договорить.

Хотя и не дает, в итоге, собеседник. Продолжил:

— Только... если Науменко узнает — визжать будет, что недорезанный.

Рассмеялась пристыжено я. Прячу и вовсе очи от стыда. Тихо:

— Ясно...

— Но я не отказываюсь, — поспешно. — Сходи лучше к Казанцеву, в соседний отдел.

Роману. Помнишь же?

— Ну да, — резко оборачиваюсь. Счастливым, взмолившийся взгляд.

— Вот ему наш Серега не указ. А пацан нормальный — поможет, причем бесплатно. И я еще слово замолвлю. Если что, можно даже будет сказать, что для дела.

— Да ладно, — засмутившаяся, смеюсь. — Зачем врать? Не поможет — и ладно. А узнает что — супер. Я с радостью отблагодарю.

— Не чуди... Хочешь, пошли вместе?

— Не, не надо, — лихорадочно закачала я головой (а сама уже готова взорваться от радости). Разворот к двери. — Я сейчас! Я к нему! Он же на месте?

— Ага, — хохочет. — 21 кабинет.

— Да я помню! — едва не давлюсь уже слюной. — Спасибо!

— Просто узнать? — улыбнулся.

— Да, — взволнованная, тотчас присела на стул напротив Казанцева.

— Ну, пиши, — резво подался вперед. Оторвал стикер, схватил ручку из подставки, и положил на стол передо мной: — ФИО и прочие данные...

— Да я почти о нём ничего не знаю. Потому и обратилась...

Коротко рассмеялся.

Движение — и внезапно встал с кресла, шаги ближе. Вплотную.

Смущенно отвожу взгляд, нервически улыбаюсь. Откинулась на спинку стула, отодвигаясь.

Присел на край стола. Взор сверху вниз.

Зря, дура, радовалась... что в кабинете никого постороннего. И что теперь?

Интересный вариант... чтобы узнать про одного, надо ответить второму?

— Что? — улыбнулся, завидев мое смущение.

— Роман, — взгляд на него из-подо лба. Кривлюсь от неловкости в улыбке: — Только не надо...

— Что? — рассмеялся, строя удивление.

Шумно вздыхаю, прячу взор:

— Да ничего! — язвлю. — Сам знаешь!

Захохотал пристыжено:

— Да ладно тебе... Просто ужин, — улыбается. Осмеливаюсь на мгновение перевести на него очи. — Поужинаем — и всё, — продолжил. — Как что-то узнаю... заодно и обсудим.

— Ром! — сдержанно, но не без ноток злости, живо срываюсь с места. Подчиняется напору — встает, выравнивается рядом. И снова взгляд его на меня сверху вниз. Веду дальше: — Прости. Я зря... Не надо ничего!

Обогнуть сбоку — и броситься к двери. Успеваешь перехватить.

Едва дрогнуло полотно — как тотчас прибил рукой оное обратно.

Замер за моей спиной. Тихим, сдержанным голосом:

— Не злись. Прости... Давай, пиши... про кого там надо узнать.

Оборачиваюсь.

До неприличия близко, но выдерживаю в этот раз давление:

— Я не буду с тобой ужинать. Заплатить — заплачу. Иначе как-то отблагодарить — отблагодарю... но не по этой части. Хорошо?

Ухмыльнулся. Снисходительный, добрый, хотя и со скрытыми, какими-то глубокими

своими мыслями, реакцией, взгляд. Немного помедлив:

— Да ради Бога. Пиши — я так помогу. Как коллега — коллеге. Идет? Жизнь длинная — авось, и ты мне когда поможешь.

— Не люблю быть в долгу.

— Значить и не будешь. А я не люблю брать деньги со своих.

— Зря я к тебе пришла, — попытка отвернуться, но силой удерживает за плечи, не дает свершить задуманное.

Шепотом, вкрадчиво:

— Пиши. Не выживайся. Я буду рад тебе помочь...

Глаза в глаза. Сверлящие, жгучие мгновения — и сдаюсь.

Скривилась в улыбке:

— Я знаю только имя... и номер тачки.

— Пиши...

Глава 10. Камуфлет

Глава 10. Камуфлет

Едва вышла за дверь, как буквально нос к носу... с Науменко.

Черт... бы его побрал....

— Привет, — невольно заикнулась я от испуга.

Сверкнул взглядом:

— Че не на рабочем месте? — грозное.

— Я по делу заходила, — сама даже не осознала, как такое ловкое вранье выскочило из меня в защиту.

— По делу, — передернул недовольно слова. — Все дела — у нас там, — кивнул в сторону кабинета. — А здесь... так, — не договорил, видимо, не найдя подходящего... необходимого по отношению к товарищу слова. — Короче, — гаркнул, — иди в отдел, ждуть тебя.

— В смысле? Кто? — оторопела я (а сердце бешено заколотилось, вымаливая лишь одну встречу, лишь одного человека).

— А мне почем знать? Я в твои личные дела не лезу. Мне и работы хватает. И, кстати, за это, — ткнул пальцем в сторону причинности, — ты тоже получишь.

Скривилась невольно от раздражения.

Разворот — и живо пошагала прочь, пока еще чего мне не наобещал мой "начальник".

...да лучше бы я там, рядом с Науменко осталась. Али на том же месте провалилась, где и услышала столь "занимательную" новость.

Обмерла, не дышу. Лишь очи округлились, едва не выпадая из орбит.

— Ясенько, — саркастически пропел Сальников и тотчас встал из-за стола. Шаги к двери. — Только не поубивайте друг друга... а то у нас Серега не любит внеплановых трупов.

— А у вас бывают "плановые"? — гаркнул ему вдогонку... мой Бывший.

Едва щелкнул замок, оповещая нас о заботливом единении, как вдруг ступил ближе.

— СТОЯТЬ! — испуганно рявкнула я, сама того не ожидая.

Оторопел. Застыл. Не шевелится:

— Ты чего?

— Ничего! Че приперся? — рычу, не сбавляя оборотов.

— Поговорить... — удивленно, как ни в чем не бывало.

— Ты бы еще через год явился! — гаркнула злобно.

— А ты вообще не пришла...

— А надо? — сдержано уже.

— А не надо? Хотя бы о том... что ты сделала аборт.

Обмерла я, пришилленная фразой. За и против.

Вот, с*ка... Еще хватает наглости... заводить эту тему.

— Ты серьезно? Ты хочешь об этом поговорить? Сейчас... спустя несколько месяцев, у меня на работе? В отделении милиции?

— А иначе ты сбежишь.

— А отсюда нет?

— Но еще же не сбежала...

— Ты больной, или как? Хотя... чего это я? — давлюсь сарказмом. — Будто сама не знаю.

— Давай просто поговорим.

— О чем? Ты хочешь о деньгах поговорить? — шаг ближе. Нервически сглотнула слюну. — Или о чем? Просто... я не вижу иного повода: что может еще нас связывать. Если да, то мой отец и так, больше чем за половину заплатил. А в остальном...

— Лиз, давай наладим отношения?

— Чего? — окаменела; но миг — и поморщилась я, гримасничая, заливаясь язвительной ухмылкой. — Ты серьезно? — едва не скалясь. — После всего, что было?

— погоди! — оторопел; прищурился: — Мне показалось, или ты меня в чем-то еще винишь?

Заледенела я, осознавая сполна, куда моя ложь меня завела.

Ну, да... чего это я? Сколько угодно можно отгораживаться, а всё равно с*кой буду — я.

Шумный вздох:

— Что ты? Как можно... — попытка ответить "искренне", да только сарказм взял свое.

Резвый шаг ближе, скривился:

— Ты не охренела? — усердие заглянуть мне в глаза, да тотчас увиливаю.

Отворачиваюсь.

— Я сплю с другим.

— Что?! — невольно вскрикнул, распятый ужасом.

Отваживаюсь подвести очи. Сцепились взоры. Мерно и жестоко, как он меня всегда:

— У меня... другой. И я с ним... сплю.

Пощечина — резвая, жгучая... Отрезвляющая.

Победно заулыбалась я — вот он... эйфории приход, давя всякое приличие, жалость и человечность.

С вызовом, гордый взгляд в глаза. Киваю головой: а как иначе? Ты ж — ГЕРОЙ!

Разворот его, шаг к двери. Но тотчас обмирает. Полуоборот. Презрительное, мерзкое, словно смрад гнили:

— Шлюха ты конченная! ШЛЮХА! Потом и его ребенка убьешь? ДА?

Окаменела, расстрелянная — казалось, вот-вот мой труп упадет.

Молчу. Не дышу. Не моргаю.

— Че молчишь, с*ка? А? — яростное. — И сказать нечего, да?

— Это я убила?! — жесткое, черствое, бесстрашное.

Очи в очи.

— А КТО, Я? — сплюнул ненависть в лицо. — Это я тебя за руку туда оттащил? Или щипцами его выскоблил? А, тварь?!

Будто кто душу мне только что разбил... и теми осколками враз принялся исполосовать все изнутри, рвя в клочья остатки живого...

Задрожала я от горечи, от обиды, от боли... от ненависти:

— Ты же, гнида, даже не знаешь, что произошло! И кто из нас... в чём... виноват!

— Так скажи! — рявкнул (едва сдерживаясь, чтоб не кинуться на меня).

— Что здесь происходит?! — резво распахнулась дверь. Влетел Курасов. Бешеный, испуганный взор то на меня, то на него: — Вы по делу, или чего здесь? — молчание Буранова, а потому продолжил подполковник: — У вас заявление, или что? — и снова

безучастие Антона. — Отвечайте! — приказное мужчины.

Словно очнулся. Оторвал от меня гневный взгляд ублюдок. Растерянно по сторонам, а затем, проморгавшись, на Юрия Александровича:

— По личному... вопросу.

— Все личное, — озлобленное, с презрением, — за пределами отделения. И после 18:00. Ясно? А здесь, оперуполномоченный Цветкова на службе, и все вопросы должна решать исключительно в рамках служебных обязанностей. А потому — попрошу, — махнул рукой на выход.

— Мы не договорили... — дерзкое, самоуверенное.

Отчего просто побелел Курасов:

— ГРАЖДАНИН! — дикое, словно выстрел. — Вы ничего не попутали?! — пронзающий, уничтожающий взгляд, прищурившись, сарказмом искря. — Здесь я — начальник. И решать... буду исключительно я, кто с кем... и когда "договорил". Попрошу покинуть помещение... пока санкции к вам не применили. И вот тогда вы здесь... точно задержитесь, и наговоритесь — только сами с собой... и в обезьяннике.

Замялся, скривившись в отвращении и злости, Буранов.

Прожевал эмоции.

Взгляд на меня:

— С*ка ты... и правильно, — оскалился от ненависти, — я рад... что нас больше ничего не связывает. И что у моего ребенка — не будет такой матери, что хуже... подзаборной швали.

Резкий разворот — и вылетел долой.

Отворачиваюсь... от невольного свидетеля всего этого... безумства...

А по щекам уже побежали слезы... норовя исчезнуть, открестится от моего... позора.

Шумно вздохнул, прокашлялся от неловкости Подполковник. Минуты, дабы подобрать слова, наскрести смелость... и отважился:

— Приведешь себя в порядок... и зайдешь ко мне в кабинет. Проведу... и тебе разъяснительную... беседу, — болезненная пауза. — А то устроила тут мне... цирк... на все отделение. Ходят, оборачиваются... а потом кости будут перемывать. Себя не жаль, об отце подумай: зачем ему такой позор?

Разворот — и вышел следом за дверь, скрылся в коридоре...

Не успела сделать выдох, не успела даже толком протиснуться, пройти по коридору... в сторону кабинета обозленного Подполковника, как тотчас... новый взрыв. Да так... что вовсе... снеся все на своем пути, раскромсав меня изнутри, растерзав на ошметки... но явив наружу... лишь только легкое, едва уловимое... колебание почвы. Произведя... камуфлет.

— Держи, — радостно воскликнул Казанцев, всучив мне в руки какие-то бумаги.

Нахмурилась я, пытаясь прогнать из головы туман...и выудить верные догадки, сделать выводы:

— Что это? — сдаюсь своей немощности.

— Как что? По Пахомову.

Обомлела:

— Уже? — удивленно вздернула бровями.

— Ну так... был резон стараться, — ухмыльнулся.

Нагло игнорирую, тотчас выхватываю из рук.

— Благодарю, — бросила машинальное, разворот — и пошагала в ином, интуитивно выбранном направлении.

Туалет.

Протиснуться к окну — и замереть, перебирая взглядом строки.

— Чушь! — невольно вырвалось из моей груди. Нервный смешок. А очи так и лезут на лоб, дрожь пробивает конечности. Мурашки полчищем... разгрызают кожу.

Стук в дверь.

Испуганно устремляю взор:

— Можно? — ухмыльнулся Роман. Шаги ближе (по общему предбаннику). — Да... человек-загадка, — продолжил задумчиво. — Почти ничего на него нет. Так только, самое элементарное: стандартный пакет документов; квартира, машина; женат, есть ребенок. А вот относительно рода занятий, чем на жизнь зарабатывает...

— Он в разводе, — горько, злобно перебиваю жути ход. А в голове уже — стук колес паровоза, разрезая стальными блинами мою жизнь на части.

Хмыкнул враз Казанцев. Отвел на мгновение взор. Скривился в болезненной ухмылке:

— Женат, Лиз, — тихо, с опаской. — Женат, на Ирине Пахомовой, там все написано, — кивнул на бумаги, что невольно от волнения в руках своих сильно я сжала. — И у них есть сын — Игорь, лет семь отроду. Прописаны все трое по одному адресу, где и проживают с 2009 года...

Слезы застыли на моих ресницах. Предательски запекло в груди. Дрожь по телу. Холодно, будто в стужу.

Пристыжено, машинально отворачиваюсь. Шепотом:

— А телефон... номер достал?

— Ну, да. Там... на первой странице... — хотел, было, показать, ухватить, развернуть бумаги, но не даю — вырываю, прячу, словно что-то постыдное, жуткое... но родное.

— Еще раз благодарю, — сдержанно, резко, мигом стирая шальные соленые потоки.

Молнией на выход.

По коридору — к двери. А там на улицу.

Пройтись вглубь сквера, затесаться меж деревьев и присесть на забор.

Быстрые, аляповатые движения — и отыскать заветные цифры, вбить в телефон.

Гудки...

— Да ладно... зай! Ты, что ль? — игривое.

Прокашляться и черство:

— Поговорить надо. Срочно.

Смеется:

— А чего так серьезно?

— СРОЧНО! — рявкнула я, перебивая его приторный, мерзкий елей.

Обомлел. Жгучие мгновения тишины — и наконец-то решается ответить:

— Карла Маркса, 18. У тебя — полчаса. Или уже до вечера — за ужином.

— ЖДИ!

Глава 11. Преступление и наказание

Глава 11. Преступление и наказание

Не помню уже даже, как добралась до остановки. Как автобус дождалась, как в него забралась...

В себя пришла, лишь только когда увидела припаркованный на обочине автомобиль. Его автомобиль.

И Костя там... причем не один. С какой-то барышней: молоденькой, с иголки разодетой, разукрашенной фифой.

Но... не женой. Не Ириной. Ее-то лицо теперь в моей памяти отпечаталось, соскребясь с фото, как нечто самое жуткое, убийственное, пронзающее; обличающее мой, наш с Ним... общий, непростительный грех...

Ненавидела. Искренне. Неистово. Всеми фибрами души... Но не Ее. И не себя.

Его. Такого мерзкого... двуликого... сладострастного, будто виннокислый свинец. Ненавидела Пахомова.

Подлетаю — и живо хватаюсь за ручку, дергаю на себя дверь.

Силой, бешено ухватившись за грудки, тащу на себя убудка — поддается, вылезает наружу.

Пристыжено ржет:

— Эй, ты чего?

Наотмашь пощечина ему в лицо — отчего враз оторопел, скривившись, заиграв скулами.

— С*ка ты! — взревела дико, что медведь. — Тварь! Гнида конченная! ЖЕНАТ?! ЖЕНАТ, ДА? Мало тебе одной? МАЛО? Скольким еще по ушам съездил? Всё н нат*ахаешься никак? ДА?! Еще одну себе завел?! — киваю разъяренно в сторону шворки. — Сколько у тебя таких дур, как я?! А, ЗАЙ?! — ядовитое, коля его же словами.

— Лиза, успокойся, — сдержанное, грозное. Приказом.

— Я тебе сейчас, с*ка, успокоюсь! — дернулась к нему, в сердцах попытка пнуть в грудь, но в момент перехватил.

И сама не поняла, как сцапал за руки и заломил мне их за спину. Мордой к машине, в стекло, к себе вплотную.

Жгучим, пронзительным рыком:

— Успокойся! — нарочно причиняя отрезвляющую боль. — На нас смотрят!

— Да мне ср*ть! Отпусти, убудок! — дернулась, отчаянное стремление вырваться из хватки — не поддается.

— Успокоилась! — приказным, угрожающим тоном. — Иначе хуже будет!

— Да иди ты на хрен, мразь убогая! — визжу, уже окончательно слетая с катушек.

И вдруг резвое движение, резкая боль, щелчок — и лишь когда на второй руке заледенел мертвым кольцом браслет наручников, поняла, что сотворил.

— Тварь, ты че удумал?! — завопила я в исступлении.

Схватил грубо, повелительно за шкурку, отодрал от авто и потащил, силой поволок куда-то в сторону, к зданию.

— Эй, а я?! — мигом выскочила из машины перепуганная дамочка, писк нам вдогонку.

— Сейчас заберут, ЖДИ! — яростное, на грани бешенства.

Жилое здание. Подъезд. Гневное усилие — и втолкнул меня в лифт. Опять пытаюсь сопротивляться, драться, орать.

Молчит, терпит. Строит равнодушный вид, хотя... чувствую, что давно кипит внутри.

Долгое, мучительное, жгучее гудение мотора, тяга — и наконец-то вздрогнула кабина, оповещающая нас о прибытии. Разошлись створки — и вновь давление — выбрались наружу.

По ступенькам вверх, к крыше.

Попытка открыть дверь — глухо: замок не поддается.

Нервно цыкнул.

— Ублюдох, отпусти меня! Это похищение!

— Да-да... именно оно, — наконец-то решает ответить.

— ТЫ ОХРЕНЕЛ? — взревела, еще больше взбешенная.

— Я-ТО?! — грозно рявкнул. И снова силой натиск, чуть вниз и буквально у первой ступени открыл наручник — и вновь моя безнадежная попытка сражаться, да только против него я — что ребенок.

Проворные движения — и, продев меж прутьями перил, снова защелкнул на мне браслет.

Подчиняюсь, вынужденно опускаюсь на пол, сажусь на лестницу.

Взор на предателя:

— И че? — гневно, пренебрежительно выпаливаю я, будто яд.

— И ниче, — отвечает тем же.

Нырнул в карман. Достал телефон.

Быстро набрал чей-то номер и сделал вызов:

— Вован, забери ее сам. Кого-кого, б***ь! Не будь идиотом. Нет! В моей тачке сидит. ЗНАЧИТ, НЕ МОГУ! Дуй давай!

Резво отбил звонок. Прожевал эмоции.

Машинальные, лихорадочные, нервные движения — прокрутил в ладонях аппарат, еще миг — и на автомате засунул, спрятал одного в карман.

Подтянул брюки и присел около меня на карточки, руки невольно скрещивая перед собой. Взор в очи:

— Ну. Слушаю... Что случилось?

— Отпусти меня, — зазвенела я наручниками.

Закачал уверенно головой, отрицая. Губы плотно сжались. На лицо проступил гнев, едва сдерживающийся арканом приличия:

— Слушаю, — дерзкое, приказное, повтором. — Что случилось? Что за истерика? Чтс за бред ты там несла?

— Я? — уязвлено, обреченно съехидничала.

— Ну не я же?! Что за крик? Что за драка?

— Почему сразу не сказал?

— ЧТО?! — раздраженно рявкнул. — Из тебя что, клещами тянуть слова? Или будем и дальше вопросами кусочничать?

Сглотнула я скопившуюся слюну, догорая уже в отчаянии, в боли... разочаровании... и обиде.

— Почему не сказал, что до сих пор женат?! Почему делал вид, будто всё в прошлом? Тебе весело, да? Разводить... таких тупых, наивных куриц, как я? ДА?.. Не наскрести, ничего

не найти о тебе, даже если сильно захотеть! Видно лишь то, что сам хочешь показать: сверх положительный, рыцарь... гребанный.

Рассмеялся вдруг коротко, болезненно, горько.

Движение — и присел рядом на ступеньку. Лицо утопил в ладонях — на миг, а затем и вовсе силой содрал с него эмоции. Шумный вздох.

Взор на меня, но тут же осекся — увел глаза в сторону:

— Почти год... мы с ней разводились. И развелись. Так что уже месяц как... я — свободный человек. И ни в чем... перед тобой... не провинился.

— Ты с ней живешь? — сдержанное, тихое.

— Нет, съехал. Причем давно.

Пристыжено опустила очи я. Молчу.

— Еще вопросы будут? — серьезным тоном.

Нервически сглотнула слюну:

— Тогда почему... по документам иначе?

— Это ты у своего... осведомителя спроси. Почему не захотел... правду до конца раскопать. Не думаю, что это — такая уж тайна.

Обмерла, удивленно выгнув брови.

Виновато спрятала взгляд.

Жгучие, резиновые... мгновения, минуты внутренних баталий, попыток сдержать, смирить бурю эмоций, сомнений... надежд и грез; шального выбора между... рациональным «нельзя» и наивным, сладким «хочу верить»...

И наконец-то нахожу силы на слова. Дернула руками:

— Освободишь?

Тишина. Тягучая, палящая... терзающая.

Вынужденно устремляю на него взгляд — улыбается.

Хитро, весело... коварно ухмыляется.

— Что? — гаркаю удивленно, а в душе уже странные чувства, дрожью отбиваясь по всему телу.

— Я-то не провинился... — щенячий, побитый вид соорбил. — А вот ты...

— Костя... — предчувствуя неладное, дерзкое... безрассудное — поддаюсь и улыбаюсь. — Отпусти меня.

Качает отрицательно головой — а улыбка все шире и шире.

Вдруг резкое движение, ко мне — и, ухватив за талию, враз развернул к себе спиной, ставя на колени. А руки невольно ломит, выкручивает неудобная поза — скольжу ладонями по прутьям, отчаянно пытаюсь найти опору и удержаться.

— Ты что удумал?! — реву, что зверь. — Я же тебя убью! Высвобожусь — и убью! — сквозь смущение, страх и догорающее приличие, ору отчаянно, давясь наперебой смехом: — И никто тебя не спасет!

— Ты сначала выберись... А пока будешь пытаться... я тут многое успею.

Гад, уже откровенно, смело, стремительно забрался под юбку и задрал ее вверх.

— Скотина, не смей! — визжу, ополоумев.

— М-м-м, девочка моя, — внезапно, не без иронии, задумчиво пробормотал Пахомов, скользнув ладонями по моим ягодицам, бедрам. — Расслабься...

— Я тебя убью! Seriously! — рычу. — НЕ СМЕЙ!

— Да-да, мой котенок... — но уже ухватил кружева и потащил их вниз.

Нервно дергаюсь, рву со всей дури свои кандалы — тщетно... только звон, гул по всему подъезду.

— Я звать на помощь сейчас буду! Костя! Не смей!

— Лизунь... — хохочет. — Лучше не надо... не люблю свидетелей...

Поддаюсь невольно — улыбаюсь, хотя в голосе пытаюсь все еще отстаивать свою честь.

А мышцы так уже и сводит от его ласк, нежности, похоти, что будто в тихую заводь, обманчивый омут, увлакивает меня, погружая в беспечность и дурман.

Еще мгновение — и чувствую уже его рядом.

— Костя, не смей! Костя!

Напор, давление — и невольно вскрикнула я от предательского, обличающего, многогранного удовольствия.

— С*ка ты, — едва слышно рычу. Но еще миг — и не выдерживаю: застонала от его дерзостно-сладкой власти.

Смеется.

— Будешь... — сражаясь с вдохами, роняет лениво слова, — следующий раз думать... как себя вести... со мной... на людях.

Враз ухватил за волосы — и прогнул меня кошкой. Резвые, господствующие, всепоглощающие движения — и не вытерпела... громко вскрикнула от прилива шального блаженства, отчего тотчас луною звук разошелся по всему подъезду.

Еще безумие, еще мгновения — и вдруг странный шорох. Щелчки, стук — распахнулась дверь.

Какой-то огромный, коренастый мужчина вышел на лестничную площадку.

— Эй, вы че, о**ели?! — дико взревел и в момент кинулся к нам. Застыли мы оба.

Вдруг резвое движение Кости и оглушительным ревом:

— СТОЯТЬ, Б***Ь!

— Эй, ты че, чувак? — испуганно забормотал тотчас незнакомец.

Пытаюсь повернуться, взгляд бросить за спину.

Окоченела, мышцы вмиг сжались от страха. Пахомов держал ублюдка на мушке:

— ВОН ОТСЮДА!

— Всё-всё! — испуганно поднял руки вверх мужчина. Попятился. Буквально секунды — и скрылся в своей квартире, за стальным полотном.

Мгновения, дабы отойти от шока — и неожиданно заржал Костя:

— Черт... — цыкнул, — сейчас же... как пить дать, ментам сольет.

Шумный вздох.

И снова тихий смех, еще одно движение, словно прощаясь, и отстранился:

— Прости, котенок. Но, по ходу, пора сваливать.

Пристыжено рассмеялась:

— Давно пора...

Ловкие движения — надел на меня обратно белье, поправил юбку.

— А наручники? — едко улыбнулась.

— Да сейчас, сейчас...

Достал из внутреннего кармана ключ.

Но не успела я возрадоваться свободе, как опять облом:

— Смеешься? — тотчас скривилась в удивлении. — Оба открывай...

Закачал отрицательно головой:

— Не-а, — коварная ухмылка. — Еще сбежишь... Нельзя: не хочу сегодня... никуда тебя отпускать.

— Романтик мой, — залилась враз хохотом я, — сейчас приедут... и устроят нам служебный анекдот, персонально для каждого в своем отделении...

Ржет, бесстыдник.

И вдруг щелчок — закрыл, сомкнул кольцо на своем запястье.

— Дурак, что ли? — округлила очи я.

— Ага, — язвой.

Напор, шаги — и замерли у лифта.

— Я тебе что... по голове случайно ударила? — рассмеялась пристыжено, уступая иронии. — Или че творишь?

— Ударила-ударила... — задумчиво... явно не вникая даже в суть. Стоит, сверлит меня взглядом, казалось, будто впервые так близко и хорошо видит. С жадностью изучает каждую деталь.

Едва открылись створки — протиснулись мы в кабину. Вмиг зажал кнопку первого этажа Костя — и зверем набросился, прилип диким, знойным поцелуем к моим губам — отвечаю, позорно, слабодушно... безрассудно сдаваясь в коварный плен.

Быстрые шаги по двору, то и дело, что оборачиваясь, смущенно хихикая и пряча стыдливо от прохожих наши "браслеты".

Вдоль проезжей части.

— Ко мне, может? — ухмыльнулся.

— У меня тут неподалеку подруга живет. А у них в подъезде... всегда крыша открыта.

Удивленно вздернул бровями, залился улыбкой:

— Мало на сегодня приключений, да? — хохот.

— А разве много?

Рассмеялся еще громче. Крепко сжал мою руку в своей:

— Веди...

И снова лифт... И снова смелые ласки.

— Может, без наручников? — ржу, вырываясь из запойного рабства его поцелуев. — А то больно...

— Так и быть. Я для тебя с пушком куплю, — тихий смех.

И вновь шаги, и снова ход.

Поддалась дверь — запереть оную с другой стороны... от греха и свидетелей подальше.

Несколько метров — и буквально сразу рухнули на пол.

Ловко освободился Пахомов от браслета (при этом меня не отпуская, не лишая сей цапки: некогда). Тотчас, изголодавшись, повис сверху. Резвые, смелые, стремительные движения, вовсе не церемонясь. Силой содрал, разорвал кружева — и в момент ворвался в меня... откровенно, дерзко, повелительно... по жилам погоня жгучую страсть. Забурлило, заклокотало сладко-колкое безумие. Закипел исступленный, роняющий в отрешение, в самозабвение, всепоглощающий восторг, разбивая реальность на звонкие, переливами стонов, осколки...

Глава 12. Свидание

Глава 12. Свидание

— Может, ко мне? — коварно заулыбался Костя, сжимая в своих крепких, сладких объятиях.

Ухмыльнулась я в ответ:

— Мне на работу надо... Начальник свирепствует. Да и Науменко... наверняка, уже визжит, как недорезанный, — невольно процитировала Сальникова. — Не меньше Курасова... рвет и мечет за самоволку.

— Хочешь, слово замолвлю?

Смущенно рассмеялась я, на мгновение спрятав взор:

— Иди работай...

Захохотал:

— Я работал, — язвительно. — Пока ты не прискакала и не принялась меня колотить... причем на глазах у свидетеля... И какое теперь у нее мнение обо мне? Авторитет? Страх? Как допрашивать, — ржет, заливаясь иронией, — когда злая жена так смело канифолит, да еще на людях?

— Смешно, — буркнула уязвлено, опустив очи.

Скривился на миг:

— Ну, так что? — отозвался. — Ко мне?

И снова глаза в глаза.

Смущенно, счастливо захохотала, качая отрицательно головой:

— Ко мне — приму душ, и на работу.

— М-м-м, — игриво протянул. — Я спинку потру...

Рассмеялась:

— Боюсь, мой батя... тебя не поймет.

Удивленно вздернул бровью:

— А он узнает?

И снова хохот:

— Сложно будет не узнать, когда мимо него пройдут двое... сразу с порога да в ванную.

Пристыженный, враз залился краской. Скривился в кислой улыбке:

— Понятно... — шумный вздох. — Так тем более, — почти сразу и продолжил, — поехали ко мне... Или боишься? — заржал, словно прозревши.

— Боюсь, — откровенно язвлю. — Очень боюсь!..

— Короче! — гаркнул. — Я понял! Наручники с тебя лучше вообще никогда не снимать! Тогда ты — покладистая и готова идти на компромиссы.

— Ладно! — перебиваю сквозь тихий смех. Силой выдираюсь из его хватки — поддается. Встаю. Шумный вздох. Бесцельно взор около: — Шутки шутками... А время идёт, — потянулась, лениво зевая. — Поехала я... Меня же еще... наш подполковник ждет, дабы во второй раз и уже более основательно отчитать... за мое безобразие...

— Ну я хоть подброшу? — торопливо поднялся за мной.

— Подбрось... Только не высоко... — хохочу.

— Я позвоню... — медовым шепотом на ухо.

— Ну, позвони... — заливаюсь смущенной улыбкой.

Курасов не орал.

Когда я зашла к нему в кабинет, тот разговаривал по телефону. Что-то сдержанное, тихое бурчал себе под нос, но как только скрипнули петли — враз перевел на меня взор. Махнул рукой, приказным жестом, пресекая любые попытки заговорить.

Еще немного, минуты молчания, вслушивания — и наконец-то:

— погоди, Санёк, — тотчас прикрыл трубку рукой. Взгляд мне в очи (затушевавшуюся в углу). — Чего?

— Вы просили зайти... — едва различимо, взволнованным шепотом.

— Зачем? — удивленно вскинул брови, а затем и вовсе нахмурился.

— Из-за... «цирка», — виновато прячу очи.

— Какого еще цирка? — еще больше оторопел. Голос дрогнул, рождая в себе нотки раздражения.

— Скандала...

— А! — вмиг взмахнул рукой и поморщился, наливаясь душевным облегчением. Колкие секунды, шарахая мысли по туманной от проблем голове. И снова глаза в глаза: — Но ты же всё поняла?

— Да! — торопливо, лихорадочно, счастливо закивала я головой.

— Ну и иди!

Оставался еще Науменко...

Несмело постучать в дверь и зайти в кабинет к своим.

И вот он... высверком уничтожающий взгляд.

— У тебя только одно оправдание, — резко встал со стула и прошелся в сторону Сальникова — кинул какие-то документы тому на стол. Разворот ко мне. Руки в боки: — Ты сдохла... а потому не явилась на работу.

— Но я же здесь, — дерзко, с вызовом. Пронзая в ответ не менее колким взглядом: — Так что вариант... «слабоват».

— Усилить?! — выстрелом, циничное. Пробивая взором стекло моих глаз, тотчас взорвал сознание.

И даже если до меня Серега еще долго докапывался, грызя словами, едва не переходя на мат... мне уже было все равно. В голове — другие мысли.

Он орет — а я о своем думаю. О Косте...

О том, что этот человек для меня значит... и что я — значу для него...

Дурдом...

И как я отважилась на этот поход? На такую... откровенную перепалку, обличая все свои чувства. Чувства, которые... тоже уже странным образом успели во мне зародиться.

Вот дурёха!

Какая-то странная тяга, предвзятое доверие... увлечение им.

Омут — тихий, пляса бесов, омут... манящий, утягивающий в себя с головой. И не хочется сопротивляться. Не хочется обратно... Напротив — всеми силами гребешь, дабы ускорить сей процесс, ход. Где он давит — не сопротивляюсь. Где робеет — сама прую.

И вообще... Буранов и Пахомов — совсем... разные явления, вселенные.

Если Антон — все время стремился подавить меня, сдержать, сковать... уничтожить, в конце концов: не только мой бунт, но и суть заодно, то Костя — он... жаждет раскрыть меня. Играет, будоражит. Не пытается насадить свою модель поведения — а легким щекотанием пробуждает целый вулкан чувств. Приятных чувств. И хочется ими делиться, дарить... радость и смех взамен.

Не знаю... с таким человеком, наверно, вообще нереально поссориться: даже если захочешь — не даст. Переждет бурю — и подарит радость взамен. Порождая свою собственную цепочку настроения, а не ведясь... на невольную, неосознанную... глупую провокацию.

Мудрость. В нем мудрость, познать которую мне доселе так и не было дано. Познать, обучиться ей и следовать. И многих дров, наверно, я бы не наломала... следуя такому завету. Более того — не была бы в плену той трагедии, который отныне живу...

Ведь запущенная злость Антоном во мне множилась, как снежный ком — и в ответ сходила лавина... руша, уничтожая все вокруг. Однажды... так уничтожив и нашего ребенка, и меня саму заодно.

А сдержалась бы, наплевала, не отреагировала на его унижения, давление, стремление истребить, испепелить... (причем даже за несущественные прорехи) — всё было бы иным. Иным — и не столь горьким.

И, возможно, я бы для Пахомова... стала кем-то, чем-то большим... чем просто развлечением. Стала его будущим. Но а теперь? Что? Слепо пользуюсь, обманываю его, сея надежды... но и отказаться не могу. Не хочу. Он играет — и я поддаюсь. А что будет потом... как узнает, правду мою постигнет — страшно думать, да и не хочу. Безответственно, эгоистично, подло? Да. Но и не могу. Уже не могу. Не могу отказаться от счастья, всепоглощающего, оживляющего, что так внезапно и на меня свалилось в, казалось, самый жуткий, темный час, в период моего глупого, глухого, бессмысленного существования...

Пиликнул мобильный.

— Цветкова, я тебя четвертую, — грозное, но сдержанное, рычанием. Не охота Науменко отрываться от своих бумаг, а потому даже взгляд на меня не метнул.

За что — без меры благодарна.

Коварно, хитро отвернуться, соорив непринужденный вид, и живо открыть сообщение:

«Свидание. В субботу. 10:00. Как штык. Если что, наручники я уже приготовил».

И если от меня требовалось «быть как штык», то и от этой «наглой рожи» — те же "ожидания".

Сидела, сверлила взглядом часы, погоняя мыслями стрелки. Вот-вот, еще чуток — и прозвенит будильник на телефоне.

Десять.

И вдруг стук... под пиликанье.

Хохочу невольно, отпирая замок.

Взгляды встретились:

— Готова? — жадно скользнул, измерил меня своим взором.

Ухмыляюсь:

— А как иначе? Голой по улице и в наручниках? — смеюсь. — Нет, спасибо. Уж лучше добровольно — и в штанах.

И опять за город. Почти все время молча — интрига накаляла меня всю изнутри, словно лампочку. Но молчала. Терпела я... выжидала. Да и не сознается. Толк?

Столько стараний, такая затея... — а потому покорно мерить взором километры, что пролетали мимо нас в виде меток на деревьях и столбах...

Мелькнул очередной знак начала населенного пункта. Вот только уже не вчитывалась. А зря: ведь еще несколько метров кружились по поселку — и вырулили к старому, заброшенному, практически полностью разваленному, разграбленному, разрушенному дому... рядом с высокой цилиндрической, на удивление и в контраст, хорошо сохранившейся башней: из красного кирпича, временем, ветром и влагой... побитой, потрескавшейся... но все еще живой...

— Что это? — пристыжено смеюсь, не понимая толком до сих пор, куда завез меня мой Костя.

— Маяк.

— В смысле? — обмерла я. Но еще миг — и выныривает на улицу из авто мой гид. Покорно слеую за ним.

Захлопнуть дверь — и едва ли не бегом, быстро приближаюсь к Пахомову. Взор то на него, то на строение:

— Я думала... маяков у нас два: там, где мы были, и еще на мысе, что при военной части.

Ухмыльнулся, добро, снисходительно Костя. Движение — и тотчас обнял меня за плечи, прижал к себе.

Взгляд около:

— О-о! — протянул задумчиво. — Их много... по всей области. Вот только этот — один из трех сохранившихся еще довоенной постройки. XIX век. И, увы, уже не действующий, причем, говорят, лет двадцать как... Хотя с виду — живой, и все еще... прекрасен.

— Да ты прям... ценитель истории, — шутливо, добро язвлю, устремив взор ему в очи.

Поддается, отвечает ухмылкой:

— Есть немного... Ну, что... пошли? — кивнул в сторону дома.

Источник: интернет. **Автор фото:** Andrey Rummyantsev

Глава 13. Старый Маяк

В пустой маяк, в лазурь оконных впадин,
Осенний ветер дует — и, звеня,
Гудит вверху. Он влажен и прохладен,
Он опьяняет свежестью меня.
Остановясь на лестнице отвесной,
Гляжу в окно. Внизу шумит прибой
И зыбь бежит. А выше — свод небесный
И океан туманно-голубой.
Внизу — шум волн, а наверху, как струны,
Звенит-поёт решётка маяка.
И всё плывёт: маяк, залив, буруны,
И я, и небеса, и облака.

Иван Алексеевич Бунин, "На Маяке". 1903–1904 гг.

Пройтись немного, отыскав вход через ограждение из колючей проволоки, натянутой на столбах, и ступить во двор.

Двухэтажное, полуразрушенное здание из красных кирпичей — дом смотрителя.

Шифер с крыши местами осыпался, али просто... «исчез». Стены — пробиты... являя рваными ранами нарушенную идиллию готической кладки. Оконные проемы, как и дверные, пусты... Лутки выдраны с корнем: и снаружи, и внутри... Потолок деревянный, и тоже лишь островами — в остальном же голые стопила виднеются. Межкомнатная перегородка снесена почти под ноль. Синяя краска, как и штукатурка, на прочих стенах осыпалась... лишь кое-где являя намеки на былой вид... сей «хижины», чьей-то обители, оплота... и твердого тыла.

Немного пройтись вперед-назад, осмотреться — и к башне. Замереть у серпантина — шумный вздох невольно для смелости — и, переступив целую кучу мусора, что бесчеловечно свален здесь вандалами, взойти на крутую, витую... каменную тропу.

Шаги по кругу, в полумраке, целясь за трубчатые перила, — лишь только маленькие окна (с видом на двор и на залив) кое-где дают проникнуть сюда свету — замереть у строгой вертикали лестницы. Рывок — и стремительно вверх, через люк — пока и вовсе не выбрались на смотровую площадку. Штормовая и оконная решетки — безжалостно спилены на металлолом... Из всей уютной комнаты — круглая крыша над головой, металлическая стена-ограждение, борт перил по самому краю, и в центре — высотой по пояс, столб, постамент... тот самый, на котором когда-то и хранилось, билось сердце Старого Маяка...

Безжалостная, болезненная картина... разрушения, забвения... тлена уникального, завораживающего зодчества; печать, пример халатности и чудовищного... безрассудства.

Разворот — и наконец-то взор обрушиваю на своего экскурсовода.

Закачала головой:

— Ну ты даешь...

— Что? — злокозненно улыбнулся.

Ступаю шаг ближе — схватилась за лацканы его пальто. Игриво ухмыляюсь:

— Таковую... красоту отыскал.

Отрываюсь. Взгляд около, наслаждаясь видом:

— Золотая роща... и, как там Бунин писал, туманно-голубой... залив.

— Океан, — внезапно поправил меня Пахомов.

Обомлела от изумления, очи в очи:

— Ты еще и... поэзией увлекаешься? Или... просто настолько отчаянный фанат маяков?

Пристыжено рассмеялся. Шаг ближе — и обнял, притянул к себе.

Шепотом, обжигает мне губы:

— Я фанат... интернета. А там чего... только нет. Вот нечаянно и наткнулся вчера, когда адрес точный искал, да о историю его читал.

— Ловко ты в себе... одним махом эффектного интеллигента, романтика убил. Искал — впечатлить хотел? — тихо смеюсь, смущенно отворачиваясь.

Еще теснее, да так, что едва ли уже не касаясь — едва не целует меня в висок:

— Покорить... — едва различимо, едва реально.

Зажмурилась, томно прикрыла веки я, сходя с ума от его тепла, всепоглощающего, дурманящего аромата... до дрожи пробирающей, волнами желание взрывающей... близости.

— А разве... до этого не удалось? — несмело, обличая саму себя...

— А мне понравилось, — уверенно, твердо произнес, отчего вмиг я открыла глаза и устремила на него взгляд. Взволновано сглотнула слюну:

— Что? — коротко, робко.

— Покорять тебя... каждый раз, как в первый раз... — жгучая, полная скрытых, бурлящих рассуждений, пауза. Решает договорить: — И испивать тебя потом до дна... удивительную... и благодарную.

Резвое, без колебаний движение — и ухватив, утопив мое лицо в своих ладонях, силой, страстью тотчас повелительно впился мне в уста. Сладка, мягка наперебой с грубостью и дерзостью ласка губами, языком — и поддаюсь, с головой ныряю опять в его омут, даря... теряя всю себя.

Напор, шаги на ощупь — и прибил меня спиной к стене.

Испуганно шепчу:

— А вдруг кто увидит?

— Свяжем... и в залив скинем, — дыхание сбитое; поцелуи отрывистые, дразня; слова — ленивой, паточной рекой, сквозь тихий смех.

— Тут холодно... и сильный ветер... — отчаянно и лживо причитаю.

— Я согрею... — крепко ухватил за плечи и резво обернул к себе спиной — едва успела выставить руки, дабы не плюхнуться, не стукнуться о металлическую перегородку-стену лицом.

Пошло, смакуя, голодно скользнул руками по телу: по животу к груди — и грубо, властно сжал ее.

— Может, не надо? — голос предательски просел.

— Поздно, — бархат затерялся в искристом смехе.

— Ну хоть... не здесь? — шепотом дрожащим.

— Поздно, Лизонька... Поздно, — и снова ирония плещется в его словах.

Вмиг скользнул рукой вниз к моим джинсам.

— Нарочно штаны одела, да? — смеется, добро так, тихо.

— Так осень же, — давлюсь невольно уже слюной. — Холодно стало...

Враз ловкая манипуляция — и расстегнул пуговицу, разошлась молния — отчего в

момент сжались все мышцы в теле, волной обдавая меня постыдным желанием.

— А до этого... тепло было? — еще миг и проник нагло, смело под кружева.

— А до этого, — попытка хоть как-то разыграть свою стойкость, неподатливость, ершистость, — никто на мне... белье не рвал.

Вдруг движение его руки — и, сама того не ожидая... громко, отчаянно вскрикнула я от шального, резкого прилива пронзающего удовольствия. Ноги подкосились — но удержал. В глазах всё поплыло, застилая пеленой сладкого дурмана.

— Не надо... — шепчу, взмолившись. Лживо, глупо, наивно. А потому еще напор, ласка становится усерднее, умелее... окончательно, деспотично, приговором... разрывая сознание и срывая с катушек.

Обмякла, обвисла в его хватке, изнеможенно обронив голову ему на плечо. Удерживает силой, опорой, заботой... А затем и вовсе движение — прилип поцелуем к шее, скользя игривым, влажным языком по коже... доводя до мурашек, до дрожи... до жадных, голодных, вожделенных стонов...

...

Его. Я вновь стала его... Очередная высота — и очередное мое добровольное падение... в его заботливые, нежные, пьянящие объятия.

— Так что... может, все-таки ко мне? — коварно заулыбался, а в глазах так и плещется потрепанная надежда.

Рассмеялась в момент я от столь забавной картины. Качаю отрицательно головой:

— Нет.

Обомлел. На устах заледенела кривая улыбка:

— Издеваешься, да?

Хохочу, пристыжено пряча взгляд. Чувствую уже, что краснею:

— Именно...

Цыкнул язвительно:

— Вот чертовка! Ладно, — вдруг обнял за плечи и потащил к спуску. Первым сам полез вниз: — Доберемся до города, а там — на месте решим. Тем более, наручники никто ж не отменял...

Потянулся ко мне своими ручищами, подстраховывая, пока я сражалась с узкой вертикальной металлической лестницей.

Еще миг — и победно стать на каменной площадке спирали.

Глаза в глаза. Улыбаюсь:

— А без наручников со мной справиться... совсем никак? — рассмеялась.

— Дубинкой по голове — и в логово? — хохочет.

— Лаской, нежностью и терпением.

— Ну-ну... — съехидничал, заливаясь добрым смехом. — Мало ей заманивающей ласки...

— Не мало, — ржу пристыжено.

Шаги по ступенькам вниз: я впереди, Костя — догоняя.

— Мало-мало, — передернул слова. — Но я и зову продолжить... а ты все ни в какую...

— А вдруг мне понравится? — ужалила. Обмерла на мгновение — поддался. Взор через плечо на него, пробуя на смак реакцию: — Поселюсь — и не выгонишь потом.

— Селюсь, — неожиданно искренне выпалил в ответ.

Оторопела я от услышанного. Тотчас от смущения запылали щеки. Миготом отворачиваюсь — и снова шаги, на ходу подбирая слова, дабы скрыть свои истинные эмоции.

Секунды — и решаюсь съязвить:

— Ой, не буди лихо... не буди. А то потом плакать будешь, в надежде избавиться от меня.

— Ничего, — тихо захохотал. — Люблю поплакать... особенно вечером, за чашечкой горячего чая...

Еще движение — и выбрались из башни. Застыли на пороге дома. Оборачиваюсь. Глаза в глаза:

— Поплакать... за чашечкой чая? — улыбаюсь. — Или, может, книжку почитать?

— Я? Книжку? — залился звонким смехом, но тут же под напором моего негодования обмер. Прокашлялся. — Нет, благодарю. Разве что ты — мне ее читать будешь.

— Че? С буквами не дружишь? — глумливо язвлю.

— С усидчивостью... Я даже кино не всегда могу досмотреть — сразу в сон клонит. Отличное лекарство от бессонницы.

— А ты страдаешь бессонницей?

— Ну так, — захохотал. — Когда такие формы, — кивает вдруг на мою грудь, — перед глазами... каждую ночь... то тут уж не до сна.

Пристыжено рассмеялась:

— Только не говори... что ты на них потом сублимируешь?

Заржал, невольно краснея. В момент отвернулся.

— О-о-о! — взревел. — Лучше тебе не знать сего! Уж слишком мне жалко... твою детскую психику. Еще травму подарю.

— А в подъезде... наручниками приковав к перилам, ты как-то о травмах моих... вовсе не думал, — залилась смущенным хохотом.

Тотчас приблизился. Игривым, манящим шепотом на ухо:

— Еще скажи, что не понравилось...

Устыжено, коротко прыснула от смеха я, стыдливо закусил губу.

— То-то же, — спустя мгновения моего молчания, продолжил. — И мне тоже... — резво отстранился. Веселая улыбка: — Кроме «наломщика»... тот еще гад, надо было ему выпереться. Повезло еще, что пулю... в порыве бешенства ему не всадил. Отчаянный гусь — по лезвию ножа прошелся...

— И что, реально всадил бы? — от удивления нервически дрогнул мой голос.

— А тебе всё скажи, да Расскажи, — спясничал, сооротив шутливую гримасу. — Ладно, держи, — внезапно нырнул в карман и достал оттуда ключи, протянул мне. — Иди в машину, а я — позже догоню.

— А ты куда? — изумленно. Но поддаюсь, беру связку.

— Бабушке позвоню...

— Чего? — округлила очи; слабонервный смешок.

— Отлить схожу, — тихо, усовещено; скривившись, метнул взор по сторонам. — Иди, я быстро...

— Вот так вандалы и оскверняют... памятники истории: сначала похотью, потом — похабством.

Устыжено загоготал:

— Вот не надо! Я же не здесь собрался. Прогуляюсь чуток в рощу. И для природы полезно, и для меня — хорошо.

— И чем же ей полезно? — не уступаю в шутливом издевательстве.

— Иди давай, — гаркнул невольно сквозь улыбку. — Философ мне нашелся... Не вовремя Вы... со своими теориями и трактатами. Вернусь — всё, что захочешь, обговорим...

— Всё-всё? — язвлю, уже нарочно тяну резину.

— Всё-всё! — паясничает. Но миг — и сам уже разворачивается. Быстрым шагом на улицу через боковой проем.

Я же — разворот в противоположную сторону — и к авто... что припарковано неподалеку, за колючим забором.

Глава 14. Чужая война

Глава 14. Чужая война

Машинально засунуть ключи в карман, а вместо них — достать телефон.

Уже давно за полдень перевалило. Надо же... жуть, как время бежит.

Шаги вслепую... перебираю машинально кнопки на экране, а в голове — мысли ходят табуном... и всё относительно Пахомова.

Его этого вечного... предложения к нему податься.

Черти что... Причем, это я про себя.

Хочу... без меры, бешено хочу к нему... и всё, что там потом творить будем — до безумия хочу...

Но вместе с тем... очень страшно. Страшно разрушить идиллию, интерес. Его тягу ко мне. Страшно опять прыгать с моста в бездну...

И хочется отношений.... И колется.

Страшно... повторять старые ошибки. И, тем не менее, где-то в глубине души теплится, трепыхается надежда... что всё будет иначе. По-другому... Что Костя — иной. И я — буду с ним... иная...

Более мудрая, собранная, правильная... терпеливая.

— СТОЯТЬ! — резвое, жуткое, где-то позади меня, словно гром раздавшись... и молнией пронзая с головы до пят.

В момент что-то твердое и холодное впилося мне в затылок.

Пугающий, чужой, незнакомый бас:

— Ключи от машины, быстро!

Попытка моя обернуться, бросить хоть косой взгляд на налетчика, как тотчас легкий удар, пинок, отрезвляя... отбивая всякое желание на смелость и глупость.

Нервически сглотнула слюну:

— У меня нет... не моя тачка.

— НЕ ВРИ, Б***Ь! — бешено рывкнул и снова удар в затылок, погоняя страх по жилам (запекла кожа, зазвенело в голове).

Испуганно метаю взгляд по сторонам, высматривая своего спасителя, своего Пахомова — тщетно.

Вдруг движение — шаг вплотную — и заплясала рука ублюдка, захлопала ладонью по моему телу, прощупывая карманы.

Поежилась от жути и отвращения.

Черт, и почему я так и не освоила единоборства? Элементарные приемы... самозащиты?

Любой другой милиционер... сейчас бы дал ловкий отпор, а я — идиотка... позорно жду разоблачения и участи.

И вот — в сознание выстрел кошмара: тотчас нырнул в карман и достал оттуда удостоверение. Взмах переплетного крыла — и обмер:

— Так-так... а вот и мусора... КЛЮЧИ, СТВОЛ, — и снова натиск, напор угрожающий в затылок, — быстро говори где!

— Нет у меня, — испуганным шепотом.

— Завалю же сейчас! — взревел; задрожал его голос от бешенства.

— Девку отпустил! — грозное где-то сбоку. Резво дернулся захватчик. Перевела взор и я: Пахомов... держал на мушке подонка.

— Да конечно! Сейчас! СТВОЛ НА ЗЕМЛЮ! А то мозги ей сейчас вышибу!

— И тогда ты точно — труп, — дерзкое. Шаг ближе. Дрожу...

— Не подходи, тварь! — испуганно завопил агрессор. Враз ухватил меня за плечо и потащил на себя — попятилась. Ход к машине вплотную.

— Че те надо от нее? Отпусти.

— КЛЮЧИ ГОНИ! — рявкнул, яростно сплюнув.

— Нет у меня, — сдержанно, мерно, холодно. Без эмоций.

— ЧЕ ТЫ МНЕ ЛЕЧИШЬ?! — и опять бешеное. — У нее — нет, у тебя — нет! Х: п****те?! БЫСТРО КЛЮЧИ, ТВАРЬ! Иначе... мозги ее будешь соскребать с тачки!

— Я не брезгливый.

— ЧЕ?! — одурев, чуть не подавился.

— Девку отпусти! — еще шаг ближе.

Нервно дернулся завоеватель, но пути на отступления больше нет, задрожала его рука, сильнее впиваясь мне в голову:

— СТОЙ, С*КА!

— Стою-стою, — медленно поднял руки вверх и слегка развел их в стороны Костя. — Бабу отпусти. Нужен заложник — бери меня.

— КЛЮЧИ, ТВАРИ! — неистово, трясаясь уже, словно заведенный трактор.

— Лиз, отдай... — тихое, приказное.

— В кармане... — шепчу несмело, сухим, осипшим голосом.

Дернулся ублюдок:

— С*ка... — прорычал мне на ухо. И снова пляс ладони по телу... — нырнул в недообследованное и тотчас достал связку. — Ш**ра е**чая...

Вмиг ухватил за предплечье и потащил меня куда-то вбок.

— Отпусти ее, — опять с напором. — Забирай тачку — и вали!

— Да конечно! Я по-твоему дебил? Сразу завалишь!

— Слово даю!

— В о**о себе засунь! Не ты, так дружки ваши... мусорские пришьют. А с ней — я доберусь, куда мне надо.

— Меня возьми вместо нее, — внушающее, пронзающее.

Но непреклонен изувер — пнул меня, повалил на дверь машины. Кивнул:

— Открывай! — поддаюсь испуганно. — НЕ СМЕЙ, Б***Ь! — внезапно рявкнул мне на ухо, отчего невольно вздрогнула под его давлением. Ошарашенный взор на Костю: обмер буквально в нескольких шагах он уже от нас. А на лице — ни единой эмоции.

— Не вздумай! — зарычал вновь гад. — Мне нечего терять. Если что — не глядя, утащу ее за собой.

Скривился вдруг, закивав головой, Пахомов:

— Отпусти ее. Последний шанс даю.

— Это я тебе даю! — режет. — ОТКРЫВАЙ, — вновь на меня... и вновь до испуга и дрожи. Поддаюсь. Дернула на себя дверь.

Пинок, усилие мужчины, вталкивая меня в салон, как вдруг резвый, громкий хлопок, не то гром... не то сам дьявол клекотом.

Вскрикнула от неожиданности. Но еще миг — и дернулся, стал оседать, силой меня за

собой потащив вниз мой захватчик. Вывалились наружу, словно куль, из машины прямо на землю. Грохнулась я на ублюдка, оцепеневшего. Яро встрепенулась — глаза в глаза. А в ответ — мертвые озера, что распахнули... узрели... свои собственные небеса.

Вязкое, жуткое... тотчас все накрыло меня, казалось, обволакивая всю, разъедая до кости: ладони, лицо, шею, затылок.

Отчаянно, ошалевши, тотчас бешено завизжала я, исходясь, испепеляясь от ужаса, что до последней капли вмиг сменил собой, своим жгучим ядом всю кровь в моих жилах.

Тотчас сбрасываю руку подонка с себя. В момент перелажу через него, ускользя прочь, будто ржавая из раны.

— Лиза! Лиза, стой, — силой ухватил меня в свои объятия Костя. А я не могу — рвусь, бегу, реву, ору, ополоумев, будто сам бес хочет меня нагнать и заодно содрать заживо шкуру. — Лизонька! Лиза, перестань! — силой встряхнул меня, ухватившись за плечи.

Перевожу очи, испуганно устремляю взгляд в бездну палача. — Лиза, всё позади!

— ТЫ ЕГО УБИЛ!

Оторопел Пахомов, глотнув слова, эмоции.

— ТЫ ЕГО УБИЛ!!! — еще больше ошалев, завизжала я.

— ДА! — вдруг резкое, черствое. Отрезвляющее. Тихо добавил: — А иначе он бы тебя пустил в расход.

— ТЫ. ЕГО. УБИЛ! — не отпускаю пронзающий шок.

— ДА, Б***Б! — внезапно рявкнул мне в лицо. Отчего даже дернулась, отпрянула я, но удержал. — Он бы тобой прикрылся или убрал как свидетеля! Третьего не дано!

— Ты его убил... — обезумевшим, отрешенным шепотом.

— Да, — жестокое. — И надо будет — и не одного убью.

Запер меня в машине. Силой отмыл меня от крови (водой из бутылки, что учтиво затерялась в багажнике) и запер в своем автомобиле. И ни крик, ни мат, ни мольба не помогла...

Отзвонился своим. Замер: стоит, ждет. Лишь иногда метая взгляды... то на меня, то на труп (что все еще у колес лежал), то так, около...

Не знаю... сколько времени прошло.

Но выкатил джип, не менее дорогих марок, нежели и этого... безжалостного существа.

Пожали друг другу руки встретившиеся. Подошли оба ко мне ближе, к машине вплотную. Бесчеловечная холодность, черствость, словно адом извергнувших, оценщиков.

Еще минуты — и еще пару тачек протиснулось по грунтовке в сторону Маяка.

— Шевелев, увези ее! — послышался знакомый голос.

Взор на меня через стекло.

Скривился. Прожевал эмоции. Откровенная игра сомнений — и решился. Подошел ближе. Костя.

Пиликнула сигнализация. Открыл дверь.

Сижку, сверлю презрительный взглядом:

— Никому ни слова, — приказное, не менее черствое, нежели все остальное, что творил за этот час. — Даже если будут давить или угрожать — ничего не видела. Ничего не знаешь. Дома была.

— Если всё так... праведно, — с отвращением, сдержанно (устало, смирившись, упившись рыданиями) рычу я, — зачем врать?

Скривился, играя скулами. Шумные, поверхностные вдохи:

— Юр, увози, — ни то просьба, ни то приказ. — И молчи! — вдруг вновь рявкнул на меня. — Нечего из себя героя строить. **Не твоя это война!**

Глава 15. Циничная рациональность

Глава 15. Циничная рациональность

Понедельник.

Кое-как пережить эти безумные выходные (а звонка от Кости я так и не дождалась). Найти силы встать с постели, привести себя более-менее в порядок. Нанести даже макияж больше привычного — скрывая недосып, невроз и следы внутренних терзаний, пыток, уничтожения и казни.

Не помню даже, как добралась до отделения...

Все также на автомате открыть дверь, завалиться в кабинет. Молча повесить сумку, курку — и рухнуть на стул, прикрыв изнеможенно веки.

— Похмелье, что ль? — идиотически заржал Сальников.

— Оно самое, — тихим, осиплым голосом. Все еще мир в темноте. Томлюсь в прострации, лениво откинувшись на спинку.

— Ну ты, мать, даешь... — гогочет, не уступая в своем «стендапе». — И в честь чего так нажралась?

Скривилась, прожевывая эмоции:

— Поминала кое-кого...

Обмер на миг.

— Соболезную... Но, — внезапно бодрым голосом, — не всё так плохо. Новости хорошие до нас дошли.

— Да? — удивленно. Тотчас открыла очи и уставила взор на товарища. — И что там?

— Беглеца одного поймали. Тот, постарше который.

— Да ладно, и где?

— Не поверишь, — захохотал. — На заливе. У старого маяка... знаешь, где это?

Окаменела я, жадно округлив, выпучив глаза:

— И? — ошарашено, едва нахожу силы на звук.

— Вот там... нарвался на кое-кого... ну и поймали. Правда, неудачно для него. Плачевно. Больше никогда никуда не убежит.

Ржавым прутом горечи и страха вмиг пронзило всю меня.

— Убили? — шепотом.

— Ну да, — пожал плечами. Сдержанно, удивленно: — А че... жалко, что ли?

Заледенела я от услышанного. Мурашки по телу. Чувствую, как волосы встали дыбом:

— А разве нет? — горько, изумленно, ужасаясь.

— Нет, — неожиданно грубо, с напором, будто выстрел.

— Даже чисто по-человечески? — прозреваю еще сильнее, едва не взмолившись.

— Даже чисто по-человечески, — раздраженно передернул мои слова. — Не жаль! У него при себе был ствол. И не просто для красоты или самозащиты. Мог кого-нибудь пристрелить... или еще чего натворить. Сбежал — сиди тихо, — внезапно дерзкое, еще больше пробирая жутью до дрожи. — А не устраиваешь... «Варфоломеевскую ночь»... Сам засветился. Сам кашу заварил. Так что... тут дело собственного выбора. И глупости... Еще, конечно, будет расследование... Но, судя по тому, какие слухи ходят меж своих — не думаю, что кто-то захочет за ублюдка вступиться.

— Ты серьезно? — не могу все еще понять, шутит или нет.

— Нет, конечно! — гневно сплюнул. — Юмору! Ты че?! — изумленно выпучил на меня очи. — Вот ты бы оказалась на его пути? И что? Было бы круто... если бы он в тебя всадил кучу свинца... ради какой-то мелочи... или чтоб продвинуться на несколько километров поближе к границе? В Литву, или куда он там собрался бежать? Какой вообще там план был? Когда почти на каждом блок-посту высматривают его, их рожи?.. Сам ступил, сам прогнал — сам и поплатился! И это — правда жизни! А как за не какой хрен другие убивают... просто ограбление или неуютное поведение? То нормально, да? А их трогать в ответ нельзя!.. Всё логично. Они — люди, а мы — нелюди, — саркастически. — Всё правильно мыслишь, подруга. Всё правильно!

Внезапно движение — и подался ко мне ближе. Пристально взглядом сверля:

— Только и ты... теперь среди нас. И думай — расслабишься, пожалеешь хоть одного из них — и тебя пришьют, и других заденет. Ты сюда зачем пришла? Останавливать беспредел? И как? Только словом? Уговорами? Или что? Или ты талантливее, чем мы? Мудрее? Ну, так вперед! — вдруг рывкнул, взмахнув рукой. Откинулся на спинку стула. Колкий, порицающий взгляд: — Яви нам пример! Яви чудо! Покажи... как любовью и словами можно их всех перевоспитать. Остановить. «Превентировать», — цинично передернул книжную фразу.

Обмер, выжидая...

Позорно молчу, опустив, спрятав очи.

— То-то же! Все вы горазд осуждать!.. А коль что — сразу язык в *опу и прячетесь за нашими спинами! Ну, да и ладно! Порешаем! Как говорится, мы для этого сюда и пришли. Но что потом? Вот такие... как ты, пальцем начинают тыкать... и вслед плевать. Ну, да и на это по**й! — неожиданно в сердцах рывкнул, вновь взмахнув рукой. — Только их жалеть... и в святых мучеников возводить — НЕ НАДО! Потому что ОНИ — пришьют (тебя, вас, да ког угодно: своих даже!..) не задумываясь, ни на миг. И не обязательно для этого им... существенный повод.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Что здесь такое? — рыкнула дверь. Шаги по кабинету.

Науменко.

— Ничего, — раздраженно гаркнул Виталя, метнув на него недовольный взгляд из-под лба. — Че там Курасов? Обрадовался? — попытка сменить тему.

— Да че ему? Сказал, идите работайте... скоро конец года... отчетность и статистика всех вас, нас, нагнет.

А вот и заветные 18–00. Конец рабочего дня.

Живо схватить свои вещи — и броситься первой на выход, тихо, машинально буркнув остальным отрешенное «пока».

Шаги по аллее — и вдруг позади слышны чьи-то шаги, вдогонку. Стремительный, ускоряющийся, едва не бегом, ход.

Настигает.

Узнаю аромат, да и голос враз бархатом обволакивает и жалит одновременно:

— Лиз, СТОЙ!

Подчиняюсь.

Обмираю. Не осмеливаюсь взглянуть ему в глаза. Пристыжено прячу взор. Робким, колким шепотом:

— Я ничего никому не сказала.

— Молодец. Спасибо.

Разворот — и двигаюсь дальше.

— Лиз, СТОЙ! — тотчас догоняет и хватает меня за плечи, напором приводя в исполнение приказ.

Поддаюсь, хотя из хватки егорываюсь — уступает. Убрал, опустил покорно руки.

— ЧТО ЕЩЕ?! — грубо, дерзко рявкнула я, на миг нечаянно обрушив в его лицо взгляд — отчего просто зверски полосонуло по сердцу. Смешанные, пугающие чувства. В момент отворачиваюсь, прячу задрожавшие на ресницах слезы.

— Ты меня теперь будешь избегать? — взволнованное, с опаской.

Прожевала слова, эмоции. Не нашла смелости ответить.

Лишь разворот — и пошагала прочь. И снова пытается догнать, вот только я уже срываюсь на бег... и словно от беса — мчу из последних сил прочь...

На остановку — и в первый попавшийся автобус.

Захлопнулись створки. Взор испуганно в окно: не последовал. Так и застыл, капитулируя, на улице, пораженчески провожая меня цепким, полным боли и разочарования, взглядом.

Звонки. СМС: «Нам надо поговорить...» «Ты добесишь меня!» «Я поступил правильно» «С*ка ты...»

Караул в автомобиле... около работы, под подъездом. Пару раз даже домой приходил, в дверь стучал.

Игнорировала, избегала... как могла.

И чем сильнее был его напор, преследование — тем страшнее мне было, и тем сильнее тяга сбежать, спрятаться... исчезнуть.

Забыть. Хотелось всё забыть. Да только... мысли, осознание того, что все воспоминания сотрутся... Что самые сказочные, чудные мгновения всей моей жизни... я вместе с тем тоже потеряю, ранили меня... куда глубже, пронзительней, болезненней, чем если бы наспиговал меня свинец.

Я разрывалась на части: между разумом (внутренним суждением, принципами, мировоззрением) и сердцем, душой — которые непонятным образом столь сильно и неожиданно быстро... прикипели, привязались к этому человеку: двуликому, как оказалось. Сейчас он шутки травит, а через пять минут... пулю в голову безжалостно пускает, и даже глазом не моргнув. Это не Буранов, который... только словом, криком мог щемить, хотя... и очень умело, «действенно».

Разрывалась я между страхом и жадой, между долгом... и счастьем, необходимостью... и мечтой.

Ведь как... как я могу быть полезной обществу, как я могу исполнить свою избранную миссию, если путь мой... будет кривой, лживый и ведущий в никуда? Если вместо прока... я буду сеять лишь ущерб: поддамся на черную игру и стану творить разруху.

Для чего тогда мне вообще... жить? Для чего? Когда всё, что я смогу, всё, что я буду делать, так это — не создавать, опекать, спасать, а откровенно, беспощадно паразитировать... Уничтожать, отравлять... и без того больное, надломленное, страждущее общество.

Я стану одной из тех... против кого сама вызвалась бороться.

Я буду не просто пустоцветом. Я стану болезнью. Опухолью, которую в пору будет лишь... хладнокровно, окончательно и бесповоротно... выжечь, вырезать, без жалости удалить.

Очередной холодный, осенний вечер. Очередная встреча в утонувшем в полумраке дворе.

— Лиза, стой! — рявкнул мне в спину. Узнаю голос.

Поддаюсь. Сегодня поддаюсь. Обмираю.

Но не оборачиваюсь. Жду, пока поравняемся...

Взор мне в лицо. Отваживаюсь ответить, уставиться и ему в очи:

— Что? — холодное, раздраженное, колкое. Будто и не я доселе... с ним в «любовь играла»...

— Поговорить надо.

Скользнула взором по его усталым серым озерам, что оттенялись жуткими, болезненными ореолами мешков под глазами. На устах — серьезность... вместо когда-то теплой, сладкой, терпкой улыбки.

— О чем? — не уступаю в своей скрытой грубости.

— О нас...

Жалящая, мучительная пауза — и поддаюсь на разума и страха уговоры:

— Не хочу, — осмеливаюсь на самое страшное.

— В смысле? — оторопел.

— Ничего не хочу, — резвое движение — и, огибая его сбоку, враз продолжила свой путь, бросая... оставляя его, себя, нас... каждого в своем собственном, режущем, убийственном одиночестве.

Глава 16. Петля

Радовалась ли я своему поступку? Решению?

Тому, что позорный страх победил скулящую мольбу сердца?

Радовалась?

Ни капли. На ресницах — слезы. А в душе — полный кавардак. Буря шальных эмоций, чувств. Предательства самой себя и ликования рационального циника.

Сегодня... я вновь сбежала от своей судьбы.

Вот только в этот раз — это не дало мне... ни радости, ни пользы, ни успокоения.

Свобода — которая оказалась... хуже всякого яда, отравляющая, иссушающая, но не убивающая... не разрывающая до конца.

Смерть — не желающая завершить жизнь...

Он ушел. Ушел мой Костя. Ушел Пахомов... окончательно и бесповоротно.

Ни встреч, ни звонков, ни даже смс... ничего. Пустота.

Чего так хотела — «наконец-то»... получила.

Только радости во всем этом... не нашла.

Давление отступило — а вместе с ним... смогла сделать вольный, полноценный вдох. Обдумать все... трезво: без паники, без страха (который, словно снежный ком... с каждым Его, Кости, визитом разрастался) обдумать... и понять. Осознать всецело... Откровенно, горько, пронзительно прочувствовать, узреть: нет со мной моего Пахомова. Нет — и больше никогда не будет. Двумликого. Пугающего, черствого, жесткого... и вместе с тем сдержанного, нежного, заботливого, мягкого... веселого и притягательного.

Без Него моя вселенная... пуста.

Обретая смысл для мира, я теряла смысл мира для себя.

И вместе с тем — и желание. Желание на все эти баталии, старания, нормы, обязанности и обязательства. Желание и дальше отстаивать свою честь... и исполнять свой долг.

Но что тянет меня к Пахомову?.. Что конкретно?!

Я так и не поняла. Не докопалась до сути, остова этой тоски, горечи... боли, в конце концов. Отчаяния...

Что меня манит к Косте?!

Почему ради него я уже готова наплевать на принципы, на окружающих, даже на саму себя — и рискнуть?.. В омут кинуться с головой! Душу ему отдать безвозмездно!

НЕ ЗНАЮ!

Не знаю...

Но это не секс. Отнюдь не он. Захоти — уже сейчас бы я спала с кем-то другим в его кровати: тот же Казанцев (подлый «старатель», осведомитель мой нерадивый) или даже Буранов: не бросила бы его... если бы только физическая тяга меня держала рядом с мужчиной.

Так что — нет... Этот «атрибут» взрослой жизни не настолько важен для меня, чтобы за него цепляться.

Хотя... чего греха таить? Близость с Пахомовым... та еще была: удивительная,

неповторимая, волшебная... Да, временами излишне откровенно, безрассудно, пошло, но вместе с тем... это было нечто. И гораздо большее, нежели просто удовлетворение физических потребностей. Гораздо! В ласках его, в нежности, в соитии... во всем этом было прежде всего духовное, душ сплетение... Когда больше хочешь дарить удовольствие, отдавать ласку, нежели его, ее получать. Когда осознание того, что делаешь другому приятно — куда важнее твоих собственных ощущений, нужд, вожделений.

Хотя и они... на грани невероятного, убийственного, самоотрешенно-забвенного...

Но теперь ничего всего этого не будет. И что бы меня не влекло — всё напрасно...

И если раньше ночи я проводила, коротала, давясь слезами и страхом, невольно самоуничтожаясь и бичуюсь кошмаром того дня, что до сих пор перед моими глазами будто наяву... то теперь это была горечь, обида, тоска... боль разлуки. Ненависть одиночества. Ненависть... самой к себе.

И лишь одно меня оправдывает, успокаивает... дает иногда силы принять свое собственное прежнее решение — вместе со всем этим поступком, глупостью, или мудростью... я подарила Косте второй шанс. Ведь кто я? Что я? Что в итоге ему смогу предложить, если бы отношения зашли далеко? Стали... откровенно серьезными? Вот ЧТО?

Да, у него уже есть сын. Есть... Но а что, если ему этого мало? Почему, как смею я лишать его права на счастье, на самореализацию как отца, как мужчины?

Вот как?

И кем я буду после всего этого?

Обманщицей? Предательницей? Коварной, бездушной тварью?

Сознаться? Надо было сразу во всем сознаться!.. И плевать даже на жалость, которую в конце концов вызову к себе. Или ненависть — если опять соврать... о причинах сего... «результата».

В итоге победило бы его истинное отношение: или принял, или бросил.

И снова... я нахожу себе оправдание: не могу же сразу... с порога, каждому, кто упадет мне в душу, выпаливать все свое самое потаенное? Болезненное? Сокровенное?

«Каждому»... То еще сказала!

Будто это так легко?! Будто таких много... было и будет?!

Отгораживалась и сейчас отгораживаюсь от всего вокруг: от мира, от общества — толстенной, непробивной стеной.

А Пахомов — это... исключение. То еще исключение, ведь за плечами «бурановская школа»... и трагедия, что убила все живое внутри меня.

Убила... — по крайней мере, так мне казалось... до встречи с Костей.

Но нет — ошиблась: среди пепла было разодранное, но еще живое сердце. А теперь ему тоже... предстоит умереть.

И, тем не менее... наступает очередной холодный, жуткий, полный боли и слез, вечер. Краски сгущаются. Эмоции — накаляются.

Чувство разлуки, тоски вновь накрывает, режа, кромсая всю заживо изнутри. И всё, как первый раз. И всё, будто нет воздуха в комнате... без него — нечем дышать. Не как жить, нет сил терпеть... и существовать далее. Капля за каплей — и сосуд мой пуст. Песочные часы себя исчерпали.

А потому... беру в руки телефон. Всё, как всегда... за последние несколько недель. Отключить блокировку, забраться в меню, найти его номер... Цифры, которые уже знаю на

память. Имя контакта... которое уже тысячу раз менялось... от «Костенька» до «мерзкий гад» и обратно...

Но в этот раз я смелее. Решительней. Отчаянней и безрассудней.

Зажать кнопку вызова.

Гудки... Долгие, жгучие, жуткие, режущие до кости своей неизвестностью... безучастностью.

И вдруг щелчок. Перебой, перемены. Но вместо родного голоса — надрывный писк, ритм умирающего сердца, вторя коротким, сброшенного вызова, переливам.

Тишина.

Прострация. Ужас. Смятение... и сомнения...

Жалящие минуты не менее колючих за и против.

Решаюсь. Отчаянно, трусливо, безрассудно решаюсь. Опять зажать кнопку вызова, взывая к палача вердикту.

Опять тишина. Убийственные, сводящие с ума мгновения выжидания — и вот оно жуткий, мерзкий писк. Совсем иной, чем даже который был прежде. Долгий, пронзающий, а затем не менее гнусный женский голос, разрывая мое сознание, душу... и надежду в клочья: «Абонент временно недоступен. Перезвоните позже...»

Резво, испуганно отбиваю звонок, будто кто увидит, услышит... узреет мое падение. Мой позор. Мое... уничтожение...

Выпустить из рук свой приговор...

Слезы рекой по щекам — а в груди дыра, что воем пустоты и спиралью обреченности тотчас стала закручиваться, рождая всепоглощающую черную бездну.

Не знаю, как дожила до утра. Как в сон провалилась, не помню. Измученная, растоптанная, растерзанная. Но вера еще стойким солдатиком, отважным партизаном, патриотом, теплится во мне. А потому — не успела и глаза продрать, как тотчас кинулась искать телефон. Собрать части на полу, включить — и живо отыскать номер. Нажать на вызов.

И снова гудки... пустые, жгучие, безучастные... вот только уже никто не норовит прерывать их ход. Полнейшее отрицание, игнорирование, плевков. И так... пока система оператора не решит, что хватит... хватит измываться... на собой, над Ним, и над всей вселенной в целом, рождая при этом очередную глупость, вместо трезвости, собранности и любимой, твердокожей, циничной... рациональности.

Глава 17. Операция

Глава 17. Операция

Ничего больше не хотелось. Ни в этот день, ни вообще... когда-либо.

Пусто... слишком пусто стало на душе.

Набрала Сальникова: хотела передать через него Науменко, что на работу не явлюсь — "заболела" — впервые совру, дабы увильнуть от службы, от обязанностей.

Но... не дал...

Какие-то странные шутки, невероятный подъем настроения. Чушь какая-то про операцию, про Казанцева, про шлюх. Что мне все это очень понравится, так как Науменко выступит сутенером.

В общем, не слышал меня Виталя... и все мои попытки хоть как-то перебить его тираду, пробиться сквозь сумасбродную реку приторного веселья, свелись на нет.

— Так че, едешь? — наконец-то выпаливает это юмористическое «радио».

— Еду-еду, — грубо, обижено рыча.

— И что ты там мне втесывал? — гневно зарычала я, бросив свою сумку на стол Сальникову. Присесть на стул напротив него. Замученный, туманный взор обрушила негодяю в лицо.

Улыбается:

— А ты, по ходу, опять, что ли, бухала? — заржал.

— Ты меня для этого из дома вытащил? — гаркнула я озлобленно.

— В смысле? — оторопел, округлив очи. — Так-то рабочий день!

— Я же говорила: заболела! — вскрикнула в сердцах, и тут же поморщилась — башка реально раскалывалась, как после жестокой пьянки.

Захохотал язвительно:

— Слышишь, подруга, мы с Науменко так каждый понедельник больны. Да и не только мы. А некоторые — и того чаще. Так что выпей таблеточку и приди в себя. Тем более сегодня. Будешь со мной в карауле сидеть. Хотя бы посмотришь, как это...

— А Серега че, уже плохой «сосидетель»? — саркастически грызу.

— А Серега, я же тебе уже объяснял, еще по телефону, с Казанцевым будет! У Романа операция намечается. Дело то еще! И то, повезло просто, что его этот... Шушваль попал в столь «теплую» компанию. Если выгорит — те еще задницы поджарим.

— Ох, уж мне этот Роман! — слегка запаздывая, тормозя, гаркнула в сердцах я.

— Че это? — обомлел. Но тотчас серьезность смела улыбка. — Только не говори, что ты это с ним... квасила — нам он трезвый нужен!

— Не дождетесь! — рычу недовольно.

— Не дождемся трезвого, или вашей... — затыкал, замыкал пальцами, сдержано, но не без пошлого намека, пальцами, — состыковки.

— Слюни подотри, — гаркнула злобно. — И Казанцеву тоже!

— О-о-о, — взревел вдруг, скрививши недовольную, полную раздражения, мину. — Понятно... Мужики — козлы... и как земля нас, таких уродов, носит.

— Я такое не говорила, — язвлю.

— Да по роже видно! — невольно вскрикнул. — Небось, бросил какой — и началось. Потому вся такая... он уже сколько времени... помятая, разбитая... Была красавица, а стала... книга потрепанная.

— Да иди ты на хрен! — гневно, обиженно взвизгнула я и тотчас сорвалась с места. Разворот — и помчала к двери.

— А че я такого сказал?! — гневное, отчаянное вдогонку.

Но не подался за мной...

Выскочить на улицу. Благо, ни с кем из начальников не столкнулась нос к носу.

Домой. Срочно домой!..

Не в бар же с утра? Может, и вправду, в пору уже взять... да хоть раз напиться? Вдруг... легче станет? Хоть на день — а все же... выброшу из своей головы... этого чертового Пахомова.

Обмерла на остановке. Уткнулась невольно бесцельным взглядом в одну точку — и стою, жду автобус.

И тут словно кольнуло что-то в голове. Встрепенулось.

А затем и вовсе навела фокус. Очертания кремовой, огромной сумки с красивой овальной золотистой застежкой-бляхой вмиг вырвало меня из прострации.

Твою ж... налево! А сумку-то свою я в кабинете оставила! И как теперь? Что теперь? Возвращаться?

Что самое обидное — даже домой не доехать, ведь все деньги там.

А пешком — только через несколько часов попаду в квартиру.

И надо бы пройтись, проветриться. Может, легче станет.

Но не сегодня. Не сейчас — в башке... сплошной маргарин. Столько ночей без сна. Одна мечта — забыться. Вырубиться и спать, спать... спать до упора: пока старость не сложит мои полномочия...

Ну, что ж. Выбор очевиден: злость в кулак — и опять тащиться по аллее в сторону отделения.

О, да. В этот раз всё по «феншую». Все, как на параде: Курасов, Науменко, Сальников... и даже Казанцев.

— Вернулась? — ржет ехидно Виталик.

— Показалось, — язвлю в ответ.

...

— И куда ты намылилась? — гаркнул мне в спину Серега, отчего тотчас покорно обмерла я на месте.

Полуборот. Глаза в глаза:

— Домой. Заболела я.

— Да мне по***, поняла?! — бешено рявкнул на меня. — Таблеток сожри, водичкой запей — и сегодня, чтоб была как штык. Ясно?!

Обомлела я, округлив очи.

— Я же... безрукое, бесполезное... мерзкое существо, ошибка природы, которой лучше было бы вообще не появляться на свет, а не то, что бы втискиваться в счастливую, размеренную, хорошо продуманную, утопическую жизнь отделения! Зачем я вам там? — сама даже не поняла, как выдала подобное своему уже и так оторопевшему от заявленного, от столь смелой моей дерзости, Майору.

Долгие, жгучие мгновения перестрелки взглядов — и наконец-то находил силы, желание на слова:

— Или рапорт... об увольнении, или чтобы была на месте, там и в то время, в которое тебе прикажет Капитан Сальников. УЯСНИЛА? Барышня... голубых кровей.

Шаги на выход. Показательно лязгнул дверью.

И снова обреченно бросить сумку на стол и рухнуть на стул, напротив Виталия.

— Че? — неожиданно заржал, метнув на меня взор из-под лба. — Кофейку? Чайку?

Или рассольчика?

Уставила на него злобный взгляд:

— Пулю... в лоб.

— Самокритично, — ухмыльнулся.

— И практично, — скривилась я.

Шумный вздох. Взор около...

— Так что там? — решаюсь продолжить. Взгляд на товарища: — Что хоть за дело? В чем суть? И зачем мы, я нужна?

— Да, — скривился, — гад тут один: раньше наркотой занимался, потом перешел на сбыт краденного. И нет бы по чуть-чуть, без палева. Так бы ни наши, ни конкуренты не заметили и пыжиться не стали. А то в наглую: ордена, антиквариат... В общем, уникальные вещи... историю которых несложно, при желании, отследить. Отголосок за собой оставляющее. А дальше и вовсе рискнул выйти на рынок, — обмер, пристальный взгляд мне в глаза. Добавил, уточняя: — Черный рынок, оружия: от травмата до конкретного, боевого. Но так как он — шушваль, новичок-любитель, то за него беремся мы... Но встреча у него будет... в закрытом заведении: ресторан, клуб, vip-комнаты... по типу отеля. В общем, весь фарш. И даже сауна с бильярдом, если мне не изменяет память.

— Память? — ржу. — Бывал там?

— Да как-то раз, — невольно залился краской. — Друг мой мальчишник свой однажды закатил там. Ой, как наотмечались. Потом столько таблеток пришлось глотать, дабы все те последствия сладострастия устранить. А с виду — приличные девки были, да и дорогие... с*ки. Может, конечно, не все они там такие... «болезнетворные», — перекинул слово, изображая диктора из рекламы (узнала), — но парочка — точно попалась, и причем одна из них — мне. Но, да ладно! Перебила ты меня. В общем, этот наш кадр... будет встречаться с одним из своих поставщиков. И как раз примерно в это же время к ним подтянется еще один делец. Тоже новый — но возможности и размах его куда круче нашего «подопечного».

— Ну, и? — не выдерживаю.

— Что и? Девок своих подошлем. Шлюх.

— У вас есть свои шлюхи? — язвлю, хохоча (даже ожила немного после такой ядерной шутки-заявления).

Скривился недовольно, что я его перебила. Молчит, сверля взглядом.

— Всё-всё, молчу, — выставила, сдаваясь, руки вперед. — Продолжай.

— Да, есть, — резво, саркастически. — Помогают с некоторыми нашими делами, а мы в ответ закрываем глаза на их... — показательная жестикуляция, — романтик.

Тихо, коротко рассмеялась — но совладала с собой в итоге. Осеклась.

— У них свои методы... но главное то, что развяжут нашим кобелькам языки. А дальше мы сделаем запись — и вуаля. Начнем давить на одного: явно или показательно — и

завертится клубочек, засучится ниточка.

— А я зачем? — бурчу недовольно, дую губы.

— В засаде будем сидеть, — и снова морщится от раздражения. — Сколько можно уже говорить?

— А я прям такой... сверх крутой напарник? — иронизирую бесстыдно.

Скривился:

— А х**и ты тогда вообще здесь работаешь? За манатки — и обратно. Куда там?

Школа? Садик? Дворы подметать.

— А что ты имеешь против дворника? — нахмурилась я.

— Ничего, — грубит. — Приводи себя в порядок, — вдруг махнул головой куда-то в сторону. — И берись уже за ум — а то тошно смотреть. Не баба — а размазня какая-то стала.

Раздраженно закатила я под лоб глаза.

Шумный вздох.

Ухватила сумку — и потащила на себя.

Рухнула, свалилась тотчас картонная папка на пол — посыпались из нее бумажки.

Фото.

— О, е* твою ж меть! ЛИЗА! — в сердцах гаркнул на меня Сальников. Сорвался со стула. Мигом присел — и давай собирать.

Поддаюсь, опускаюсь на корточки рядом.

— Прости... — тихое, виноватое мое.

И вдруг еще гребок, движение — и обмираю я, ухватив в руки фотографию — Пахомов.

Мой... Константин Павлович... Пахомов.

Казалось, волосы... встали дыбом. По телу пробежала дрожь.

— Кто это? — испуганно вырывалось из моей груди. Тотчас я закусил губу, осознавая, что спалилась. Но отступить уже некуда — лишь попытка соорудить нейтральный, холодный вид.

Нахмурился враз:

— А че, знаком? — кивнул на меня.

— Нет, — взволнованно замотала, качала отрицательно я головой. — Красивый просто...

Попытка правдоподобно солгать, скрыть истину, но голос предательски дрогнул.

Хмыкнул ядовито Виталий.

Цыкнул зубом порицающее:

— Ох, уж бабы-бабы! И что только за дурь у вас в голове? Ты вообще слышала, что я тебе только что рассказывал?

— Ну? — обиженно нахмурилась я. Напор — и силой выдрал из моих рук заветную фотокарточку. Поддаюсь. Кисло, пристыжено улыбаюсь.

Вывернулись оба во весь рост.

— Че «ну»? Он один из этих... — кивнул куда-то в сторону головой, — что сегодня встречаться будут. Новый который, серьезный. И если удастся... то гнить ему на нарах, а не на свиданки с такими наивными курицами, как ты, ходить.

— Че? — и снова обличающее (глаза округлились, едва не вывалившись из орбит). Горечь с болью схлестнулись, порождая слепой страх вместо адекватности.

— Че слышала, — недовольное, озлобленное. — И чего вас на хулиганов все время тянет? Сколько нормальных мужиков! Я даже нас не беру, а так... Нет! Подавай богатеньких

и красавчиков, а чем он занимается, чем на жизнь, на эти ваши цацки и шелка, зарабатывает — плевать. *опа в тепле — а остальное неважно, так?

Игнорирую. В голове давно уже бой иных «курантов».

Мысли шальным табуном, выискивая на задворках сознания толковые вопросы, решения, поведение.

— Я хочу участвовать в операции! — выпаливаю, будто камикадзе.

Шумный вздох Виталика. Скривился в негодовании:

— Ты и так... будешь участвовать. Вместе со мной. Будем сидеть в засаде. Выгорит — вызовем группу захвата. Нет — соберем крохи и будем думать, что делать дальше.

— Нет, — твердо, повелительно закачала я головой. — Как шлюха. Внутри хочу быть.

— Оба-на, — обомлел, не зная... ржать или сразу плакать от смеха.

— Я серьезно. Среди этих ваших... Если что — свидетелем и пойду. Поди... из этих «мормышек» ни одна в суд не пойдет. А мне — самый раз, с головой оправдания. Да и вы прикроете.

— У тебя совсем кукушка слетела, да? — внезапно, став серьезным, закрутил у виска рукой. — Ты хоть думаешь, что там будут за люди? Что там придется делать, как рисковать? Одно дело подсыпать им препарат и попытаться разговорить... а если что-то пойдет не так? Их завалят — грубо говоря, спишут на издержки операции. А тебя — и нам головняк, и ты уже не очухаешься... Науменко точно не одобрит затею.

— А Казанцев? Это же его операция?

Обомлел, удивленно выгнув брови:

— Ну, в сути... НЕТ, ЛИЗ! Даже я против!

— Ну... слава Богу, не тебе решать!

Резвый разворот — и помчала долой.

Глава 18. Мормышка

Глава 18. Мормышка

Идея с операцией, конечно, идеей... Но не скажу, что я особо верила в свой шикарный дебют. А потому вскочить в туалет, убедиться, что никого нет в кабинках — и вновь набрать злосчастный номер. И снова игнор — упорный, бесящий.

И снова набираю — и снова пустые гудки, за которыми абонент отчаянно скрывается, откровенно, яростно ненавидя меня.

Ну, что ж.

Риск так риск. Безумствовать... так ради дела.

И я уже наготовила целую эпическую поэму о том, как это для меня важно, что сие — истинный шанс самореализации, возможности себя показать, стать полезной не только для своих сослуживцев, но и общества в целом...

Как вдруг громогласное:

— Да пожалуйста!

Науменко. Никто иной. А сам Науменко даже не дал ответить Казанцеву:

— И если повезет — пришлют тебя к чертям собачьим... мне хоть жить спокойнее будет.

— А если тр**аться придется? — внезапно выпаливает в мою сторону ехидное Роман. Дерзкая, колкая ухмылка.

Обмерла я, заледенев в ужасе.

Но в голове так и стоит моя очередная тщетная попытка звонков на телефон — не берет трубку Костя. А в СМС подобные вещи сообщить — себя и его... под монастырь сразу подвести.

Потому да, смело отвечаю на заявленное:

— А для этого ваши «мормышки» там будут. Или они только клофелинить умеют?

— Там без клофелина будет, — неожиданно отозвался, уточнил Сальников.

Благодарствуя, удостоила его взглядом на миг.

И снова взор на Казанцева:

— Так что?

— Да черт с тобой! — внезапно гаркнул, махнув рукой. — Но облажаешься — сам тебя отдеру.

Обомлела я, невольно даже приоткрыв рот. Чувствую, как запыхали щеки.

Ошарашенный, испуганный взор метнула я по сторонам, скользя по лицам своих коллег, что тоже стояли, прибитые столь дерзким, вызывающим откровением.

— И это, — учтиво продолжил, уточнил Роман, прокашлявшись, — не в плане секса. Так что, поверь... тебе... совсем не понравится.

Разворот, шаги на выход.

— И да, — вдруг обмер в последний момент. Полуоборот. Взор на меня: — Приведи себя в надлежащий вид. А то единственное, что хочется, видя тебя, так это пожалеть... а не... ну ты поняла.

Сглотнул скопившуюся слюну.

Миг — и переступил через порог, скрываясь за дверью.

Куда уж понятливее. За день столько раз от мужчин услышать, что вид жуткий... и совсем даже на шлюху не тянешь.

Так что... салон красоты и за свой счет (уверенно сотрясая старые запасы на черный день) сделать модную прическу, нанести боевой макияж... и в ближайшем магазине прикупить более-менее недорогое, но откровенное, красивое платье.

И снова тщетные попытки дозвониться. Глухой. Упертый. Равнодушный...

— Так сойдет? — ввалилась я в кабинет Казанцева, перебивая его беседу со своими коллегами (в том числе Науменко и Сальниковым).

Обмерли все.

Долгая, немая, жгучая... леденящая душу, пауза: изучая, скользя по всем моим видам и формам.

Не моргая и, казалось, не дыша.

И лишь спустя минуты... первым осмеливается на глупую шутку Виталия:

— О, а можно и мне с ней? Я постараюсь вписаться в обстановку, — хохочет.

— Сиди давай, — гаркнул вдруг Серега, скривившись. — И слюни подотри. А ты, Лиза, шуруй в отделение. И так... целый день маешься... непонятно где. Сейчас придем... план подробно расскажем.

Подчиняюсь. Неспешный разворот — и поплыла прочь, восвояси.

— Хороша сучка, — послышался голос Романа.

Ухмыляюсь победно сама себе под нос.

И даже для Науменко... я наконец-то стала «Лизой»... а не тупорылой овцой Цветковой.

План планом, а снова податься в туалет и там трезвонить, бить в колокол глухой деревни. Пустота. Жгучие пощечины...

Шумный вздох. Разворот — и чуть не налетела на тихо подкравшегося (али я задумалась сильно) Казанцева.

— Эй, ты чего? — пристыжено захохотал Роман, хватая меня в свои объятия. Помогает выровняться на ногах.

— Благодарю.

Вырываюсь с легким напором — поддается.

Отступаю немного назад. Глаза в глаза:

— Что-то хотел?

— Да, — поспешно. И вдруг колкая пауза, пугая меня до дрожи. Скривился от неловкости: — Это же Пахомов, да?

Выпаливает автоматной очередью.

— Что? — окаменела я, прозревшая, неволью, обличая себя, округлила очи от удивления, шока.

— Ну... тот, о котором совсем недавно ты у меня спрашивала. Я искал тебе инфу.

Нервически сглотнула слюну.

Ну, да. Как иначе? Фото-то видел его. Запомнил. Да и еще бы — конкурент.

Скривилась я, состроив раздражение:

— Да, он.

— И зачем ты лезешь? Только не ври, что не хочешь помешать, — закачал головой, упрасывая в обратном.

Пауза. Шальной табун в голове, ища правильные слова, версии. Ну же! «Бурановская школа»... вечной лжи! Яви чудо...

Лукаво ухмыльнулась:

— Эта с*ка... меня обманывала. Женат, ребенок... а мне так нещадно по ушам ездил и пользовался. Так что нет, Я... НЕ ХОЧУ ПОМЕШАТЬ: я хочу его уничтожить. Он знает, что я ушла из школы. Но не знает, что в милицию. Мы давно уже не общались. Но... и тем не менее... кому, как не мне удастся расслабить, отвлечь его внимание по старой памяти?... пока девочки будут делать свое дело.

Томные мгновения тишины, изучающий взгляд, скользкий, пронзающий... щупальцами проникающий в самую душу и пробующий слова на истинность.

И наконец-то:

— На тебе будет прослушка... и датчик передвижения. Если что — мы всё узнаем, — тихой, «скромной» угрозой. Но тут же добавил: — И если будут проблемы, сразуотреагируем и спасем тебя.

Ухмыльнулась добро (а внутри так и режет меня жуть и отвращение по плоти):

— Благодарю.

Еще мгновения неловкости, смятения — и решаюсь податься на выход, как тотчас дрогнул, дернулся за мной, ухватив за кисть.

Обмираю. Разворот. Взором скольжу по своей, его руке... сплетению наших пальцев.

Не вырываюсь — поддаюсь.

Еще миг смущения — и осмеливаюсь: глаза в глаза.

Молчу.

А потому он заговорил:

— Лиз... Так если... у вас... с ним, с этим... ничего больше нет. То... значит ты одна?

Накрывает враз волной окончательное прозрение. Дрожь прошла по всему телу. Пытаюсь держать себя стойко:

— Да.

Миг — и счастливо заулыбался:

— Тогда... может, попробуем... как-нибудь? Ужин там... Или так, куда сходить? — взволнованно, нервически сглотнул слюну, давясь неловкостью.

Усмехнулась смущенно я:

— Давай переживем этот день. И если никто меня не пришьет, — язвительно улыбаюсь мечтам Науменко, — то вновь вернемся к этой теме. Идет?

Залился благодарной, победной улыбкой:

— Ловлю на слове.

— Лови, — доброе, ироническое...

...хотя не менее лживое, чем вся моя рисованная самоуверенность и смелость. Чем вся моя нынешняя жизнь.

Но выбора — нет.

Глава 19. Спектакль

Глава 19. Спектакль

Звучат звонки. Объявлена постановка. Занавес дрогнул.

Сказать, что мои «боевые подружки» обрадовались мне — нагло соврать. От молчаливого закатывания глаз под лоб и кривляния до откровенного смеха, сарказма и открытого высказывания:

— Вы шутите? Да на нее ни у одного не встанет, — гаркнула в сердцах на меня самая смелая.

— На вас встанет — и этого достаточно, — раздраженно рявкнул Науменко и невольно оскалился. — За дело — если не хотите в обезьянник. А там знаете... что с вами будет.

— Мы бы и сами справились — и так пятеро. А эта курица... — кивнула в мою сторону все та же «Резвая Бабочка». — Посмотрите на нее: размалевана, расцацкована... но зажата до одури. Взглянешь — и самой стыдно становится: за свое поведение... и никчемность.

— А ты не смотри на нее, — вклинился Роман. — Твое дело операцию не сорвать и сделать так, чтоб языки этих г**донов развязались.

— А если она запортачит? — вмешалась еще одна «сударыня».

— Не запортачу! — гневно выпалила я, неосознанно от обиды уже надув губы.

Дрожь по телу, все стынет внутри... но мысль о том, что Пахомову грозит черти что, а я из-за своей трусости и слабохарактерности дам сему свершиться, по крайней мере, не попытаюсь предотвратить — хуже всякого ужаса стегала по позвоночнику, доводя до еще большей паники и скрытой истерики.

— Ну смотри, — гаркнула первая. — Если что — я сама тебя там потом вы**у.

Обмерла я, огорошенная; но миг — и сама не поняла, как выдала в ответ сквозь едкий, горький смех:

— Как много людей хотят меня тр**нуть... И всё равно на роль шлюхи не дотягиваю.

— Лизунь, ты чего? — внезапно вставил слово Роман — тут же шаг ближе и ухватил, сжал в своих объятиях. Поцелуй в висок.

— А ты не паясничай, — слышу озлобленный голос выдры.

Но мне уже не до этого: будто кто кислотой облил. Миготом оттолкнула Казанцева и в ужасе уставилась на него:

— Ты чего? — ошарашено.

— Да ничего... — пристыжено тот. Видно, как залился краской. Стыдливо спрятал взор, что так и норовил плясать, метаться от глаз моих к губам и обратно.

— Ром, — шепнула ему на ухо (дабы никто больше не услышал). — Мы же ничего еще не решили. Не надо так, — взмолившись.

Хмыкнул нервически. Смолчал.

— Прости, — тихо. — Но я не могу так сразу.

Вру. Нагло, бесстыже вру — ведь дело даже не в «сразу».

Никогда. Не его. Не его... и ничья больше... кроме Кости.

...пусть даже и в омут с головой. До самого... чертового, непробудного, гибельного дна.

Его, Пахомова, я. И только.

— И помни, если что, если даже увезут — по маячку найдем тебя и заберем. Резких движений головой не делай, — напутствует, словно перед смертельным боем, Казанцев.

— Да, плавненько, плавненько. Нежнее, — раздается иронично-циничное Сальникова.

— Ты-то хоть куда? — гаркнул непонятно откуда (и почему) взявшийся рядом с нами Курасов. — У вас че, спермотоксикоз у всех? Баб давно не видели? Так идите... в фургончик уединитесь сами с собой, а мы подождем, раз так срочно и не в силах держать себя в руках да думать о деле. Девки, между прочим, жизнью рискуют. Эти твари со стволами будут, — рычит серьезно.

И вдруг чей-то смешок тихий.

— Кто там?! — рявкнул вмиг, ошалеv, подполковник, заметав взгляды, выискивая смертника. — Я че клоун?!..

— Успокойтесь, Юрий Александрович, — заботливо, успокаивающе прошептал Казанцев (но от улыбки не сдержался); коснулся плеча начальника, отчего тот враз отдернулся раздражительно.

— Завалите мне операцию... или хоть одну из этих... или Цветкову пришьют — а сам вас потом, — гневная жестикуляция (пошлая). — И не смейте шутки шутить. Не только погон не увидите, но и света белого — сам лично за решетку засажу!

— Я тебя предупредила, — гаркнула мне на ухо «Резвая Бабочка», когда мы зашли в здание.

Боялась ли я ее? Ни капли.

И даже тот факт, что мы, все шестеро «мотыльков-мормышек», без оружия, — тоже не так смушал. Даже проще местами — меньше угрозы раскрыться.

Однако... целый трехъярусный зал голодных (жадно следящих за каждым твоим движением, действием) зрителей, слушателей пугал не на шутку: вплоть даже балконы забиты и стояли зеваки вдоль стен. Но мало того, при всем при этом, ты должна не только хорошо отыграть суленное лицедейство, но и... благоверного своего выручить.

И будь, что будет... главное, ноги унести.

Не срослось. Сегодня, сейчас...

Делая окончательный, сложный... жуткий выбор, понимала. Как святую истину понимала — обратного пути не будет. Даже если смогу оправдаться, выпутаться. Кто я после всего этого?

Одних — караю, а другого, двуликого, и отнюдь не праведника, — спасаю...

Нет мне прощения. Оправдания. Смысла... и дальше самой себе врать.

Поправить платье, глубокий вдох, рисованная улыбка (испуганно выпучив очи) — и переступить через порог.

Тесная, но уютная комната. Шикарный диван полукругом. В центре — стол... что ломился от невероятного количества и разнообразия блюд... и выпивки.

— А вот и подарок! — радостно вскрикнул «Шушваль», разведя руки в стороны (тот самый, чья глупость, жадность нас всех сюда... привела). — За успешное окончание дел! И за удачное начало — нового, более тесного, продуктивного сотрудничества!

Счастливым взор на своих товарищей: пожилого мужчину (в клетчатой рубашке и джинсах — с виду обычный статист, а отнюдь не... криминальный авторитет)... и Пахомова.

Окаменел. Заледенел мой Костя, едва наши взгляды встретились. Тотчас отворачиваюсь,

строю непринужденный вид.

— Че, Паха, понравилась какая? Или че завис? — заржал неожиданно Кряков, тот самый... чья шкура для «зрителей» сейчас самая ценна — для них, но не для меня.

Рассмеялся смущенный «Двуликий»:

— Да так, — прокашлялся от неловкости. — Все хороши...

— Ну, выбирай. Любую... Ты ж сегодня — важный гость...

— Одну? — иронией залились уста Пахомова.

Заржал Андрей Васильевич и тотчас выдал:

— Да хоть всех! Осилишь?

— Не, ну всех... мне совесть не позволит, — загоготал Константин.

— Совесть... или что другое? — ухмыльнулся Мужчина.

Скривился, паясничая, "герой":

— С голубыми "феями"... именно только совесть.

Рассмеялся (осмелился на дерзость) наконец-то и Шушваль:

— Да что их выбирать? Все красавицы! — в момент ухватил ближайших двух и повалил на себя. Захихикали барышни, тотчас принявшись уже обнимать, услащать своего кавалера. За ним прилежно свторил и Пахомов: сцапал обеих, чужих — не меня...

Сердце загрохотало, застучало тяжело в груди, будто в большой барабан забил шаман.

Забыла я, как дышать. Стою, распятая, жадно округлив очи.

Секунды — и вдруг ухватил меня Кряков за кисть, силой потянул на себя, заботливо усадил на колени. Откровенно, пошло сжал за талию, протискиваясь к груди.

Дерзкая ухмылка:

— А ты чего такая скромная?

Рдею, невольно отвожу взгляд.

— Зато я смелая, — нервически сглотнув слюну, влет принялась с напором ласкать, заманивать в свои сети моя «компаньонка». Резво устремляю на нее взор, дабы убедиться не менее ужасному прозрению: «Резвая Бабочка», именно она, и никто иной, досталась мне в пару.

Ухмыльнулся довольно Мужчина, хотя на поцелуи не ответил — лишь позволил дарить ему ласку, лобзая шею, ухо, гладить ему грудь.

— Слушай, Костян, — игнорирует Васильевич сладострастия натиск. Уставился на Пахомова.

Поддаюсь, ведусь — осмеливаюсь перевести очи на своего "изувера" и я.

Вынужденно оторвался от губ пылкой «мормышки» Герой и обходительно устремил взгляд на товарища (меня же даже и на миг не полосонув):

— М-м? Че? — лениво, неохотно.

— Так че там по твоим ребятам из Поляндии?

Хмыкнул Пахомов. Но мгновение взор его дрогнул, уставился на руку одной из куриц, что уже нагло расстегнула на нем рубашку и нырнула к голому торсу.

И снова глаза в глаза с Кряковым:

— Андрюх, честно... уже пьяные, дурные... И вон девочки... уже мозг слили непонятно куда. Давай завтра, с утра? По свободе? И без лишних ушей.

— Это я-то лишний? — в момент недовольно отозвался Шушваль, причмокивая, отходя, видимо, от своих недавних засосов.

Заржал Костя:

— Ой, а тебе... лишь бы жертву из себя соорудить и подвох где поискать. Я к тому... — на мгновение зажмурился (не сразу заметила я, как эта курва уже добралась до его брюк). — Что дела надо решать... в деловой обстановке... — вмиг изнеможенно застонал. Разворот, и, расплываясь в счастливой улыбке, прилип коротким поцелуем к губам "Жрице страсти" своими. — Да, зай?

Лезвием по сердцу...

Болезненно, как от огня убегая, в момент увела очи я в сторону. Невольно скользнула взглядом по лицу Бабочки. Не сразу сообразила, что та пытается мне мимикой что-то сказать.

Глаза в глаза: косит, метает взор на Крякова.

Несмело, едва заметно качаю я отрицательно головой — а в груди аж запекло, мышцы сжались от страха и отвращения.

Не думала... ни единой секунды не мыслила, что может так оказаться... что не в Его, не в Костиных объятиях окажусь.

— Че там, девочки? — заметил странную нашу перепалку взоров Мужчина.

— Да ничего, — игриво захихикала Компаньонка и тотчас впиалась жарким поцелуем ему в губы. Ответил — запойным, требовательный, развратным.

И вдруг движение — тотчас сжал меня сильно за бедро этот ублюдок, проникнув под платье, отчего невольно вскрикнула я.

Отчаянный, молящий взор на Пахомова — а тот уже тонул в омуте двух девиц, что умело... всеми своими талантами норовили доставить ему удовольствие, единственно что, не пресекая черту, за которой все это превратилось бы в открытую оргию.

Но неожиданно перемены — стаскивает, сваливает меня (испуганную) с себя Кряков, усаживая рядом на диване — и даже не удостоивая взглядом, на ощупь живо хватает за затылок и напором, силой начинает склонять меня к своим чреслам. Взорвался ужас, зарезало осколками меня всю изнутри, кромсая сознание самым нещадным образом.

— Нет! — испуганно выпалила я, когда его власть уже стала явной, а предложение перешло в откровенный приказ.

Вздрогнул. Зашевелились, зашуршали и остальные.

Ошарашенный, удивленный взор на меня Андрея Васильевича:

— Что значит «нет»? — холодное, мерное, будто дуло в затылок.

«С*КА! — враз послышался в моем наушнике крик Науменко. — Я САМ ТЕБЬ ЗАВАЛЮ, ТВАРЬ! ДЕЛАЙ, ЧТО ВЕЛИТ! ИЛИ *** ТЫ ТУДА ПОПИ***ВАЛА?!»

Окаменела я, прозревшая. Сверлю, онемев, Крякова смоляные очи... и тихо молю о пощаде.

Как так? Что это?!

Пахомов, как ты смог?! ПОСЛЕ ВСЕГО?!

Виновато опускаю глаза (а взглянуть на своего предателя не отваживаюсь, и не смею).

— Да новенькая она просто, — грохотом раздался спасительный голос Бабочки. — Стесняется... при всех.

Коротко рассмеялся Мужчина.

— Ну, пошли наедине, — еще больше огорошивает меня, отчего в момент устремляю на него очи.

Долгие, жгучие мгновения схватки взоров — и решаюсь, тихо... сама с себя мысленно

не только содрал погоны, но и расстреляв заодно:

— Я не по этой части...

— А по какой? — заржал коротко, недоверчиво Кряков, явно уже чуя неладное.

Метнула я болезненный взгляд на Бабочку, моля об очередной порции ее мудрого спасения.

Ледяное, распятое, полное ужаса и горечи выражение ее лица:

— Да зачем тебе она? — отзывается наконец-то девушка. — У тебя есть я... и согласна на всё.

— Прямо на всё? — ядовито захохотал Мужчина, переведя на нее взор. А физиономию его так и распял пошлый интерес и коварный план, малюя жгучие, развратные соблазны.

— Слушай, а я передумал, — вдруг гаркнул, прозвучал Его голос, будто гром... пронзительный и уничтожающий, разрывающий небеса — и дарящий «праведным грешникам» прощение... молнией рубя насквозь. Пахомов.

— Насчет чего? — угрюмо Кряков.

— Отдай мне ее, — вмиг звучит елейное.

Перевожу очи на Костю.

Колкий, едкий взор, а на губах — не меньше растеклось раскаленного яда.

— Все-таки на троих решился? — загоготал Мужчина.

— Нет, — ухмылка. — Мне одной... люблю портить невинное, — лукаво, бесом оскалился.

Да так искренне... что вмиг жуть запекла у меня в груди.

— А, ну если так... Ох, уж эти... наши "слабости".

— Ненавижу лгунов, — гаркнул внезапно, озлобленно скривившись. — Шлюха — и скромная, — едко, презрительно улыбнулся. — Пришла — значит исполняй, — дерзостное мне в очи.

— Ну, у нас... тоже есть принципы, — тихим, напуганным голосом, взволнованно прошептала вдруг Бабочка. — Просто... она еще не готова. Со временем раскроется.

— Вот я ей и помогу, — желчное. Резвое движение — и тотчас кинулся ко мне.

Вмиг схватил за волосы — и дернул на себя — свалилась я на пол, дико завизжав. На глаза проступили слезы.

— Поднялась, с*ка! — жуткое, убийственное, омерзительное.

Еще рывок — и тотчас подчиняюсь.

Заломил руку за спину... до боли, до хруста. Повел на выход.

В последний миг, через плечо:

— Свяжемся. А, Маза, тебе респект, давно у меня таких девочек не было.

Силой пиная, местами едва не волоча за собой по коридору, то и дело, что нарочно причиняя мне боль.

Еще миг — и, едва створки лифта открылись, как тотчас толкнул в кабину.

Кубарем полетела — благо, места мало... так и плюхнулась на стену, сильно ударившись головой.

Выровнялась на ногах.

Несмелый разворот, попытка взглянуть демону в очи:

— Костя... — испуганное.

— МОЛЧАТЬ, С*КА! — громыханием.

Оцепенела я вся внутри. А снаружи — кончности начинают свой истерики пляс.

Еще миг — и пиликнула система, оповещающая о прибытии. Враз ухватил меня сзади за шею — и, слегка нагнув вперед, опять повел по коридору.

Нужный номер. Живо открыл пластиковым ключом дверь — и зашвырнул меня внутрь, словно тряпичную куклу — грохнулась я на кровать.

И снова по моим щекам слезы, вторя прозрению.

Вот ты какой. ВОТ! Вот твой истинный второй лик... который в пору только ненавидеть!

— ВСТАЛА! — мерзостное раздалось надо мной.

Подчиняюсь.

— Костя, пожалуйста... — болезненным шепотом.

— РАЗДЕЛАСЬ! — презрительно.

— Что? — оторопела. Не могу поверить услышанному.

Неужели? НЕУЖЕЛИ ВСЁ ЭТО — ПРАВДА?

— Не надо, пожалуйста.

Шумный вздох, не то оскалившись от злости, не то скривившись от отвращения.

Ловкое движение — и вдруг из-за пояса достал ствол.

Дуло тотчас прикипело ко мне:

— ТРЯПКИ НА**Й!

Нервически сглотнула слюну. Жуткие за и против...

Растоптана, растерзана, унижена... тобою убита. Уже — убита.

И как далеко ты зайдешь? Хочу я видеть всё. Полностью. Целиком — чтоб знать... за что тебя ненавидеть всем сердцем, всей душой — и жизнь оставшуюся, если она у меня будет, посвятит тому... чтобы тебя уничтожить. Разоблачить — и стереть... с лица земли.

А затем... и самой уйти за тобою.

Поддаюсь... неловкие, натяжные движения — и сбрасываю с себя платье.

Стою, мнусь, невольно прикрывая себя полунагулю.

— И белье, — сдержано.

Секунды перепалки взглядов — и вновь резонное. Если и ослабил перед этим хватку, то снова пистолет смело прикипел ко мне своей уничтожающей бездной.

...покоряюсь.

Шаги его ближе — и буквально едва ли не силой, грубо, болезненно сорвал с меня сережки — швырнул на стол.

— В душ.

И снова взмах оружия.

Устремляюсь в указанном направлении, стыдливо прикрывая руками свою голую грудь.

— А не проще... сразу меня убить? — шепчу испуганно.

Не смотрю на супостата.

Залезла в кабинку (широкую, даже как для двоих; с разными странными приспособлениями и подставками).

— Воду включай, — рычит терзатель.

Дрожащей рукой тянусь к рычагу. Выполняю завет.

Шорох за моей спиной, но недолго.

Забрался ко мне.

Силой за плечи — и к себе лицом.

Прячу взор. Не хочу видеть тех серо-голубых озер, что так безумно любила... а сейчас мне за искры палача.

Но еще скольжение взгляда — и прозреваю.

Он. Пахомов был в одежде. Только обувь снял.

— Это всё? — внезапно... тихое, сдержанное.

Испуганно роняю взор в его омуты, но тут же осекаюсь.

— Ты о чем?

— Ты знаешь, о чем я.

Жгучая пауза за и против. Размышлений, поисков ответов.

Продолжил, не дожидавшись участия:

— Я не хочу тебе делать больно. Давай добровольно.

Трусливо, удивленно, а все же осмеливаюсь посмотреть в глаза.

Протянул руку, выставив ладонь:

— Жду.

И будто прозрение звучит у меня в ухе:

«Они травонули Крякова. Сейчас запоем. Держись, Лиз. Я скоро буду» — слышу, узнаю голос Казанцева.

Мигом дернулась. Глупые попытки — вытащить, выбить микрогарнитуру из ушной раковины.

— Стой, — резво хватая меня за руку, пресекая. Нырнул в карман и достал связку ключей. Не увидела как и чем, но вытащил и тотчас зажал прибор в кулаке.

Шаги из ванной в комнату — положил на тумбу и в момент накрыл сверху устройство бокалом.

Влет ход ко мне, запирая за собой дверь. И снова вплотную. Сильнее сделать поток, шум воды — взор мне в очи требовательно:

— А теперь слушаю, — сдержанно. Привычным, теплым голосом.

...будто и не он только что меня волочил, словно мерзость, рядом с собой, не он на мушке пистолета держал. Перемены еще сильнее полосонули изнутри. Запекли слезы в горле.

Кто же ты такой? Какой ты на самом деле? КОСТЯ!

— Лиза! Время тикает, — раздраженно рыкнул. А дыхание обдает мои губы.

Жалящим шепотом.

Момент — и, вырываясь из плена его тепла, сводящего с ума аромата, сумасбродной близости, вырываясь из страха и непонимания прострации, торопливо, тихо забормотала:

— Операция. Все наши тут. На Мазаева вышли. Крякова хотят взять... и тебя заодно, если удастся вас разболтать. Но у них препарат какой-то... подсыпали. Костя, как ты мог? — взмолилась я на него, давясь горечью... вновь уступая глупым, слепым чувствам. — Еще и трубку не берешь! Я тебе звонила! А ты ни разу... А ведь хотела предупредить!

Заледенел огорошенный, от изумления выгнув брови. Еще миг — и сдался, проиграл нервам: тревожно заиграл скулами.

Сглотнул скопившуюся слюну.

— Это всё? — вдруг жестоко, холодно, колко.

Запекло у меня в груди, взбунтовалась обида.

— Да... — невнятно.

— Выходы перекрыты?

— Да, все.

Скривился.

Внезапно разворот — и дернулся к двери душевой.

— Костя, стой! — испуганно.

Подчинился. Помедлив, с опаской (будто сейчас я что-то... без меры ужасное могу совершить) обернулся.

Не касаясь глаз. Молчит. Выжидает.

Жутко, до безумия жутко... еще страшнее, нежели когда смерть мне дулом пистолета всматривалась в глаза. Ничего уже не знаю, не понимаю: что, как и... почему. Но чувство, что вот этот миг — миг невозврата. Упущу — и больше никогда... ни за что, ни при каких обстоятельствах мне не вернуть будет мою сказку, моего... Пахомова. Вот тот миг — когда уступи трусости... или сомнениям — и больше ничего в жизни не будет. Пусть демон, пусть двуликий. Но это он — мой единственный, живительный источник... источник кислорода, хоть и губительный... как наркотик, ведущий в рабство и забвение, яд. Тот человек, с которым упиваешься настоящим, искренним счастьем, хоть и болью заодно. Тот, с кем в паре — действительно... живешь, пусть и умирая.

— Прости меня... — выстрелом.

Округлились его очи. Казалось, молнией пронзили мои слова. Позорно утопаю я в его голубых, бездонных океанах, окончательно идя, стремясь на дно.

— За что? — словно скрежет металла. Осиплым голосом: смертник вымаливал пощаду. Виновато, устыжено опускаю взгляд.

Разъедающие душу и плоть секунды сомнений — и самое важное, как на духу.

Глаза в глаза:

— За всё.

Сверлю молитвой.

И вдруг ход Кости: полуоборот меняется на полноценное участие.

Рублю поспешно, резво я и окончательно, разрывая вервие гильотины над своей шеей:

— Я не должна была тебя прогонять... Прости меня... — жгучая пауза, заикаясь, задыхаясь, — прости тупорылую идиотку... Не знаю почему... Не знаю, но ты мне... очень нужен, — испуганно зажмурилась я, давась болью.

Терзающие, расстрельные мгновения тишины. Жуткого безучастия минуты-вечность... Кровью захлебнулось сердце. Треснула душа. Жжет в груди дыра — начато самосожжение...

Сухим, мертвым шепотом, склоняя голову:

— Я не могу без тебя... — приговариваю я себя на вечные муки: с тобой, или без... тебя, мой беспощадный истязатель.

Застыли на ресницах слезы — предательская дрожь — и потекли гадкие, обличая меня как самое глупое, мерзкое, жалкое, безвольное отныне существо, раба твоего проклятого.

Вдруг рывок, напор, шум — отчего даже дернулась я в испуге. Широко распахнула веки, жадно выпучила глаза — захлебнулась страхом. Нахрапом ухватил меня за шею, проникая, зарываясь пальцами в волосы, невольно причиняя боль, утопил в благодатной хватке мое лицо. Жадный, больной, запойный, грубый поцелуй, будто к самой душе... свою душу хотел втолкнуть. В момент отвечаю, страшась, что доля медлительности, сомнений может лишит меня самого драгоценного...

Невольный натиск — и повалил на стену. Струи горячей воды коснулись нас, помчали по коже... жаля своим палящим зноем: лицо, губы... временами даже прорываясь в рот, едва

мы делали рывками вдохи; плечи... грудь, ягодицы — будто вторя блаженным касаниям, ласкам... сладкому блужданию рук Пахомова, что то и дело меня голодно, властно сжимал за плоть, дразня, пробуждая, накаляя потаенные, древние инстинкты, рождая из жажды — страсть.

В момент скользнула я по его торсу, ныряя к лацканам рубашки: стаскиваю, едва не разрываю одежду на нем. Поддается. А затем и вовсе впиваюсь пальцами в бляху его ремня. И пока мой деспот творил свою бесстыдную феерию, доводя меня до протяжных, вожделенных стонов, я вершила свой суд.

И вдруг пиликанье. Тихое, но пронзительное, рвущее плену в сознании.

Тотчас дрогнул, дернулся от меня Костя.

Резво толкнул в сторону, отчего буквально слетела, рухнула я на пол.

— Они здесь, — прорычал.

— Кто? — растеряно я, шепотом.

Не ответил. Лишь:

— Не вставай! — приказное... — И уши закрой руками.

Зажалась покорно в углу я, подмяв под себя колени. Ладонями исполнила веление, веря своему захватчику: как спасителю, как учителю, как господину...

Притиснулася спиной вплотную к стене Пахомов.

Щелчок замка: за паром, мутным пластиком душевой кабины и не видно... кто, что, сколько.

Но вдруг тихий повторяющийся свист, глухие стуки — и враз дверь изрешетилась — а напротив стена усеялась созвездием дыр, разбивая, кроша плитку. Зажмурилась я жадно, скрутилась сильнее, глупо прячась от режущих, кусающих плоть осколков.

Зажал курок и Пахомов — громогласные, оглушительные выстрелы, разрывая лживую тишину не менее беспощадным... перезвоном клекочущей смерти.

Глава 20. Отступничество

Глава 20. Отступничество

— Не вставай! — приказное... — И уши закрой руками.

Зажалась покорно в углу я, подмяв под себя колени. Ладонями исполнила веление, веря своему захватчику: как спасителю, как учителю, как господину...

Притиснулась спиной вплотную к стене Пахомов.

Щелчок замка: за паром, мутным пластиком душевой кабины и не видно... кто, что, сколько.

Но вдруг тихий повторяющийся свист, глухие стуки — и враз дверь изрешетилась — а напротив стена усеялась созвездием дыр, разбивая, кроша плитку. Зажмурилась я жадно, скрутилась сильнее, глупо прячась от режущих, кусающих плоть осколков.

Зажал курок и Пахомов — громогласные, оглушительные выстрелы, разрывая лживую тишину не менее беспощадным... перезвоном клекочущей смерти.

Палящие, изуверские секунды обрекающей, обличающей тишины. Движение Кости. Взвизгнула дверь, сопротивляясь, на обломки налетая, что скопились в направляющих.

С опаской шаг наружу.

И вдруг резво, командой прогремел его голос:

— За мной!

Тотчас подчиняюсь. На коленях по грязному полу, по осколкам, невольно рассекая плоть до крови... выползаю наружу. Попытки встать окончательно, выровняться на ногах — как вдруг жуткое прозрение. Наш убийца... лицо знакомое, до боли, до дрожи. В момент рухнула я рядом с ним. Потянулась невольно рукой, будто выискивая в очередном мертвом зазеркалье выбор для грядущего.

— НЕ ТРОГАЙ! — яростное, с испугом.

Силой ухватил меня за руку Костя и потянул на себя.

Сопротивляюсь импульсивно:

— Это Серега! Науменко! — отчаянно завопила, завизжала я, словно ополоумевшая. — Серега наш!

По щекам потекли жгучие слезы.

Распятый прозрением, все же не отступает Пахомов:

— ТЕМ БОЛЕЕ! — железной хваткой впился в запястье и дернул на себя.

Словно куклу тряпичную — к душу. Схватил свою, сбившуюся от потока воды в углу, мокрую рубашку, выкрутил и тотчас протянул мне. Приказное:

— ОДЕВАЙ!

Стою, огорошенная. Ничего не понимаю: только жуть колотит гвоздями сознание, вторя больным эхом совсем иные мысли: Серега! Науменко! Как так? А ведь стрелял! Стрелял же!..и в меня заодно. Но за ЧТО?.. ЗА ЧТО ТАКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?

Шаг ближе — и силой ухватил меня Костя. Словно дитя малое, живо одел, набросил одежду мне на плечи — и, не возясь с пуговицами, в момент вцепился в запястье, обвившись путами, потянул за собой, рванул на выход.

Оружие наготове.

Пристальный взор по сторонам.

На лестницу — чуть ниже на этаж, и по коридору — в чей-то номер.

Взвизгнула испуганная "постоялица", прикрывая свою наготу и судорожно прижимаясь к мужчине (что лишь ошарашено, обомлев, наблюдал за жутким вторжением).

— ПИКНИТЕ — ЗАВАЛЮ! — рывкнул Пахомов.

Бег к окну — открыть оное и выбраться на широкий выступ, пуститься вдоль по парапету.

Темно на улице. И лишь ржавые струи света от фонарей дают возможность нам, безрассудным эквилибристам, балансировать между жизнью... и смертью, между прошлым... и так нещадно, до пугающего переменившимся, будущим. Но даже не так страх сейчас от происходящего меня душил, не так боязнь за себя разрывала сознание, как неоспоримо-оспоримая, невыносимая, пронзающая до дрожи, картина: Сереги... Науменко больше нет, и он — предатель.

Еще шаги едва ли не вслепую за пеленой слез, дурмана и отрицания — как внезапно, ухватив меня за поясницу, Костя вмиг толкнул вбок. Взвизг мой отчаянный — сорвались в шальную пропасть. Мышцы сжались в теле от ужаса; сердце буйно заколотилось, затрепыхалось в груди, переходя, казалось, уже все дозволенные бешенства грани. Секунды — и колкое, пружинистое приземление (грохоча приговором "жить"). Испуганный взгляд метнула я около, пытаясь хоть как-то в этом сумасброде, в панике, в спрессованной до жестокости и протрации истерике опередить, познать, впустить в мысли истинность происходящего. Мусорные баки, в которые едва ли не с головой мы нырнули, входя в черные пузатые мешки, местами прорывая их, разрывая на части и погружаясь целиком в отбросы, обо что-то режась, стесывая, сдирая кожу до крови.

Но не дает даже упиться отвращением или жалостью к себе, осознать, что опасность позади, как снова силой хватает меня Пахомов, отрешенную, и тащит, волочит, будто чемодан, за собой.

Выбрались наружу и перебежкой (босой, по пробирающему стынью до кости асфальту — вторя шпорам холодного осеннего ветра, что иглами вонзающегося в меня, облепленную мокрой, ледяной, не менее разъедающей плоть, нежели всё остальное, рубашкой) — бросились в сторону парковки.

Чей-то автомобиль. Ловкие движения, тихое пиликанье — и поддался угрюмый, спящий зверь.

— Садись! — жестким велением.

Нырнули оба в салон.

Завел двигатель, педаль газа до упора — и рванули долой...

Обгоняя послушных водителей, тормозя лишь на красный, устремились через дворы в сторону окружной, а затем и вовсе — за город, нещадно шины паля, стесывая беспечной скоростью до неузнаваемости и их, и пролетающие виды.

Прошло еще много времени, прежде чем мысли Кости стали ясные, и взгляд рискнул он оторвать от проезжей части.

Дернулся, привстал в кресле, доставая из заднего кармана брюк телефон.

Быстрый пляс пальцев по экрану — и прижал трубку к уху.

Гудки — долгие, нудящие — и наконец-то послышался, сотрясая тишину, что пролегла между нами (и даже тихое урчание мотора — не помеха), голос:

"ГДЕ, Б***Ь, ТЕБЯ НОСИТ?! Че за х**ню ты там наворотил?!" — ошалевшее.

— Да пи***ц! Что там Кряков? — сдержано в ответ Пахомов.

"Да ниче! Завинчивать начал — пришлось вмешаться и распустить притон. А ты какого *** свалил?!"

— Да менты встряли!

"Я уже и сам понял! Цветкову твою признал! Х*я, я спрашиваю, ты свалил с ней куда-то?! И с х** эти г****ны там нарисовались? Кто им вообще санкционировал всё это?! Тряси Пацу, а — своего. Это пи**ец просто! — короткая, видимо, давясь эмоциями, пауза. — Девка с тобой?"

— Да. И там... сюрприз в номере.

"Знаю, с**а! Уже всю его обнюхивают — И НЕ МОИ! И как теперь всё разгребать, а б***ь?!"

— Шева, он нас завалить хотел!

Жгучая пауза удивления — и наконец-то тихое, замявшееся:

"Вас? В смысле "вас"? ДВОИХ, ЧТО ЛИ?! СВОЮ ЖЕ?!"

— Да. Свою! Я сам о**ел. Красивая картина, не правда ли?

"Крыса?"

— Запросто. Нарой мне на него все, что найдешь. И да — Маза у них на крючке, и меня приняли за одного из этих. Цветкова как заложник пошла. Следы затри все, и мы там, когда этажом ниже через окно выбирались, засветились — разъясни зрителям, что к чему. Нас пока не ищи. Тачка — левая. Как улажу все — наберу.

Отбил звонок. Взор беглый, украдкой на меня.

И вдруг дернулся к передней панели. Сдвинул какие-то рычаги, зажал кнопки — мигом раздался шум ожившей печки, вгоняющей в салон сухой, теплый воздух.

— Сильно замерзла? — невольно гаркнул. Прокашлялся. Не дожидаясь, тут же добавил: — Сними рубашку — быстрее согреешься.

— Шутишь? — выпаливаю коротко, удивленный взгляд обрушивая на него тотчас.

Смолчал, не ответил.

Отвернулся, устремив взор в темную, надвигающуюся даль.

Долго ехали, больше двух часов — точно. А там, значит, уже и до границы рукой подать. Что Он задумал? Куда мчим? И что... будет дальше?

Но спросить — и того страшнее.

Свернули с шоссе на грунтовую дорогу — и через лесопосадку в сторону медовых огней на горизонте. Кочками, ухабами — добрались... Невысокий деревянный забор, а за ним — ухоженный, невысокий дом, пастельно-зеленого цвета с белыми, резными оконными наличниками и темной черепичной крышей. Не глуша мотор — выскочил Пахомов наружу, ловко перебравшись через ограждение, отрыл, распахнул ворота изнутри.

И снова за руль — заехали во двор.

— Сиди в машине, — скомандовал мне.

Смирненно закивала я головой. Колкий взор, скользя, пробуя его лицо словно на ощупь, в попытке хоть какие-то выудить истинные эмоции, понять... что у него сейчас на уме, какие мысли, какие решения — и что в итоге... меня, нас ждет после всего случившегося, в том числе — и сего визита.

Выключил двигатель. Взгляд на меня — поддаюсь, отвечаю тем же... Но молчит, изучает, топит себя в сомнениях — а наружу: ни чувств, ни велений.

— Я сейчас, — наконец-то, коротко.

Резво на улицу. Шаги к дому.

Заколотил в дверь.

Но, видимо, уже и без того хозяева всполошились. Так что буквально в тот же миг и заскрипели в тишине позднего вечера засовы, дрогнуло деревянное полотно.

Где-то около получаса Пахомова не было. С кем, о чем говорил — неизвестно.

Да и не это сейчас в голове. Мысли, грохочущие, будто товарняк по эстакадному мосту: Серега. Опять Науменко. Господи, до сих пор не верится... И если бы не собственными глазами узрела, если бы сама не коснулась, не ощутила на ощупь реальность того видения, ни за что бы не поверила: Науменко мертв. И как? Почему? Стрелял в нас! Но все равно: по факту... теперь Пахомов — убийца, мой Костя... И эту тему отныне будут мусолить, а не поступок... Майора...

Чертю что. Но ведь Он точно же знал, знал Серега, сам все слышал: как утащил меня с собой Костя, как заставил раздеться, как в душ отправил... Без шансов: он знал... что я где-то рядом и что я не на его стороне. И вовсе не щадя, не сомневаясь и не пытаюсь меня спасти — расстрелял. ОБОИХ расстрелял. Не запиликало бы какое-то устройство Пахомова — и наша бы кровь там лужу создала, сливаясь из двух сосудов — в одну, бесполезную. Наша — а не его.

Враг? Я — враг?

...или Он — предатель?

И кто еще заодно?

Науменко. Черт дери, НАУМЕНКО! Тот самый... да, ненавидел, да раздражала... да, в какой-то мере презирал. Но... убить? Взять и расстрелять? За что? ЗА ЧТО?

Не мог же Казанцев сдать, раскусить всю нашу игру — ведь даже я... в какой-то момент искренне поверила, что Костя — демон, слетевший с катушек... и то, что он сотворит со мной — сломает меня... навсегда. И тут?

Нет. Не Роман. Он не мог.

Виталя? И Виталик...

Не могли они меня так предать.

...даже если я в итоге... их всех предала. Но не стреляла, и не позволила бы сделать ничего такого и Косте: если бы стал выбор, непременно бы заступилась за них.

А тут?

И его, и меня...

...и нет больше ничего человеческого.

Праведного. Чистого.

Ясного.

Кто теперь свой? Кто чужой?

И какую нишу, место, занимаю я?

Глава 21. Пристанище

Глава 21. Пристанище

Памяти П. О. Ф., Р. О., Ж. А. Ф., А.

а также...

посвящается д. Дребск (Беларусь), д. В. Бобрык (Украина), д. Добровольск (Россия).

Скрипнули петли, дернулось полотно. Выскочил из дома Костя (одетый уже: темный свитер, серые спортивные штаны). Быстрые шаги ко мне ближе — и дернул на себя дверь. Протянул руку — поддаюсь, выбираюсь наружу.

Но едва поравнялась рядом, как тотчас ловкое движение — и подхватил меня себе на руки. Обвилась испуганно вокруг шеи.

— Это что еще? — нервически улыбнулась, заплясав взором от глаз его к губам и обратно.

— Земля холодная... — шепотом.

Робкая, едва заметная его ухмылка.

Разворот — и понес в сторону крыльца.

Шаги по ступенькам, движение, удар плечом — и поддалась дверь. Еще мгновение — и опустил, поставил меня на деревянный пол. Но все еще из объятий не выпускает.

Томные вздохи, сплетение взглядов, и вдруг приблизился, шепнул на ухо:

— Не бойся и не смущайся. Хорошая она. Присмотрит, пока меня не будет.

— В смысле, не будет? — отчаянно. Глаза округлились. Запекло в горле. И пусть знала, понимала, ожидала такой исход — согласиться с ним... уж никак не хотелось.

— Я потом приеду, как немного разгребу всё.

— Пожалуйста, Кость! — взмолившись, едва не плача.

— Лиза... это не обсуждается. Не сейчас. А теперь пошли в дом. Ты и так замерзла, не хватало еще заболеть. И вообще, мне еще ребят нужно вызвонить и сюда пригнать.

— Пахомов! — рычу злобно.

Но игнорирует. Отстраняется и едва ли не силой меня разворачивает к следующим дверям, ведущим уже из сеней... в сам дом.

Дернуть за ручку — и явить в нашу темень блаженный, но такой горький, сулящий скорое расставание, свет.

— Анна Федосеевна, — махнул рукой на пожилую женщину, старушку, в темно-бардовом вязаном свитере, в длинной, до пят, юбке из грубого сукна темно-коричневого цвета, и в белом платке, украшенном ярко-красными с блестками розами. — А это, — обернулся ко мне, — Лиза.

— Очень приятно, — смущенно прошептала я, пряча взор. Руки тут же невольно скрестила на груди, стыдливо прикрывая откровенно постыдный свой вид (благо, хоть застегнула эту... все еще влажную, местами грязную (после мусорных баков-то), зловонную... но любимую рубашку).

— И мне очень, внучка. Будь как дома, — встала с места та — и хоть медленно, неловко, а все же чувствовался ее задор и стремление быть куда собранней и участливее, нежели позволяла ей ее старость.

Пошаркала в комнату. Но на пороге неожиданно замерла. Полуоборот — и устремила на меня добрый, заботливый взгляд:

— Ходи сюда, — махнула рукой. — Я тут кое-что тебе нашла...

— Ладно, разбирайтесь. Я скоро буду, — вмиг, будто на разрыв меня пробуя, отозвался и Костя. Мягко, добро, виновато. — Если что, я во дворе.

— Только недолго, — недовольно буркнула женщина. — А то еда остынет. Эх... знала бы, чего добренького приготовила, вкусенького.

Улыбнулся как-то странно Пахомов. На миг показалось, будто вспыхнул в его глазах... детский, игривый огонек, взрываясь забавой и радостью, вторя чему-то потаенному, быломu, давно забытому... но до безумия приятному и родному.

Ухмыльнулся:

— Постараюсь.

Из дальнего угла, аккуратно сложенные стопкой, достала и протянула мне несколько ситцевых платьев Анна Федосеевна. Всучила в руки, даже не желая слышать мое блеяние, смущенный, нелепый отказ.

— Бери, — добро так, улыбаясь, но с напором, гаркнула та. Взмахнула освободившейся рукой. — Всё равно... струхнут. Сколько времени и так пролежали... без дела. Куда они мне? От невестки осталось. В свое время, как приезжала, в прок запаслась да оставила. А потом и забирать отказалась: сказала, немодное более... и в городе так больше не ходят. Не знаю, модное — не модное: удобное, целое, опрятное — а что еще от одежды желать?

Невольно рассмеялась я столь странному, но четкому и верному суждению:

— Благодарю.

— А эту... снимай, — кивнула на меня. — Давай замочу, а завтра постираю — и будет, как новая.

— Да ладно Вам, — смущенно залилась я краской. — Я сама... Вы только покажите мне... что да где.

— Ой, ну полно, внучка. Чего ты... как не родная? — огорошила меня откровением, отчего я даже поперхнулась своей слюной.

— Не хочу быть обузой.

— Обузой? — удивленно, шумный вздох. — Нашлась мне... обуза.

Загадочно, добро как-то улыбнулась старушка:

— Ладно, не буду отвлекать. Если надо, ванная — там, — махнула куда-то в сторону сеней рукой. — А так... переодевайся — и в кухню иди. Накроем на стол — да хоть поужинаете. Правда, я ничего такого особого не делала. Но можно солонину открыть... Баночку помидоров... Пусть только в кладовку сходит, сам выберет и принесет. А вообще, сейчас по-быстрому лучше бульбу сварю. Да шкварок нажарю... Костик их очень любит, — забормотала задумчиво себе под нос, уже отвернувшись и пошагав в смежную (меж сенями и этой залой) комнату-кухню. — А то супа мало, макароны охололи давно... да и глизовые какие-то в этот раз получились...

— Во-от! — радостно хлопнула в ладони старушка, завидев меня на пороге в бежевом, цветастом (усеянном мелкими бледно-красными розочками) летнем платье (чуть ниже колен, с широкой юбкой-колокольчиком и скромным вырезом на груди). — Какая красота! Как влитое село! Еще завтра поищем, что там у меня схоронилось: тужельки тебе найдем, да

сапожки. Да, может, еще что из ее вещей, или что из моего подойдет. А то... осень уже на дворе — как бы не застудиться. Хотя вон, моя куртка точно должна быть в пору — и чистая она, как новая, я в ней только в магазин и хожу, да и то редко. Так что... не переживай: оденем, обуем — и всё: хоть на танцы смело!

Пристыжено рассмеялась я, пряча взор.

— Ладно, — ухмыльнулась Анна Федосеевна, — присаживайся. Чего стоять? Нет правды в ногах. Отдохни. Или хочешь — походи, осмотришься, али чаю завари. А я сейчас побыстрому уже бульбу дочисти да варить поставлю.

— Давайте я лучше Вам помогу! — счастливая, что хоть какой-то толк от меня может быть, тут же кинулась к ней.

Улыбнулась женщина:

— Ну, коли хочешь... то чего б и нет?

И пока на плите бурлил кипяток, а в чайнике — вода догоняла оно до писка, я глядела за окно, в полумрак. Ходил, бродил, наворачивал лихорадочно круги Костя, с кем-то долго, тревожно, то и дело, что срываясь на крик и гневные жестикуляции, разговаривал по телефону.

И вот оно — выдох. Спрятал аппарат в карман. Присел на скамью — взор бесцельно около. Замер — уставился на авто, а затем, словно почувствовав, резко обернулся. Вмиг наши взгляды встретились. Тотчас пристыжено опускаю, прячу очи я. А затем и вовсе отворачиваюсь.

Но буквально короткие минуты — и скрипнула дверь: сначала в сенях, а затем в хате. Застыл на пороге растерянный Пахомов. Взор около.

— О, Костик! Сходи в кладовку! Достань, что будете есть: помидорки, огурчики. Может, варенье какое сразу к чаю присмотри. И солонины баночку... Добрая, поди, должна быть.

— Хорошо, — задумчиво закивал головой. И вдруг взгляд на меня обрушивает. Пристально сверля: — Лиз, иди сюда. Разговор есть.

В сени — а там сбоку еще одна дверь. Огромное помещение, которое сложно так с ходу... "кладовкой" назвать. Высоко, крепясь на стропила, был протянут кабель, на конце которого свисала голая, будто груша, лампочка, источающая рыжий, ленивый свет. Но этого было достаточно, дабы окинуть все взором — и поразиться просторам, не побоюсь сего слова, "амбара". Почти сразу у входа стояла огромная деревянная лестница, ведущая на самый верх — чердак (с которого, кстати, даже сено торчало). Чуть дальше — комод, огромный деревянный сундук. Еще ход — и шкаф (с перекошенными створками). Кровать (!) ... гигантская, полностью деревянная... но голая — без перины. Ее использовали сейчас как склад, подставку. Еще чуть в сторону — и целая вселенная стеллажей, заполненная, заставленная просто, казалось, бесчисленным количеством как мелких (пол-, одно-), так и больших (двух-, трех-, пятилитровыми) банками с разного рода консервацией. И если помидоры, огурцы и перец, как и солонину с засоленным в других банках салом, можно было признать — остальное же... только по надписям и рассекретить.

И года... везде учтиво указаны года. И не факт, что где-то... что-то здесь да не застоялось: с приличной такой "выдержкой" сокровища. Ведь если платья... "выйдя из моды", навсегда остались мертвым грузом шкафа, то это — тоже, вполне... может быть

грустным памятником трудяги... потонувшего в одиночестве, в привычке и в обреченности, в собственной ненадобности... Ведь как-то никто не спешит являться в сей дом, помимо нас, шальных странников. Как и сама хозяйка: судя по реакции и словам, давно уже не ждет гостей...

— Лиз, — несмело ухватил меня за руку Костя и заставил обернуться, встретиться с ним взглядом.

— Да? — взволнованно. Тотчас заколотилось, затрепыхалось мое сердце в груди, сгорая из-за целого всплеска, взрыва чувств: начиная от завораживающих ощущений из-за столь волнующей близости с Пахомовым, и заканчивая страхом, предчувствием... жесткого, отнюдь неприемлемого для меня... неминуемого решения.

— Мне надо уехать.

Так, да? И сразу... выстрел. Вмиг зажмурилась я болезненно, силясь удержать на ресницах слезы, что предательски в момент проступили на глаза.

— Зайка, — еще сильнее, больнее пронзил меня звуком, отчего даже писк я уже не в силах была сдержать. Вмиг обнял, прижал к своей груди — невольно уткнулась носом своему изуверу в шею.

Позорно всхлипнула:

— Пожалуйста, не бросай меня, Костя!..

— Котик мой. Я не могу. Ты же сама видишь, знаешь... что заварилось что-то жуткое, странное... очень... очень странное. И ты не в безопасности... Я старался... — жгучая пауза, и вновь, торопливо, отчаянно принялся оправдываться: — Ты прости меня... прости за всё-то, что я там творил. И за грубость, слова, поведение... Зай, но я... для тебя старался. Прости... Я хотел тебя уберечь... от твоей же глупости. Но... честно, не понимаю. Где облажались? Как раскусили? Или какая другая причина всему тому... Черти что. Но я докопаюсь, приведу все хоть в какой-то... терпимый вид — и вернусь. Федосеевна присмотрит за тобой. Она хорошая женщина, добрая. Верь ей, слушайся... прошу. И ребят приставлю: сейчас дождемся их — и все будет в норме. Но, прости... я не могу остаться, — силой немного назад подал, от себя отстранил. Глаза в глаза. Провел по волосам руками, обмер так, ухватив, утопив мое лицо в своих ладонях. Сверлящий, пристальный, манящий взгляд. — Ради твоего же блага. Нашего... пожалуйста, доверься мне. Уступи... И зла не держи. Я же не знал... Даже если какая-то ошибка. Не я бы его, так он бы нас пристрелил. Понимаешь?

Колкие мгновения тишины, его немой мольбы — и поспешно, лихорадочно закивала я головой.

— Я не знаю... почему он так поступил, — шепчу невнятно. — Да, ненавидел меня... Хотя, скорее, просто раздражала... бесила. Но... не думаю, что уж так сильно я ему дорогу перешла. Чтоб вот так... сначала согласиться так просто на мое участие в операции, а затем — прийти... и хладнокровно застрелить. Я не понимаю... И даже если Роман догадался... не думаю, не могли... нельзя так! — отчаянно, горько (невольно закатила глаза под лоб, давясь очередным приливом шальных соленых потоков).

— Что за Роман? — поспешно вклинивается, перебивает мою тираду.

— Начальник операции, — сглотнуть и тотчас невольно прокашляться. Шумный вздох. — Казанцев, майор, из соседнего подразделения, — немного помолчав, решаюсь добавить, открыть всю правду. — Но он... и есть тот самый осведомитель, что инфу на тебя искал. Я, правда, уверила его в том, что ты не знаешь, кем я нынче работаю. И что

разошлись... врагами, и отомстить хотела. Но...

Вдруг рассмеялся добро так, снисходительно, будто над наивной дурочкой потешаясь:

— Хорошо, зай. Я все узнаю. Если на что интересное наткнушь — сообщу. Но ты нос не высовывай. С родителями — даже и мысли не допускай связываться. Я присмотрю за ними, чтобы им ничего не угрожало... и вообще, по мере возможности, надо, чтоб они ни о чем не узнали.

— Но они будут переживать, что я исчезла, станут искать.

— Я придумаю, как их успокоить, — тихо, мерно, будто убаюкивая.

— Инна! — словно осенило меня.

— Что Инна?

— Подруга моя. Можно обыграть, будто я к ней поехала. Что она рассталась со своим очередным парнем... ну и мы... — пристыжено ухмыльнулась я, пряча взгляд.

— Че, в запой ушли? — ржет неожиданно, еще сильнее сжав меня в своих объятиях.

Захотала, не сдержалась и я, усовещено:

— Нет, но... так... немного поквасить, а потом моральная поддержка — и пошло поехало. Я отзвонюсь — и объясню.

— Не надо, — вдруг резко, перебивая. — Ни звонить, ни писать, ни как-либо еще себя выдавать. Для своих ты должна быть заложником. Понимаешь? Пусть так все и остается. А что с твоими родителями делать, дабы... на нервах ничего плохого не натворили, я придумаю. Но это... сейчас не главное. Сиди тихо, не высовывайся. Дождись меня — и тогда уж никому не придется ни о чем переживать. Не наломай дров, я тебя умоляю. Хорошо? Лиз... — отчаянно протянул, будто взывая к остаткам мудрости внутри меня, пристально всматриваясь мне в очи.

Стыдливо рассмеялась я. Чувствую, как уже краснею, будто ребенок под напором мягкого порицания, заботливого воспитания своего опекуна.

— Постараюсь.

Заржал:

— И чего только тебя твой батя... или в милиции научили? "Так точно. Разрешите приступить к исполнению", а не... "постараюсь" — гогочет.

Захотала и я, совсем уже запылав от обескураживания:

— Может, тебе еще и честь отдать?

— О, да-а, — внезапно двусмысленно, пошло как-то протянул, и тотчас приблизился к моему уху. Едва не касаясь меня губами, обдал дыханием, разливая перезвон шепота (отчего враз истомлено зажмурила я веки): — Я только за... И я уже давно готов.

— Дурак ты!.. — пристыжено рассмеялась я.

— Почему же сразу дурак?.. — хохочет тихо, сдержано. А затем и вовсе приблизился своими губами к моим. Дразнит, манит теплом, жаром своим, но сам не на что не решается.

— Но не здесь же, — смущенно рычу, а сама уже изнемогаю от жажды под его палящим солнцем. Молчит, дразнит, своим безучастием ломая, кромсая меня, будто мачете рубя. Отчаянно борюсь: — А вдруг она зайдет?

— Не зайдет, — поспешно, радостно отозвался. — Она же не маленькая, и не глупая... Догадается... почему мы так долго консервацию выбираем.

Смеюсь пристыжено.

А Пахомов мой... дыханием так и ласкает меня, будто поцелуями. Вот-вот не выдержу — и малодушно застону под этим жутким, сводящим с ума, напором.

— Ну, тогда... расстроится, что еда остынет, — догораю я в полной капитуляции.

— Ли-из, — опечалено, болезненно протянул, переменявшись в голосе. — Ну, какая еда? — горестно. — Я не знаю, когда тебя следующий раз увижу... а ты "еда"...

Вмиг разыгралась, взвыла внутри меня буря, кромсая отчаянием:

— Так не уезжай. Пожалуйста... — жалобно, взмолилась я; короткая пауза, — или давай... за границу уедем. Бросим всё...

— Ты серьезно? — полосонул резкостью, взрываясь в удивлении.

Распахнула веки я: глаза в глаза.

— Да... — тихо, неуверенно, но упрашивая. — Сам же говоришь, что... черти что творится. И Серега... Всё это ляжет на тебя. Ладно, заложница — я всё объясню, исправлю. Но майор милиции! Костя! Что нам будет за это?.. — растеряно; жгучая пауза. Добиваю: — Давай уедем, пожалуйста...

— Я разрулю, — приговором. Черствое, жесткое. Уверенное. — Ладно, — шумный вздох, — еда, так еда, — внезапно, огорошивая меня еще больше, произвел очередной словесный выстрел.

Бойко схватил с полки первую попавшуюся банку — разворот и, вцепившись в мое запястье свободной рукой, будто кандалами, потащил меня за собой на выход.

— Ко-остя! — жалобно, отчаянно, стгорая от боли, заныла, завыла я, окончательно осознавая всю обреченность, ужас ситуации.

Но не отреагировал. Ничего не сказал. Даже не замедлил ход.

И снова деспотичное... беспрекословное веление.

— А чего только огурчики? — всполошилась старушка. Взволнованный взгляд то на Костю, то на меня. — Там помидорки хорошие есть. В этом году закрывала. Не нашел, что ли? — отчаянно.

— Да всё хорошо, — невольно дрогнул его голос, повышая тон, но тут же осекся. — Нормально. Так съедим. Да и... времени в обрез. Сейчас товарищи приедут — и мне уезжать будет пора.

Шумно вздохнула Анна Федосеевна, печаль исказила ее уста, но ничего не ответила. Лишь расстроено опустила голову, продолжив насыпать в тарелку картошку.

— Сковороду с плиты сними, пожалуйста, — словно очнувшись, тотчас подвела очи и уставилась она на Пахомова. — И подставку там, около грубы найди.

— Давайте я, — поспешно вмешалась, сорвалась на ноги я и бросилась в указанном направлении...

Ели молча, не смотря даже друг на друга. Лишь только томные, тяжелые вздохи... нарушали болезненную тишину.

Прошло не больше часа, как вдруг под воротами кто-то издал короткий гудок.

Живо среагировал Пахомов (отрываясь от просмотра телевизора): обуться, набросить на плечи куртку. Взгляд через плечо на меня, моющую посуду:

— Из дома не выходить. Если что — сам позову.

Только за порог. Как тотчас бросаюсь за ним:

— Костя! — отчаянно.

— Да? — обмер, недовольно скривившись.

Секунды сомнений — и отваживаюсь:

— Ты же придешь проститься? — испуганно.

Удивленно вздернул бровями:

— Я с тобой не собираюсь прощаться.

— Ты понял, о чем я! — гневно, болезненно, торопливо.

Скривился:

— Да. Зайду...

— Че, Харлей? Вляпался? — слышен смех во дворе. В ленивом свете фонаря, да и так — голос знакомый узнаю: Шевелёв. Дружески похлопал по плечу моего Костю. — "А почему со мной такого не бывает?! Головой надо думать, а не *опой!" — паясничая, шутливо перекинул своего товарища тот.

— Иди на**р, — рассмеялся пристыжено Пахомов и вырвался из его хватки. — Думай давай лучше, че делать будем, как дер*мо это разгребать.

— Да че тут думать? Колька и Женек присмотрят. А тех — за я*ца да в тиски — быстро запоют. Главное, что засветились — и вы живы остались. Остальное порешаем...

— Порешать, то порешаем! — раздраженное, едва ли не криком. — Только весь гнойник надо там выковырять... а то, едва расслабимся, в спину засадят.

— Ну, это да. Че там Цветкова?

— Да держится...

— Ну, она хоть не за них?

— Шутишь? — удивленно, с укором.

— Ну, мало ли... свои же... вроде как...

— А свои в своих стреляют?

— А он точно знал, что она там?

— ТОЧНО! Прослушка шла полным ходом. И не думаю, что мимо ушей этого Майора.

— Запись надо будет достать.

— А наша че?

— Че? Ты как ушел... по тебе ничего и нет! Только по Крякову, Мазе и по телкам.

— А Мазаев че, не догадался?

— Да никто ни о чем не догадался! Всполошила только стрельба... и труп организовавшийся. Гавриков твоих нашел, беседу разъяснительную провел — молчать будут. А в остальном... Ну, ты конечно... обязательно ее было по коридору тащить силком?

— А че, камеры?

— Ну, да... есть отрывочек из лифта.

Немного помолчал:

— Ну, я на то и рассчитывал, по сути. Не думал же, что все зря: что пути обратного у нее не будет. Надеялся, что переиграю, разужнаю все и красиво солью.

— А слили вас... — задумчиво добавил Юра.

— Ага... я даже о**ел, когда она сказала, кто это. Отличный поворот, будто без того нам было скучно... и всё лепилось связно. А теперь... как бы и свою операцию не похе*ить, и из этого г*вна толково выбраться.

Скрипнула дверь. Замер на пороге Пахомов.

Немного замялся, скривился — и наконец-то кивнул, подзывая.

Спешно подчинилась я (сорвавшись с дивана). Анна Федосеевна лишь взгляд бросила на

Костю.

Замереть вплотную. Покорно склонить голову — и ждать вердикта.

— Ребята... в доме напротив будут. Здесь с вами — много палева сразу, а потому решили так. Ничего не бойся. Если что — сразу к ним. Кто бы, что бы... лишних в дом не пускать, дверь не открывать, на звонки не отвечать.

— У меня и телефона нету...

— Ты поняла, о чем я. Никакой связи, никакого общения — пусть даже, не знаю, планета загорится... — тише воды, ниже травы. Приеду, как смогу. Лиз, — внезапно переменялся его голос со сдержанного, мерного командования на чувственный.

Резко устремляю взгляд ему в очи:

— Что?

Сверлит, вглядывается. Казалось, в самую душу желает проникнуть своим взором:

— Береги себя, умоляю. Если не ради меня, не ради себя... то хотя бы ради своих родителей.

Обмираю, пронзенная услышанным.

Короткие мгновения — и решаюсь в ответ:

— А ты? Будешь беречь себя... ради меня?

Внезапно склонился ко мне ближе. Едва ли не касаясь своими губами моих:

— Постараюсь. Лизунь... я вернусь, как только смогу. Как только хоть чуть-чуть прояснится. Но сама понимаешь: меньше катаюсь — меньше знают. Тут и так, тачка эта левая... как бы сюда... никого не привела. Но я за этим прослежу — не переживай, — немного помолчав. — Потерпи, котенок. И всё у нас будет хорошо...

Уехали. Костя — на этой, угнанной. Шевелев — на своей.

А двое, которые приехали вместе с Юрой, — исчезли в темени соседнего двора.

Глава 22. Потаенное

Глава 22. Потаенное

Уже лежала в кровати, и мысли в очередной раз пыталась силой разогнать, дабы впустить, уступить сну, как вдруг скрип, шорох, стук на улице. Раздался лай соседской собаки.

Всполошилась я. Тихо, осторожно, дабы не разбудить Анну Федосеевну, тотчас встала и подалась на кухню, к окну — прикипела испуганным взглядом к непробудной темени. И даже луна, что временами все же выглядывала из-за туч, не давала возможности разглядеть, что там происходит на самом деле. Как и свет фонаря: он давал обзор лишь вблизи этого дома; чуть влево, чуть вправо... или же даже вперед, где и обитали нынче наши защитники, — и все, хоть глаз выколи... ни черта не видно... и лишь догадки и надежда в помощь.

И вдруг шорох, шарканье за спиной. Обернулась я — неспешные, в меру возможностей, шаги старушки ко мне ближе. Криво улыбнулась она — скользнул по ее лицу луч лживого солнца.

— Колька это. Сосед наш. Опять пьяный домой вернулся. Переполох навел — а собака, то ли мудрая, то ли глупая псина, никогда его любила... Вот и гавкают друг на друга постоянно: она — ночью на него, а он — днем на нее... Потому не переживай. И спать иди ложись. Ночь, она на то и ночь, чтобы спать, сил набираться. А то кто знает, что нас ждет с рассветом, что день принесет. Костик сказал, что приставил своих ребят присматривать за домом, за нами — значит нечего бояться. По крайней мере, заранее. Пошли, — несмело коснулась моей руки, ласково погладила по плечу. — Не стой столбом. Не пугай соседей. Да и Бога не гневи.

Пристыжено усмехнулась я таким странным суждениям. Подчинилась.

Шаги опять едва ли не на ощупь, иногда все же да врезаясь в мебель.

Легла я на кровать. Анна Федосеевна — на свой диван.

Обмерли мы обе. Тихие, мерные вдохи.

Но в голове моей — мысли... снегопадом, засыпая поспешно одной другую, и образовывая тем самым целую лавину сумасбродства.

— А Костя... кто он Вам? — осмеливаюсь на один из самых важных, что до безумия уже затерзали меня, вопросов.

Молчит женщина, хотя слышу — дыхание ее переменялось. Стало более тяжелое, сбитое. Не спит.

— Внук? — рискую предположить... или дать возможность красиво выпутаться. Солгать.

Жгучие мгновения ее внутренних рассуждений, каких-то за и против — и ответила:

— Внук... Хоть и не по крови, а все же — внук. Ванечку когда-то моего спас. Вместе они всегда были: и дружба, и служба. И вот однажды... Костик его от смерти спас. Он его всегда братом звал... по духу, потому, не задумываясь, на себя его участь и принял. Всего изрешетили, подонки, а Ваньку — лишь слегка задели: тот на него упал и собой закрыл, как щитом. Думали, сволочи, всё — справились. Так и бросили их на том же месте — посреди голого поля. Вот Ваня потом и тащил на себе Костю до города. Операции — одна за другой.

Кома. Ирина... невеста тогда у него была. Та еще... девица. Красавица. А внутри — пусто. Так к нему ни разу и не пришла. Только Ванька да я и крутились вокруг несчастного. И аж пока не очнулся, бедолага. И не стал у нас допрашиваться... где она, что она. Чуть ли не силой Иван ее тогда привез. Засрамил и притащил. Не знаю... что Костика так держало рядом с ней. Чего тянуло? Наверно, и сам не знал. Но сразу было видно: не лежит ее душа к нему, нет там любви — одно только... пользование. Как вещью. Но слепой, дурной... ничего ни слушать, ни понимать не хотел. Кричал, что любит безумно, жить не может, всё простит... Жениться хочет. Женился... Хлопца родили — а счастья... так и не нашли. Ушла она от него — в очередной раз хвостом вильнув. Костик же, как и Ванька, долг и честь — превыше всего. Семья, достаток, жизнь — всё на второе место ставили, хотя вслух об этом признаться боялись. Так и поплатились потом: один — первым, второй — последним. Костюши тогда не было рядом. Иван вляпался во что-то, но брата в этот раз за собой потащить не захотел, пожалел... побоялся. А потому и не признался ему. Так потом и вывезли балбеса моего в лес... и расстреляли. Долго его Костя искал. Очень долго — все руки опустили, а он — нет. Не мог смириться. Верил, до последнего верил, что еще может помочь, спасти. И меня постоянно успокаивал, поддерживал. Заботился. У них у обоих... родителей рано не стало. У Ваньки — белая горячка отца, сына моего, забрала, хотя еще молодой был, лобуряка. А мать — почти следом ушла: болезнь сердца скосила. У Костика же: отца не знал никогда, а мать — убили. На остановке стояла — и пьяный водитель влетел прямо в нее. Это были 90-е. Тогда много народу погибало, или просто без вести пропадало. А потому... никто никого... особо не искал. Если это не давало какую-то прибыль — особо силиться никто не хотел. Так дело и осталось нераскрытым, а убийца — ненаказанным: свидетели замолчали, а слова тринадцатилетнего мальчика ничего ни для кого не значили. А ведь все произошло у него на глазах... Дальше — детдом. Пыталось несколько семей Костюшу усыновить — да сбегал сразу. Боялся к кому-то привязываться, к себе подпускать, доверять. Так оно у него по жизни и пошло: из близких остались только Игорек, сын его, и я — и то, навещается ко мне раз в год, на день рождения Ваньки... Хотя и на том спасибо. О здоровье справляется да денег дает, по хозяйству помогает, если что надо: вон, весь ремонт за его счет... мебель... газ провел, отопление, воду в дом, канализацию сделал — всё, как в городе. Даже ванна своя, и тоже в доме, стиральная машина модная... и холодильник двухкамерный — живу, как богачка, — тихо рассмеялась пристыжено себе под нос. — Врал, конечно, по началу, чтоб я не отказывалась от всего, что государство за все это платит... как за погибшего — все же на службе Ванька был, она его под черту подвела. Но я узнавала, да и так ясно, глупая бабка — глупая, да не настолько, чтоб верить в такие сказки: чего это вдруг — старухе... да за внука, хоть и опекуном когда-то фактически была, и к тому же постоянно? Да, семьи у него не осталось, но все равно... Нет тела — значит и беды нет. Потом и Костя уже сознался, когда в лоб спросила. Но упрашивал... что так ему и Ваньке спокойнее будет. Говорит, что тот видит нас, все слышит — и не простит, если бабку их старую без заботы оставит. Вот и поддаюсь... хотя нет-нет, да копеечку коплю — ему самому когда-то пригодится... Да и чтоб хоронить меня было за что. Вот ты теперь знаешь — если что, подскажешь, расскажешь, посоветуешь — а я только и рада буду, если смогу вам, хорошим моим, помочь.

Шумный вздох. Тяжелая, гудящая тишина, глодая сознание.

И вдруг снова отзывается Анна Федосеевна:

— А Ваньку он потом нашел. Возможно, конечно... это и не он там схоронен. Кто ж

теперь точно узнает: не тревожить же его останки. Однако... нашел. Уверен, что нашел. Убили его в лесу — и бросили там, среди бурелома. А охотники шли — наткнулись. Вызвали милицию. Ну, те и оформили как бездомного, чтоб меньше проблем было. Похоронили неизвестным. Долго, очень долго мучился, искал Костя. Пока клубок весь не распутал. Сказал, вышел на тех, кто все это заварил... Кто сделал такое с моим, нашим мальчиком. Сказал, что Закон их покарал... и чтобы я не переживала. Признались они, что, где и когда. А дальше снова ниточки — и так, пока могилку не отыскивали. Далеко отсюда... а потому, как в гости приезжает Костя, так и возит меня туда. Раз в год... с Ванечкой моим у нас встречи. Но хоть так. Уже проще — чем незнамо где и как, да неухожено. А тут внучок памятник ему гранитный, большой, красивый поставил. Ванька молодой на той картине... веселый: таким же шутником вечным был, как и Костик... Вот и застыл в вечной улыбке на камне навсегда... Рядом сосенку посадил, оградку сделал. И место мне там, по моим слезным просьбам, отыскал... неподалеку прикупил. Чтобы я... хоть потом была рядом.

...Хотя всё равно жду. До сих пор жду: иногда скрипнет дверь, а я к ней — думаю: он, внучок мой вернулся... Но нет: то ли ветер, то ли кот в злую шутку играет...

Но хоть Костик у меня остался. Да Игоречек. И теперь еще ты появилась... Детки мои На старость лет хоть для одного... счастья дождалась.

Обмерла я, не дыша... стыдясь сознаться, что та очень даже может ошибаться: ведь даже мне доселе неизвестно, как действительно относится ко мне Пахомов.

— Любит он тебя, — словно гром, словно молнией пронзая, внезапно вновь заговорила старушка, будто отвечая на мой немой вопрос, будто мысли мои читая. — Очень любит. Потому прошу, слезно прошу: береги его. Это с виду он такой... сильный, черствый, вечно веселый и жизнерадостный. В душе же — мягкий, уступчивый, неконфликтный, ранимый. Добрый... и грусти внутри у него хватает. А потому нужна ему забота, ласка... и тепло. Береги, прошу. И не будь глуха, как Ирина. Вечно она на него только и сетовала: то денег мало, то внимания, то радости в жизни. Ну, ушла. Нового себе жениха завела — лучше стало? Не думаю. Внутри себя надо прежде найти покой, а не по сторонам... искать, ждать, что кто-то прибежит и принесет безвозмездно на блюдечке счастье. Костя сказал, что развелись всё-таки. А я и рада. Честно, рада. Да, жаль Игорешу, но Костик его не бросит. Никогда. А жизни — с той барыней... не было бы однозначно. Только бы все рыдали взахлеб, да души себе и другим изматывали. А так... дали друг другу шанс... — немного помолчала. — Вот тебя повстречал...и снова ожил. Гляди, все хорошо у вас будет. Все же верится мне так. А прошлое — на то и прошлое, чтоб опыта дать, мудрости... не повторять старых ошибок. Умнее будете — и как муж с женой, и как родители. Авось и ваших деток... понянчить удастся... если доживу. Игорька вживую я видела только раз. Привез как-то: еще совсем кроха тот был (это сейчас смотрю на фотокарточки — и прям душа радуется: большой уже, мужает мой мальчик). А то — кнопка. Носик такой чудной, как пяточок, и глазки — прищуренные, мудрые. Ирина лишь раз согласилась сюда приехать, да еще и малого показать. Сама же даже и не вышла из машины. Не хотела... "в грязь и вонь соваться к больной, наверняка, уже давно ополоумевшей от горя и одиночества, бабке". Но хоть малого позволила в дом занести, показать... Костик даже на руках дал подержать, потискать кроху, — шмыгнула носом Анна Федосеевна.

И я вторила ей слезами — особенно от осознания того, что еще одному человеку... своим пустоцветом гублю надежду.

— А твои родители кто? — внезапно отозвалась та, видимо, наконец-то совладав с

нахлынувшими воспоминаниями, растопленными чувствами.

— Папа — бывший военный, мама — учитель младших классов, тоже сейчас уже на пенсии.

— А ты?

— Раньше в школе работала, тоже учителем, но уже физкультуры. А теперь... в милицию пошла.

— И согласились? — удивленно, пронзительно.

— С трудом, — шепчу пристыжено. — Еле упростила, — жалеющая, забитая мыслями, молчаливыми рассуждениями, пауза. — А с чего Вы взяли... что он меня любит? — отваживаюсь на невероятное. До боли закусила губу — страшен и ответ.

Хмыкнула как-то добро, с пониманием та:

— Не любил бы — не привез бы.

— Просто опасность, — отчаянно пытаюсь оправдаться, хотя и сама не знаю зачем. — Но... после всего, что Вы рассказали... После всего, кем являетесь Вы для него... не понимаю. Честно, не понимаю... как можно так глупо, неосмотрительно Вами рисковать ради... да вообще кого-либо.

Тишина — и вдруг выстрелом слова:

— Глупая. Я уже давно свое отжила. Только ради Костика еще и перебираюсь изо дня в день. От встречи с ним... к встрече перебиваюсь. Пусть она и раз в год — как и с моим Ванечкой. Так что любая возможность помочь ему, моему внуку, подарить, проявить к нему любовь, заботу — мне только в радость. Они с Ванькой в свое время много народу спасли. Свидетели, важные фигуры или еще кто, что... И никогда... ни при каких обстоятельствах не мешали службу с домом. Ни разу не видела, только слышала о них — и то, невзначай, когда те шушукались меж собой. Да и не только относительно службы. Друзей у них не было, а остальных — близко к тылу своему не подпускали: ни один, ни второй. С Ириной и Игорьком — особый случай, и то... всё неудачно закончилось. Не смог он ей простить такого плевка. Я не обиделась, ну... не так что бы. Понимаю ее. Что я? Кто я? Старуха, живущая в глуши и в одиночестве. Дом перекошенный, туалет — за сараем. Не терем — а "сказка". Однако Косте она по живому тогда полосонула. После того случая — почти сразу и разошлись. Он съехал на съемную квартиру. Но семью содержал, с Игорем почти каждый день виделся. Та гулять начала... А он... Он знал всё, и закрывал на это глаза. Терпел. Делал вид, что не в курсе. На развод подать так и не решался... всё искал в душе своей силы простить ее, принять такую — ветреную. Но не смог... так они и остались... каждый сам в себе и по себе. А потом... Игорек очень сильно заболел. Сорок температура. Больница. Ночи без сна. Помирились... Горе сблизило — решили вновь дать друг другу шанс. Съехались. Слава Богу, и Игорёша пришел в норму. И даже операцию не пришлось делать. Чудо. Однако... вычеркнуть прошлое оно не помогло. Не так-то все просто — переступить и забыть. Холоден Костя стал. Любовь... исчерпала себя, сменившись на обиды и задавленную ненависть. Тяга пропала. Огонь погас. Вот Ирина — опять на стороне закрутила, ласки дома не найдя... Костя — с головой в работу, а где свободные дни — за бутылку смело. Но не его это — дурман проходил, а боль, разочарование, пустота внутри оставались. Вот и бросил всё — рванул ко мне. Раньше, чем обычно. Сел, в кухне за столом напротив и говорит: "Ба, я так больше не могу... Я старался... Как мог — пытался. Но не люблю я ее больше. Причем... давно уже. И то, если вообще когда-то любил... Наваждение. Болезнь. Но не может любовь быть настолько безрассудной, слепой и жуткой. Не может... Развестись хочу. Она давно уже

ноет, пугает меня этим. А я? А я не знал, долго не знал, чего хочу... Но больше так не могу. И опять мы с ней не живем вместе. Видеть ее больше не могу. Иногда мне кажется, что я готов ее убить... просто за то, что она существует. Душу выдирает из меня каждый раз, будто наслаждаясь этими пытками, моими муками. А ведь я лишь добра хочу... Игорю, ей... всем нам. Но не могу. Не уберег я семью... Хотя и клялся. Но, видит Бог, я уже больше не выдерживаю. Ненавижу ее. Но еще больше — себя... что в свое время не остановился. Добился всего. Хотя и рад... что Игорь в моей жизни появился. Но не могу — в ее глазах я вижу лишь беса, а не женщину". И подал... приехал — и подал на развод... А сейчас, говорит, всё наконец-то закончилось. Долго из них наша система соки пила, веревки вила... Будто и без того, самостоятельно они не намучились сполна. Разошлись — все им (Ирине и сыну), в том числе и жильё, оставил. Себе лишь машину забрал — она поперву ему за дом и была. Хоть и снимал квартиру — да редко там появлялся: все в работу с головой. А потом, признался, еще до повторного штампа в паспорте, еще до окончательного решения судьи... девушку одну повстречал. "Гляжу, — говорит, — невеста бежит, будто ангел с небес... надеждой моей растрепанной. Я и не сдержался — погнался за ней безрассудно. И до сих пор... гонюсь". Это ты была, да? — немая пауза, но даже не дожидаясь ответа, продолжила. — Глаза у него так горели, когда про нее рассказывал, так горели... как сейчас, когда на тебя смотрит, горят. Будто в твоих руках... вся его жизнь, — и снова жгучая тишина... а у меня и слов нет, которые можно было бы подобрать... особенно осознавая... как жестокого я с ним поступила... и как еще поступлю, когда... сознаюсь в своей... правде.

— Но ты на прошлое его не гляди, — внезапно отозвалась она опять. — И нет, не зря я тебе все это рассказываю. Не зря. Хочу, чтоб знала какой он, что прошел. А будучи зажатым — вряд ли он когда в чем тебе толково сознается, и даже чувства — о них ему очень сложно говорить. Но... прошлое — в прошлом. И оно лишь опыт, мудрость дает ценить то, что ему досталось, что обрел ныне. Не импульсивно ссоры решать, а взвешенно, уступая, прислушиваясь... Ты, главное... доверие его не предай — и он голову на плаху ради тебя сложит.

Слова... каждый звук ее, словно лезвия, кромсают меня. Не видит, не слышит старушка... как рвет мою душу... моим же предательством, которое уже... я против него совершаю, пусть и невольно.

Всхлипнуть, вобрав в себя слезы. Шумный вздох — и решаюсь на самое жуткое:

— А если... — будто скрежет метала, мой голос разрезал тишину едва не визгом. — А если я не смогу никогда... его сделать счастливым?

Враз поежилась я, а по хребту захлестал страх: от ее вероятного порицания... и того, что правду уже от Кости... никогда не будет возможности утаить.

Но это — решение, мое решение, первый шаг на пути к неизбежному разговору, который обязательно должен будет у нас состояться.

Отваживается нарушить безмолвие женщина в ответ. Тяжелое:

— Почему?

Молчу, будто смертник, глотая в последние разы воздух.

Продолжила учтиво та:

— Я же видела... как и ты смотришь на него. Как глаза твои пылают, как отрываться было больно — хотя... дай Бог, у вас еще вся жизнь впереди. Ты на него смотришь точно так же, как и он на тебя: роняя семя надежды и взращивая, как что-то самое ценное, там.

И снова тишина. Снова позорно молчу я, подбирая слова... как будто есть у этой...

правды менее сложное, горькое, жуткое звучание:

— А если я не смогу... — расстрельным свистом пуль кромсаю всю себя и будущее свое, наше с ним, с Пахомовым, заодно, — никогда не смогу Вам подарить правнуков? — кровавая эксплозия.

Жуткие, мертвые минуты... ее молчания, ее размышлений, ее... суда.

И наконец-то:

— Что Бог даст, то и будет... И если не чудо — то смирение. И потом... я же говорю, и пусть с Костей мы не одной крови, он — внук мой. Истинный. И он для меня родной. А все те особенности — глупости. Предрассудки. Так и ваших детей любить буду: сами родите, или в детдоме возьмете, судьбу заодно кому-то спасая, — всё равно. Или даже... если вообще ни на что подобное не решитесь. Это — ваша жизнь, ваш выбор. И каков бы он не был — я любить меньше вас не стану. Пока вы счастливы, пока делаете друг друга счастливыми — пока и я радуюсь всему тому. А остальное — как уж есть. Не мне осуждать, порицать или навязывать мнение. У каждого — свой путь. И у каждого — он верен.

— Костя не знает.

Выстрел, разрывая темень.

Обмерла старушка. Казалось, даже забыла как дышать.

Но еще мгновение — и шумное, болью своей пронзающее, сопение. Вздох.

Но не даю сказать, тотчас поспешно перебиваю ее, осмеливаясь:

— Но я ему скажу... обязательно, — немного помедлив. — Но сейчас... я еще не готова. Я... сама для себя... еще не готова... это прямо произнести вслух. Принять... свою участь. Не осуждайте меня, прошу, — отчаянно. — Не со зла я... и не из корысти.

— Я и не осуждаю, — сухое, неизвестное (то ли лживое, то ли щедрое).

— Мы с Костей, — вновь тороплюсь... не знаю зачем, — только недавно вместе. Но я уже успела... сделать ему больно. И мне страшно его потерять, — короткая, болезненная пауза. — Вы говорите... любовь. Но разве можно так полюбить кого-то быстро? По-настоящему...

— А что еще должно произойти? — неожиданно, сдержанно-колко.

— Не знаю, — растерянно. — Узнать... лучше друг друга.

— Ты же чувствуешь его, уже. Суть, нутро... Тянет к нему, верно? Любовь тянет... первородная, слепая, интуитивная... Словно дитя, что только что покинуло матери лоно. А дальше — ты Костика лучше узнаешь... И как ребенок мир познает — так и ваша Любовь будет расти. Мудреть. Набирается опыта: то ли доброго, счастливого, то ли горького, болезненного. И один путь приведет к глубокой, как некоторые ее называют, "настоящей любви": к уважению, терпению, снисхождению, щедрости и теплу. А другой — к гибели: к боли, обидам, к презрению, раздражению, брезгливости и злости. К ненависти приведет. И если что и будет вас держать вместе... то не чувства, а привычка — гнилая, пустая, коварная обманщица, дающая как силы верующим, праведникам, так и кару — отступникам. Так что всё в ваших руках: вы это ваше дитя, эту вашу... "уже любовь", в ласке и нежности воспитаете, взрастив целое дерево; или же ваш росток завянет, а на душе вновь раскинется пустошь.

Немного помолчав:

— А горе твое... ваше... наше... — не помеха всему тому. Если с мудростью и терпением подойти. Всё преодолимо. Главное, что вы друг у друга есть, и помыслы ваши — чисты. А вот... молчание, умалчивание, как и ложь — до добра... не доведет. Никогда. Это

— яд. И он — травит. Наступит момент, тайны, как гнойник, вскроются — но уже будет поздно что-то менять... И придется, как гангрену, — жестко и беспощадно... напрочь отсекать. Так что... не стоит этого всего ждать, до такого запускать. Общая жизнь — общие тайны. Общие беды. Общие радости. Общее... всё. Я понимаю... и не осуждаю тебя. Нет. Понимаю... страх, боль. Но с каждой минутой — время уходит: чувства ваши растут, и момент, когда ложь или жуткие тайны — еще не трагедия... тоже убегает.

— Но Он же далеко... — с горечью тяну я.

— А сейчас и не надо ему это знать, голову забивать. Сейчас поважнее другое будет: как обезопасить тебя, как сделать так, чтоб ты смогла вернуться туда, где и он обитает, в его мир. Но как только... буря утихнет, но еще даже не запоют на рассвете петухи, сознайся. Не стоит его бояться. Не глупый Костя. И не глухой. Ты дорога ему — а значит, примет тебя такую, какая есть, со всеми оговорками, но только при этом в довесок искреннюю и настоящую. И да, он тебя любит.

Глава 23. Долг и честь

Глава 23. Долг и честь

Да уж... тяжела жизнь для городского в деревне. Это вам не до обеда спать, пока внутренние петухи по куполу черепушки не настучат. И пусть истощена, измучена, раздавлена... — подкинуло меня ранним утром. Для меня — утро, часов девять, а для Анны Федосеевны — уже "почти полдень": пол подметен, живность накормлена, одежда выстирана — сохнет; завтрак остыл... и идет полным ходом подготовка к "обеду".

Спохватилась я: быстро сменить ночную сорочку (все той же невестки) на платье, обуть тапки (заботливо приставленные к моей кровати хозяйкой) — и кинуться в кухню.

— Доброе... — замялась я на пороге, видя сколько дел уже переделано (и это только половина реальной картины). Устыжено поправила себя, — добрый день.

— Добрый, — радостно улыбнулась старушка. — Уже выпалась?

— Да сколько же можно... бока мять?

Ухмыльнулась:

— Ничего... в старости еще набодрствуешься: и сон не берет, но и ясности не дарено.

— Я могу Вам чем-то помочь? — скривилась в смущении.

— Помочь? — удивилась, скинув брови, та. — Спасибо, внучка, не надо. Лучше вон... умойся да позавтракай. Блинов напекла, варенье достала — открывай любое: клубничное, вишневое, малиновое, абрикосовое, яблочное, из смородины, сливовое — не знаю, какое любишь. Али вон мед есть, будешь?

Устыжено рассмеялась я:

— Нет, благодарю. Всё люблю... так что такое, какое и Вы будете.

— Я? — усмехнулась. — Куда мне? Давно уже этот чертов сахар в крови скачет.

Обмерла я, изумленная. И пусть вопрос логичный родился враз, задать его не решилась.

Но и не требовалась — сама всё поняла бабулька. Скривилась в горькой улыбке:

— Костику обычно варю. Как приезжает — удастся ему немного в город передать. Пусть балует себя. Кто ж еще ему его наварит? А магазинные — не то, столько химии... столько... что аж зубы сводит: помню, попробовала раз — долго плевалась.

Невольно рассмеялась я, но тут же осеклась:

— И не говорите. Еще в школе нам рассказывали о том, что из нефти варенье делают: тогда это казалось на грани фантастики, а теперь — печальная реальность.

— Из нефти? — округлила очи женщина.

— Да. Представляете? Колбаса — из бумаги, мясо — из сои, молоко и яйца — из порошка, "доя" растения, мороженное на жидком азоте... животные, вскормленные на химии: свиньи "спортивные"... курицы, страдающие ожирением... Да и вообще, скоро всё станет... синтетическим. Даже тот же иммунитет, что так усердно человечество копило, усовершенствовало, оттачивало, заботливо передавало от поколения к поколению, следуя фундаментальным законам эволюции, сейчас почти полностью сменило на искусственную, лекарственную подоплеку, параллельно рождая из вирусов и бактерий — жутких, непобедимых мутантов. Куда идем, куда движемся?.. Одна благодарность — сыты и пока живы, да и общество, в большинстве своем, — невольно шумный, тяжелый мой вздох, прогоняя горечь, — еще способно воспроизводить свое потомство, а обо всем остальном —

придется уже... "думать завтра", — невольно передернула слова я когда-то, как по мне, инфантильной Скарлетт, а нынче — едва ли не "довольно-таки мудрой", заботящейся, берегущей свою психику, О'Хара.

Последовала я наставлениям старушки: умыться, причесаться, позавтракать. Вышла на крыльцо оглядеться: куда лихая меня завела.

Внутренний забор рассек двор надвое. В большей его части, ближе к воротам, расположились: гараж, сарай, столетний дуб-великан, что некогда пышной кроной своей заботливо укрывал от ненастья ближайшие строения. Сколоченный из досок туалет прятался за курятником. Справа, вдоль всей территории, притулился ухоженный не менее, чем все остальное здесь, огород.

Вторая часть подворья: дом, колодец, сад в краплении золота осени. Не сдержалась — пустилась я туда, очарованная прощальным кружением листьев, пораженная разнообразием сего дивного достояния. Сложно нынче среди полунагих красавиц определить точно вид, но все же поддаюсь и играю в сию странную забаву: кажись, яблоня, а это — груши-дички. Ну, вишни, черешни. Чуть дальше — абрикосина, и, вероятно, слива. Даже маленькой сосенке место здесь нашлось.

За забором, у самой хаты, склонила косы береза. Давно на свете красавица: не одно поколение своим видом радовала, и до сих пор радуется. А ствол-то какой широченный! Даже взрослому, при всем его дерзком, ярком желании, полностью за один обхват никогда не обнять.

Пройдясь чуть дальше, вглубь огорода, следуя по тропинке, едва ли не в самый конец владений Анны Федосеевны, я наткнулась на старый, полуразрушенный дом и заброшенный, заросшей высокой травой, колодец: эхо предков.

Рискнула заглянуть сквозь пробитую дыру в грязном окне строения: все внутри в пыли, в паутине... Серо, жутко... будто со старой черно-белой фотографии сошло. Стены облущены, местами видны деревянные основы. Вверху — стропила торчат голым скелетом: прогнил потолок, прогнил, наверняка, и пол. На подоконнике — алюминиевая кружка виднеется — как яркий пример, образ, доказательство того, что когда-то все же здесь была... кипела жизнь, и не сто веков, а так — буквально недавно: докуда в какой-то миг... с остановившимся сердцем последнего его обитателя, тоже не застыла — увяла... умерла надежда вместе с цивилизацией, оставив в подчинение, в распоряжение природе, неизбежности.

Еще шаг на ощупь — и хрустнуло, чиркнуло, звякнуло что-то под моими ногами. Нервически выругалась я от испуга и тотчас отскочила прочь.

Странное волнение, тяга, вперемешку со страхом... охватывали меня, копошась, слоняясь здесь, выглядывая, высматривая непонятно что: и то, я позволяю себе эту вольность лишь исключительно потому, что хозяева... явно не будут против, ибо... некому нечего сказать поперек. Хотя всё равно нет полного чувства уединения, одиночества. Будто нет-нет... а все же присматривает, следит за мной чье-то невидимое око... порицая, али одобряя сей, отчасти детский, наивный, безрассудный интерес.

Разворот... — и пускаю взор около. По правой стороне — смежный забор, отделяющий один "островок замкнутой цивилизации" от другой — соседской.

Какой-то странный, жуткий переполох привлек внимание. Мало того — вмиг заставил

сердце мое встрепенуться, бешено заколотиться в тревоге. Очи округлились, а разум дико завопил, не веря увиденному: буквально у порога соседского дома огромный, плечистый мужчина ухватил за волосы, разбитую чувствами, истерикой, женщину и силой поволок назад в хату. Как мешок, прямо по земле, сбивая, стесывая, раздирая ее плоть нещадно, отсчитывая живым человеком ступени. Визг, крик, мольба отчаянные... жутким эхом застыли, застряли внутри меня. Заледенела в жилах кровь, а по телу — стеганул плетью ужас.

И сама не поняла, как кинулась вдогонку... как перебралась через невысокий, сеткой-рабицей, местами покосившейся, забор. Как пролетела по уснувшим грядкам чужого поля, как вскочила на порог. В сени, в двери — и окоченела... прибитая не так прозрением, как своей собственной обреченностью.

У стола, под скамьей лежал мужчина — избитый, окровавленный... без сознания, не шевелился.

В углу же... тот самый... "Плечистый" — раздев несчастную догола, пытался с ней силой совокупиться. Застыл, перевел демон взор на меня. И едва я сделала шаг, движение назад (подсознательно, инстинктивно, позорно сбегая, желаньем пылая... ад покинуть до того, как он схлопнется навсегда) — тотчас кто-то преградил, отрезал мне путь к отступлению. Леденящим душу, мерзким, уничтожительным шепотом, рыком отвратным, пронзили безысходностью зловещие слова:

— Ты ба... еще одна.

Ментальный выстрел в затылок.

Конечности мои начали неосознанный, лихорадочный пляс, выдворяя, выжимая из себя от ужаса кровь: будто бегством, вместо меня, шальная спасалась, крестным знаменем себя осеняя, дьявольскую жуть от себя напрочь гоня.

— Ты кто такая?! Х** здесь забыла?! — враз схватил меня за волосы Неизвестный, причиняя режущую, неистовую боль — взвизгнула отчаянно я, оседая, покорно уступая его яркой хватке. С глаз прыснули слезы. Еще рывок — и рухнула позорно на колени я перед супостатом, под приказным, деспотичным натиском смиряясь, горьким криком давась. Мышцы сжались в камень. Дрожь прокатилась волной.

— Со-сед-ка, — рывками, задыхаясь, заикаясь, покаялась я.

Заржал желчно, будто бездны клекот, мой палач:

— С*ка! — на грани истерического визга, писка. — Свезло же! — и снова разъедающий сознание, душу хохот. — Соседка, говорит! — едва уже не плача от смеха.

Пару шагов — и, оттащив меня в центр комнаты, тут же толкнул, пнул от себя. Рухнула я плашмя, невольно вскрикнув. Рывок, дернул за ноги. Едва я попыталась встать на карачки — как снова прибил ублюдок меня к полу. Силой развернул к себе лицом и в момент навалился сверху, смоляным взором мои очи сверля:

— Ну, что? Поздравляю! Вовремя зашла! Может, хоть ты потом... до них достучишься, раз нас... совсем не понимают.

Резво забрался под платье.

— НЕ НАДО! — диким визгом. Происходящее ржавыми прутьями пробивало мое сознание, но до конца реальность творящегося все еще не могла я принять: шальное, безрассудное отрицание во имя крупницы жизни. — Не надо!!! — интуитивно, на подсознании, бешеным воем. — Пожалуйста! — горький вопль, молитва, пытаюсь остановить, выдраться из пекла. Тщетно.

Не реагирует, творит ранее затеянное. Еще миг — и, не нащупав на мне бельё, вожделенно застонал, зарычал, взревел голодный зверь:

— А соседка-то та еще! — живо раздвинув мне ноги, протиснулся к запретному.

— Не надо! Молю! Не надо! Отпустите нас! — отчаянно взываю хоть к чему-то человеческому внутри сего демона.

— Поздно, с*ка. Поздно, — мерным, черствым, мертвым голосом изрек вердикт. — Не**й было в дом лезть! Наслаждайся теперь, тварь!

— Не надо!!! — зарыдала я, буквально чувствуя его всего уже рядом, едва не в себе, чувствуя своей плотью его плоть. — Я больна! — выстрелом, на автомате, испепеляясь инстинктом самосохранения.

— Ну, да! — дерзкое, сквозь смех. — Все мы — БОЛЬНЫ!

— СПИДОМ БОЛЬНА! — надсаживаю глотку иступленно уже осознанно, вовремя вняв своим же словам.

Обмер на мгновение. Убийственный взор в глаза, давая последний шанс казненному:

— ПИ**ШЬ ЖЕ! — яростно. Оскалился мерзко.

Окоченела я, чувствуя полностью всю свою... смертельную грань. Чувствуя телом, душой, всем своим естеством... лезвие, по которому скольжу сейчас, разлетаясь на две половины: до и после.

Режет в горле, пекут сухим песком кошмара засыпанные глаза — конец. В короткий миг... так быстро и непредсказуемо: бах — и разлетелась вся моя жизнь невосстановимо на осколки.

Отчаянный вздох, и, ополоумевши завизжав, прощальным возгласом смертника разразившись, огорошила своего изувера я:

— ДА! ПИ***У, С*КА! ДАВАЙ! ДАВАЙ, ТВАРЬ! — дико, пронзительно, ошалев выпучив на него очи и невольно слюной давясь, плюясь. Силясь даже схватить за руки и потянуть на себя. — Тра*ни меня! ТРА*НИ, ГН*ДА! Мне уже ПОХ**! Сдохнем ВМЕСТЕ!

Окаменел подонок.

Отчаянные за и против. Ослабилась хватка его рук.

Страшно, мразь, страшно облажаться?! Ошибиться?! СДОХНУТЬ "НИ ЗА ЧТО", да?!

И вдруг:

— Ну, б***ь, сама захотела!

Резвое, бешеное движение — и сполз, сорвался с меня, вмиг принялся заправлять штаны.

Тотчас на колени я, рывок — бросилась к двери. Нагнал, ублюдок. Конечно, нагнал: но не попытаться — и того безрассудней бы было.

За волосы — да удар головой об косяк. Хрустнул нос, потекла юшка по моим губам, прямо в рот. Чувствую ржавую...

Потацил меня из хаты мой кат за руки — как вещь, как куклу, по полу волоча...

— Ты, б***ь, куда? — взревела еще одна гн*да, соратник этого, бросая взор через плечо, на мгновение отрываясь от своего гнилого пира над уже тихо скулящей, почти смирившейся с кошмаром, жертвой.

Замер покорно супостат. Полуоборот ленивый:

— Если эта с*ка меня заразила, то пусть сдохнет подобающе.

По эшафоту скользя, пытаюсь остановить гильотины ход, я цеплялась за выступы, за всё, что угодно, лишь бы остаться здесь — как оказалось, еще в Чистилище, ведь за дверью,

предчувствую, уже будет настоящий Ад: разливы лавы пекельной, не несущей в себе свет, а лишь темень усугубляющей, где только горечь и смрад. Где черви неусыпающие, скрежет зубов грешников неутихающий, где глубину не измерить и горе никогда не испытать. Где души, сгорая, вновь оживают, дабы вовеки веков по реке мук и заслуженной кары в неизведанность плыть.

Рывок — и пнул, швырнул меня на землю. Попытка ползти. Тихими стонами давясь, изнемогая от жизни, силилась убежать... я.

— СДОХНЕМ, горишь? ДА? — живо ухватив меня за шею, враз поднял, поровнял с собой. Глаза в глаза — а у меня лишь пелена, дурман перед очами. Всё расплывается. Страх дрожит трусливой скотиной, грохоча в груди, и тихо воя, сося под ложечкой. Мышцы сжались в камень. Шок пустотный раздул в сознании дирижабль прострации. И вместо кислорода по венам пустил метан.

— А как тебе такой исход? А, С*КА?!

Движение — и бросил, дико швырнул меня на какой-то каменный выступ.

Еще напор, натиск — и только агония меня спасла, позволив машинально уцепиться руками за борт, бетонное кольцо колодца. Заржала, заклекотала тотчас бездна, пучиной своей необъятной маня.

— Ну же, б***ь! — и снова напор, хватку смертника рвя. — ДАВАЙ! СДОХНИ ДОСТОЙНО!

— Не надо, пожалуйста! — отчаянно взвыла, завизжала я, испепеляясь, изничтожаясь в ужасе.

— Ну, что ты?! Очисти себя! Не мучайся — УСКОРЬ НЕИЗБЕЖНОЕ!

— За что? ЗА ЧТО?! Что я вам сделала?!

— Так сделала, или не сделала? — живо ухватил меня за волосы и заставил взглянуть в бездушный, цвета аспида, омут глаз. — БОЛЬНА? ИЛИ НЕТ?

Тягучие, убийственные мгновения — и решаюсь:

— БОЛЬНА.

— Вот и всё! — толчок — и швырнул вновь на могилы своды.

Но едва на моей судьбе должен был образоваться конечный узел и разрез — как тотчас разверзлись спасительно небеса: пронзительный выстрел, грохоча, разрывая безысходность и отчаяние в клочья.

Бешеный рев:

— РУКИ ОТ НЕЕ, С*КА! МОРДОЙ В ЗЕМЛЮ!

Дернулся в испуге изувер, неожиданно, внезапно, резко, силой неистовой пнув меня от себя — напор нестерпимый — и с головой в пропасть пошла я. Завизжала отчаянно, истошно завопила, заверещала, скребясь, тщетно хватаясь за скользкий, мокрый бетонный камень кольцом, что словно река меня уже вниз бурным потоком несла.

И снова грохочет выстрел, где-то надо мной... рев, крик, стон...

Волею Божьей, или карой незримой, кто-то за ноги, затем и за пояс схватил, потащил меня на себя...

Глава 24. Затмение Аластора

Глава 24. Затмение Аластора

Это были жуткие несколько часов. Которые отбивались мертвым перезвоном по всем нашим лицам, вторили тяжелому, надрывному биению сердец и вколачивались в сознание ржавыми прутьями неизбежности грядущего.

Так и остались мы в проклятом доме... дожидаться итога. Ублюдков — в наручники, и усадили на стулья, за стол, напротив нас, жертв бесчеловечного беспредела: меня — без мгновения утопленницу, и девушки — изнасилованной... едва ли не вдовы. Мужчина на полу — все же зашевелился. Люди Пахомова (Николай и Евгений) — заботливо оттащили одного на кровать (в другую комнату) и оказали ему первую медицинскую помощь.

Коля... тот, кто успел схватить, кто вытащил меня... из колодца. Он же к Анне Федосеевне затем и пошел, наведалься. Успокоил старушку, сочинив, что я пока у них сижу: с уборкой и едой помогаю. Дом-то, в котором "охрана" моя осталась, оказался практически нежилой: чья-то "летняя дача" и только.

Блинов притащил к чаю...

Да ничего не лезло в горло. Поминальным каким-то... вышел обед.

Мерные, холодные минуты, десятки минут, которым не было конца. Скверна лизала своими языками настоящее, отравляя вместе с тем и будущее, какое бы оно не было: ничего, как прежде, уже... ни для кого из всех нас... не будет.

Вдохи тяжелые, шумные, горькие.

Скоро приедет Пахомов... и земля вновь разверзнется, являя очередной, новый круг ада, засосав, снова потащив грешников, но уже окончательно, на самое дно.

— Я же так сдохну, — скривился от раздражения, превозмогая боль и давя внутреннюю тревогу, ублюдок. Тот самый, что буквально тик времени назад играл со мной... в мудрого судью, в праведного "Вершителя судеб". Оперся на стену спиной, зажмурил веки — и отсчитывал покорно последние колебания маятника часов... своей глупой, безрассудной жизни. И кто его знает, какие муки его сейчас терзали больше, сильнее, рьянее: физические — эхо ранения в плечо, али душевные — если они ему... вообще присущи, если у него вообще есть... душа.

— Ты лучше молись, как бы этот ваш... "пациент" коней не двинул, — неожиданно отозвался Женья, гаркнув злобно. — А то уж там... точно пиши пропало... без вариантов.

— А че вообще здесь произошло? Че за х**ню вы тут замутили? — рявкнул, вклиниваясь, Николай.

— Должник он наш, — неохотно... вынужденно пробормотал Раненный. — Кредитов набрал, а отдавать — х** там! Без работы, квартиры нет: забрать нечего. Еще и скрываться стал, псина горбатая. Сюда примчал вон: к шмаре своей... гражданской, — кивнул на девушку. — Думал, заныкается, отсидится — искать устанем, забудем.

— А баб на**я трогали? — яростно выпалил Коля.

Скривился соратник моего Изувера. Прожевал эмоции, виновато пряча взор:

— Чтоб наука наглядней была.

— А до полусмерти к*зла... не наглядно? — с презрением.

— НЕТ! — гневно сплюнув, вмиг вскрикнул Ранненный. — Будто первый раз! Мы на него еще в городе давили! В мясо с*ку — и по **ю: никакой реакции!

— Ну, молодцы! — оскалился, упиваясь сарказмом, Женя, откидываясь на спинку стула. Замотал резво головой: — Довы***вались. На**я хоть вторую схватили?

— ОНА САМА ПРИШЛА! — злобно, отчасти горько рявкнул Палач, невольно (тихо застонав от перенапряжения. Шумных вздох: — Че ж еще делать?

— На х** распять! — ошалев, дико взревел Николай, тотчас сорвавшись с места. — ВЫ ЧЕ, ОХ**ЛИ?! — яростная жестикуляция, руки сжались в кулаки. — ВЫ ЧЕ, МРАЗИ ТВОРИТЕ?! Бабло вам надо?! Оно всему голова?! Важнее людей?! Человечности?! Размотат за него решили... не только виноватого, но и всех подряд?! По-ка-зательность, б***ь! — скривился от отвращения и тут же сплюнул в их сторону. — С*ки... У вас че... девяностые до сих пор в башке бушуют? ИЛИ ЧЕ? БАБЛО... И че теперь, ваше бабло? Спасет вас? ** ТАМ! П**да вам! Честно и откровенно: пи*-*а! — едко и основательно, жестко и уверенно выпалил, констатируя. Закивал головой.

Еще миг — и выдох. Разбитый эмоциями, прошелся по комнате.

— Лиз, умойся лучше... — тихо, неуверенно, будто повинный в чем, неожиданно прошептал Женя. — А то еще, и вправду, завалит их на**й, причем здесь же, не разбираясь...

— Да не поможет! — рявкнул в момент Коля, но тут же осекся. — Это же Пахомов, б***ь... — добавил сдержанно. — Он за своих — глотку рвет. Без вариантов.

Отлетела дверь... с ноги выбитая. Рев дикого зверя:

— ГДЕ ЭТА С*КА?! — Костя.

Тотчас заледенело у меня всё внутри, будто дьявола явление узрела. Но силы в кулак, напор храбрости — и мигом бросаюсь к нему. Трепетом объятая, словно на раскаленные угли, отчаянно кидаюсь к своему инквизитору, себя не щадя.

Резвое движение, едва ли не сметая меня на своем пути, сам того не осознавая, не понимая, рвется куда-то вперед. Но еще миг — и обомлел, едва узрел всецело картину. Ужас обдал волной его, распиная, меня до неузнаваемости. Даже попятился невольно. Глаза округлились. Лицо перекошилось. Не моргает. Не дышит. Лишь жадно, маниакально изучает все то, что реальность вынуждает впитывать в сознание. Губы мои разбиты, нос опух. Засохшими пятнами крови покрыты шея, грудь — все усеяно, измазано, будто дразня своей шаткостью, брэнностью существования. Одежда разодрана, на ногах и руках — проступили синяки, довершая, оттачивая пятна и без того исковерканной, стесанной, содранной кожи на локтях и коленях.

Нервически сглотнул слюну.

И вдруг холодным, мертвым, отрешенным шепотом:

— В машину... с*к.

Взрывная, анафемская тишина.

— А этих? — осмеливается отозваться, не менее жутким, грохочущим, будто проклятие, голосом Николай.

Не сразу ведется — решает, желает оторвать взор от меня Пахомов и уставиться в указанном направлении. И наконец-то — все же сверлит... жестокостью девушку.

— Там еще ее муж есть... — вклинивается Женя. — Только ему совсем х**во. Скоро отъедет, если не уже...

— В больницу. Обоих. А вкните что кому, — рявкнул внезапно на несчастную: —

Рядом закопаем. Ясно?

Запекло тотчас у меня в груди; сердце захлебнулось кровью:

— Костя, — испуганно, дрожащим голосом, шепчу я.

Вынужденно переводит на меня взгляд Тиран.

Невнятная, задумчивая игра скулами — и наконец-то наводит фокус — глаза в глаза со мной:

— А ты... — ядовитое, пронзительное, горькое, будто предателю, в очи, — вообще молчи.

Зажмурил веки болезненно. Жуткие, пугающие мгновения тишины, прожевывая злость, обиду, разочарование, — и осмеливается на то, что буквально заживо испепеляло его изнутри. Отрешенным шепотом:

— Ты только... одно мне скажи: кроме всего того... что парни во дворе видели, ОН... успел... тебе что-то сделать?

Жгучая боль от воспоминаний сдавила горло, но покорно выпаливаю пушечным ядром:

— Нет.

Вздогнул невольно. Открыл глаза — пристальное, бурящее, в самую душу щупальцами пробираясь:

— А на самом деле? — сурово-неумолимое.

— Нет, Костя, — выдавливаю из себя тающую горечь. — Не успел.

Удовлетворенно закивал головой. И снова застыл в рассуждениях. Мгновения — и:

— А эту? — машинально кивнул куда-то в сторону (где Она была доселе — увели... увели уже всех долой: остались мы одни... во всем этом жутком доме).

Замялась я в ужасе, страшась озвучить мерзкое, будто от этого зависит: обретет оно реальность в нашем мире, или нет.

Палящие минуты молчаливого напора — и сдаюсь (пряча стыдливо взор):

— Да.

Чиркнул враз зубами от свирепости, нервно сглотнул слюну. Оскалился.

— Костя, — отчаянно, испуганно позвала его я, будто у демона вымаливая не идти по пути своему грешному, извращенному, губительному... для нас обоих. — Не убивай их! Унизь, избежь, накажи, посади, но не убивай их! Прошу...

Окоченел в момент, округлив очи. Долгие, знойные мгновения сомнений — и наконец-то гаркнул:

— Я САМ РЕШУ! — аж побелев.

Взволнованно проглотила я скопившийся жути ком.

И страшно, но и не смолчать нельзя:

— Костя... пожалуйста, и так сколько трупов.

— Этому... не бывать, — резко, грубо, деспотически. Без компромиссов и преград.

— Пожалуйста... — вновь болезненно протянула я. Шаг ближе — вплотную обмерла, близостью, теплом своим его ледяное сердце топя. — Не будь, как они! Прошу! КОСТЯ! — заклиная, едва ли не взвыла я.

Резвое, смелое — касаюсь его груди. Вздогнул, будто ужалила в самую душу. Но не отстранился — стерпел. Стоит, испуганный, встревоженный, пляшет взором по моему лицу, истинные эмоции мои ища.

— Ну, чего ты бесишься? — решаюсь, еще сильнее к нему прижимаюсь... лаской, будто чем-то нестерпимо жгучим язвю. — Я здесь, я рядом... Со мной всё хорошо... И я — твоя...

И только твоя.

Плавню скользя вниз, медленно опускаюсь перед ним на колени. Проворная игра пальцев — и расстегнула его бляху; поддался ремень. Тотчас ухватил за кисти Пахомов (и, будто кандалами, сжав, до боли, до хруста, силой потащил на себя обратно). Ошеломленно, свирепо заорал:

— ТЫ СЕРЬЕЗНО?! РАДИ НИХ?!

— РАДИ НАС! — гневно рявкнула я, стиснув зубы. Глаза в глаза.

Лица на расстоянии вдоха.

Внезапно резвое движение — и развернул к себе спиной. Силой прибил к стене.

— Костя, мне больно!.. — невольно вскрикнула я от его напора.

Недобро, горько рыкнул в ответ:

— А мне не больно?! ЛИЗА! ТЫ ЧЕ ТВОРИШЬ?! — яростно. — Когда ты уже начнешь думать, что делаешь?! Ты хоть на миг представила... что со мной было бы, если бы тебя не стало?!

Прижался ко мне вплотную. Уткнулся, зарылся носом в волосы. Чувствую у виска его нервное, сбитое дыхание.

Смолчала.

Лишь несмелое движение свободной рукой — хватаю его руку. Прижать насильно ладонь к своей груди. Обмер — не дышит. Сердце нещадно забилося, заколотилось, еще отчаянее, чем доселе изводилось. Но не поддается — не шевелится, стоит неприступной скалой Пахомов: выжидает дальнейшего моего... беспринципного, смелого, безумного представления.

А потому ведусь — оторвать от себя его руку и смело засовываю оную под платье.

Шумный вздох его, роняя сдержанный, вожделенный стон на грани неистового безумия — и в момент сжал меня за плоть, будто в бездну порока ныряя: наслаждаясь дозволенным, доводя в момент до колких ощущений меня, себя; всколыхивая потаенное, чиркая запалом страсти. Томные, шальные мгновения откровенной дерзости, пошлости, разврата, бесстыдного искушения — и содрогнулась Вселенная. Некогда упрямый, непреклонный протуберанец потерял равновесие — и, павши жертвой шального притяжения к доселе недоступному, рванул эрупцией ввысь, теряя связь с Солнцем — теряя себя, свой разум и стыд, вторя мне, разлетаясь на осколки, искры, части плазмы, дымку где-то в глубинах Космоса... Рывок, отстранился назад Костя; грубым велением схватил меня за бедра — и силой подал на себя, прогнул кошкой (оперлась руками на стену). Изматывающие мгновения ожидания, его (скрытых от моих глаз) движений, усердий — и новая вспышка озарила пылающую Звезду...

Дерзкая власть: до боли, до слез; казалось, разрывая меня на части... так что едва удавалось сдерживать горькие вскрики. Рывки за рывками, ухватив за волосы, напор за напором... Костя, казалось, душу из меня хотел выбить: болью моей — свою заглушить, а злость и обиду — смыть, стереть очищающим пламенем. Будто пробуя меня, убеждаясь, что я... жива, я здесь, и я — его... и только.

Время убегало в никуда — и каждое мгновение услады, зноя, насыщения, гасило неоправданную его грубость, смиряло насилие. Теряла жестокость свою суть, значимость, надобность, а вскоре и вовсе пораженчески распалась, сменившись на сладость, нежность, ласку, хотя и не без налета ревности, опала и всепоглощающего оксюморона боли, онемения, на грани эйфории и порочного наслаждения.

Еще миг — и, будто побеждая время, страх и нашу обреченность, обмер Костя во мне, утопая в блаженстве. Шумный вздох, минуты догорающего удовольствия — и нехотя, неспешно отстранился...

Едва поправила свое платье, едва и он привел себя в порядок, как тотчас резвое Пахомова движение, — и ухватив меня за руку, силой дернул на себя. Рухнула в жаркие объятия. Грубым, топорным поцелуем в момент впился в мои губы. Не успела даже ответить, как тут же прекратил сей бой. Лоб в лоб. Нос к носу. Обхватил мое лицо, утопил его в своих ладонях.

Тихим рыком, пронзенным целой бурей скрытых чувств и мучений, шепнул, обжигая дыханием мои уста:

— Не делай так больше! НИКОГДА! Я не хочу себя ненавидеть...

Облизала я губы, все еще сгорая в дерзком пламени своего Тирана. Отчаянно, храбро, хоть и давясь по-прежнему страхом и горечью:

— Не убивай их... прошу. Ради нас, Костя... Не будь таким, как они... — на грани плача.

Скривился в болезненном оскале. Но голос уже ровный, сдержанный, уступчивый:

— Посмотрим...

Глава 25. Мытарство флагелланта

Глава 25. Мытарство флагелланта

Едва уже выбрались из дома, едва замерли в сенях у порога, у последней преграды — как вдруг резко преградил мне путь, перехватив ручку двери, не давая содрогнуться деревянному полотну. Покорно обмираю на месте.

Замер Костя вплотную, да так, что дыхание чувствую у своего виска. Каким-то устыженным... робким шепотом не сразу, но все же роняет слова:

— Лиз, — коротко, звуком, будто лезвием полосонув, отчего тут же сжалась я от горького предчувствия и страха. Молчу, выжидаю. — Я бы очень хотел... тебя кое о чем... попросить.

— О чем? — тихо и еще больше несмело, нежели он.

Нервически, шумно сглотнул скопившуюся слюну.

— Пожалуйста... — и снова звук, подобно свисту выпущенного снаряда. Задыхаюсь уже от шального прилива отчаяния и жути. — Если залетишь... не делай аборт.

— Что? — испуганно обернулась, провернулась под его давлением.

Ошарашенный взор обрушиваю в глаза.

Мгновения болезненной перепалки взглядов — и не выдерживает, пристыжено опускает очи.

— Если забеременеешь... пожалуйста... оставь ребенка.

Глаза мои невольно округлились, обличая позорное, изумленное состояние. Шок.

Решает продолжить:

— Мы тогда с ней... с Ириной... только встречались. Не думали... ни о чем таком. И вдруг — залет, — скривился болезненно. — Мне ничего не сказав, аборт сделала...

— Ты уже говорил, — едва различимо, тихо буркнула я, не желая, дабы он и дальше рвал себе сердце воспоминаниями.

Но голос Кости даже дрогнул в невольном раздражении, став на тон выше; перебил меня:

— Я ее стал упрашивать... создать семью, родить ребенка и, естественно, замуж за меня выйти. Долго носом крутила, нервы мне трепала. Веревки вила. Но потом... сдалась. Почти с первого раза — и получилось. Радости... моей не было предела. А вот она... все ходила... злая, угрюмая, расстроенная. Я терпел, понимал, оправдывая все это тяжестью состояния... нервозностью из-за смены гормонального фона, страха... перед грядущим. А дальше... после рождения Игоря — недосыпом, переменами... кризисом. Всё ей было не так, всё ее раздражало. Я ее раздражал. Малой ее бесил. В какой-то момент... мне стало казаться, что она меня ненавидит — искренне, по-настоящему. Но за что — понять не мог. Игнорировал. Соки все выпила... в душу наплевала... Причем... как могла. Уехал я от нее. Съехал на квартиру — и с головой в работу. Но на выходные — как штык, около малого. Иногда и так... среди недели на пару часов. Няню нанял — приходила, помогала Ей. А Она все равно фыркала... Плохим я оказался, сплошным... ее разочарованием. Да я и сам... себя ненавидел. Но ничего уже поделать не мог. Перегорело всё... Понял, что не моя она... и никогда моей не была. Но развод — нет. Я не мог... даже мысли допустить, что их брошу. Сына своего брошу. А его отдать мне — точно никогда этого будет: минимум, хотя бы назло

мне. Потому и не пытался, не задумывался. Никого не искал. Жил... как живется. А потом... звонит как-то ночью: у Игоря температура под сорок. Скорую вызвала — в больницу их увезли. Я к ним — все обустроил... Ночами сидел рядом, когда была тому возможность. И вот однажды, — нервически сглотнул слюну Пахомов; преодолевая боль, помедлил, — ... не помню уже даже толком, как мне его медкарта в руки попала: то ли подпись какая нужна была, то ли еще чего... В общем, стою, смотрю на титульный, а у него... группа крови стоит... не моя, и не Ирины... А у нас... вопрос о возможной операции стоит для него. Я к врачу — и давай ему разбор полетов устраивать: что за хр*нь? Чем вы тут занимаетесь? А если что не так — вы ему и лить будете что попало? Он мне клятвенно: «Вот результаты анализов, но мы еще раз все тщательно перепроверим». Вовремя сообразил: говорю, так и так, нечего мою нервную и измученную и без того жену волновать, все сделайте втихую, не афишируя — а я проконтролирую. Еще один за вами косяк — и не то, что на улицу вылетите... а в открытый космос, что даже родные нигде не найдут, — закивал вдруг горестно головой, поджав от обиды губы. — Так я и узнал... что Игорь — не мой сын. Я сдал анализы на отцовство... опять-таки втихую. До конца не верил — не могла она меня так обмануть. Вот просто — НЕ МОГЛА, — шумно сглотнул слюну. — Я быстрее допускал мысль, что опять ошибка, или я просто в школе очень плохо анатомию учил, или в роддоме... детей попутали... Короче. Она — мать, а я — так... отчим, как оказалось. Но я его... безумно люблю. Как своего. Потому — меня мысль... что она пронюхает, что я знаю правду, что ей больше... незачем будет скрываться, держаться за меня. Что начнет тыкать... запрещать, шантажировать... имея при этом, как говорится, все основания... заявляя, что я — чужой... Эта мысль меня просто убила. Ведь она знает мое отношение к нему, и как он мне дорог, как я его хотел и ждал... А потому — по-любому будет бомбить... В общем... я просто ошалел. С катушек слетел. Несколько дней не появлялся, бухал по-черному. А потом... думаю: дурак, че творишь? Привел себя в божий вид, с цветами... и давай замаливать грехи. А там и малого уже выписали — все, слава Богу, обошлось. Так и съехались обратно. Семья. Любовь. Надежды... с*ка. Так я думал. Но не смог: сердце мое разрывалось от обиды, от вранья... Моего убила, чужого нагуляла... Соврала. Скажи, как есть, СРАЗУ СКАЖИ — и все! Никогда бы, — отчаянно, лихорадочно замотал головой, — не стал бы вопрос... «свой-чужой». НИКОГДА! Вот клянусь тебе, — пристальный взор мне в глаза; на ресницах его блестели слезы, — да даже сейчас... если хоть малейший шанс, что она откажется от него в мою пользу, чтобы я его содержал... (а она так — когда у нее будет время и желания... ведь до сих пор грезит карьерой и «адекватным, внимательным, заботливым... при деньгах» мужем) — я его заберу. Без сомнений. И все сделаю... лишь бы она не узнала, что я знаю правду... Я и тому врачу... столько отбашлял, что у него глаза на лоб полезли — лишь бы... не выдал меня, что я... залупился по поводу группы крови: "не заметил"... Да и потом, в ее понимании, я — тупой «солдафон», «недо-мент», «недовоенный». Ну, да ладно... Потому... Лиз, — пристальный, молящий взор в очи. — Очень прошу... не делай, — закачал головой, — не делай аборт. Пожалуйста... Я очень хочу от тебя ребенка. Хочу, чтоб у меня был не только Игорь... но и еще кто-то. А тем более — часть тебя.

Выбрались на улицу. Переступили порог... А ноги мои — ватные. В голове — колокол погребальную песнь возводит, будто башню... памятник всем моим... надеждам, слепым верованиям... и мечтам.

— Костян, ну ты че? — недовольно завел Николай. — Сколько можно ждать?

— Сколько надо. Этих увезли? — кивнул головой, не заметив, видимо, среди толпы пострадавших.

— Ну да. Жека с Митяем рванули.

— Вы бы еще бригаду отправили, — гневно.

— Ну так, один — баранку крутит, другой — бабенции мозги вправляет.

— В смысле? — оторопел. — Вы че, ох**ли?! — бешено, едва ли не криком.

— Да че ты, Костян? Не о том я! Так, разъяснить... что и кому можно говорить, а что — нельзя. Мы что, по-твоему, совсем конченные? — ошарашено выпучил на него свои зенки.

— Да я уже сам не знаю... — злобно, осипло прорычал, скривившись. — Кто... и на что горазд. Словно с ума все резко походили.

— Может, место такое? — заржал кто-то из толпы.

— Озабоченное, или проклятое? — сквозь сдержанную улыбку, съязвил другой.

— Эй, — резко перебил речь товарища Коля. — А Цветкова-то твоя... куда это сиганула?

Кочками, ухабами... я мчала в никуда. Казалось, земля горела под ногами — и за бесом гонится... «серафим».

«Предатель! Предатель!!! ПРЕДАТЕЛЬ!!!» — грохочет приговор, рычит отвращение. Вот только это мерзкое, скверное, гнилое... существо — и есть я.

— Лиза! Лиза, стой! — колотит гвозди в мой незримый гроб его голос. — ЛИЗА, Б***Ь!

Еще метры, еще шальной бег — не зная устали, не зная реальности ход — и, буквально уже за деревней, около леса нагнал, повалил на землю, сбив с ног наскоком, меня мой дозорный «херувим».

Рычу, рыдаю, рвусь из жгучей хватки прочь. Пытаюсь силой содрать его с меня, вырваться прочь — но не дает. Деспотически удерживает, сжимает, давит собой, являя волю несокрушимую:

— ЛИЗА! Лиза, успокойся! Успокойся, молю!

Еще удар, еще рывок — и сдаюсь, обмираю, тихим воем давясь...

— Что случилось? — испуганный, растерянный взор мне в лицо. — Скажи, прошу!

А я не могу... я сгораю... заживо сгораю под его праведным упованием своей нечестивой фрустрацией.

Учащенное, сбивчивое дыхание. Силой ухватил за подбородок, вынуждает взглянуть в глаза, не дает отворачиваться — тотчас стыдливо зажмурила я веки.

— Прощу... скажи, — болезненно протянул, — что не так? Я что-то не то сделал? Да? Сказал? Или что... ЛИЗА! Или он... — обомлел в мгновение, будто прозрев. — Он все-таки тронул тебя... да? Все-таки сделал что-то? Верно? — вдруг движение. Резвое, борзое... В момент на карачки, а затем и вовсе — выровнялся на ногах. Слегка качнулся, словно пьяный. Шумный выдох, сдирая с лица эмоции. Облизался в зверином оскале. Глаза вспыхнули слепой яростью. Еще мгновение — и бросился, рванул со всех ног прочь, обратно.

...и уже я мчу за ним, изнеможенно воя, крича, взывая к его хоть чему-то внутри человеческого.

— КОСТЯ! КОСТЯ, СТОЙ! — едва не падая, заплетаясь в ногах, я мчала раскаленным фронтовым полем за своей душой. — КОСТЯ! Это не Он! НЕ ОН СДЕЛАЛ! А Я!.. СДЕЛАЛА!..

Еще ход по инерции: бег, шаги... — и обмирает на месте Пахомов, будто вкопанный.

Даже обернуться не хочет — боится.

Подбегаю ближе. Звонкие, тяжелые, болезненные вдохи роняю в тишину (лишь тихий шелест травы, что ласкает ветер).

Решаюсь повторить ужасное:

— Это — я... моя вина.

— В чем? — холодное, мерное, будто скрежет, писк... лобзание лезвия ножа по металлу...

Обхожу его сбоку. Замереть лицом к лицу.

Виновато склоняю голову.

И тихо, будто перед Господом, каюсь в грехе:

— Я... бесплодна.

Осмеливаюсь устремить взгляд в глаза, выискивая истинную реакцию:

Окаменел. Брови выгнулись, глаза округлились. Перехватило дыхание.

— Что? — сухо, да так... будто звук — не звук, и слова — не слова.

Отваживаюсь повторно выстрелить:

— Я — бесплодна.

Мурашки побежали по моему телу...

Казалось, в этот момент... и я наконец-то, всецело осознала все то, что со мной совсем недавно произошло. То... какое ярмо теперь весит на моей шее. Я — признала его. Наконец-то признала... и приняла.

Сверлит, колит, отчаянно пронзает меня взглядом — немо моля, упрасывая опровергнуть, признаться, что шучу, что вру... что в конце концов просто сошла с ума, рехнулась, помешалась, тронулась рассудком...

— Это я тебя предала... — давлюсь горем. Прикусила губы до крови — вот только... болью физической терзания души уже не унять. — Прости меня... — и снова спрятать взор, грешником склоняясь. — Прости...

Отворачиваюсь: не могу, не могу я больше все это выдерживать.

Но едва захотела сделать шаг прочь — как тотчас ухватил, сжал в своих стальных объятиях. И все попытки убежать, улизнуть, растаять — стали тщетными.

— Ты че, Лиз? Че ты несешь?

Кривлюсь, прячу глаза от инквизитора.

— Прости меня...

— КАКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО? — гневное, дерзкое, с укором. — Лиза, ты че?

С напором.

Враз ухватил, утопил мое лицо в своих ладонях и вынуждает посмотреть ему в глаза.

Не сразу, но все же... отваживаюсь — поддаюсь.

— Не смей так говорить! — грубо-сладкое. Приказное.

А я не могу, давлюсь слезами, горечью и страхом. Давлюсь безысходностью:

— Я никогда... не смогу родить тебе ребенка. Даже если очень... этого хочу.

Резво сжал, обнял за плечи, крепко притиснул к себе — невольно уткнулась носом ему в шею. Бархатом шепота по ранам моим открытым души на ухо:

— Зая... Ну что ты? — горько, с отчаянием, будто лезвия глотая.

— Я не просто за него замуж собиралась... — выпаливаю, будто ядро из пушки в хлипкую лодку. — Я была беременна от него. О, Боже... как же я этого не хотела! Если бы

ты только знал... Нет, не самого ребенка, а то... что он от него. И пусть давно уже вместе. И пусть будущего своего не видела без него — привычка, мать ее; страх перемен. Но семья, дети... И куда? В эти наши... на грани безумия скандалы? Разборки? В уже... ненависть? А дальше что? ВОТ ЧТО?.. И для чего?.. Но аборт?.. Нет. Однозначно нет. Что уж есть.. Сказала ему — он на дыбы, фыркать, орать. Слово по слову — и опять... целый скандал. Нервотрепка. Пару дней даже не разговаривали. Но устаканилось. Как всегда — слезы, вопли, плевки в душу... но ради «общего блага», ради совести и «правильного» поведения — как общество учит, как мораль наставляет, как мудрецы свет несут: стерпится, слюбится; каждый знал, чем рисковал и в какие лапти лез. А не хватило смелости и ума сказать вовремя «нет» — так и прыгай в петлю, да определяй колебанием табурета неизбежный исход. Замуж позвал — согласилась: приняла его это «щедрое одолжение». И понеслись — еще стремительней с горки. Больше не было для него преград, опасностей. Не на крючке — а в кабале. На шее — камень... и ход один — напрямик на дно. Что творить стал! Жуть просто... еще не муж, а уже на развод не раз подать хотелось. Жили мы отдельно, в его квартире. Родителям никогда ничего про это не рассказывала — да и оно им не надо: не поймут, осудят — и его, и меня. А я терпела, как послушная овца — все терпела. Гулял с друзьями почти до утра, в телефоне временами — странные «смс», номера неизвестные... Черти что творил, черти что!

Крики не стихали в доме — я на изводе, на исходе. Жить не хотелось. А он — давил... еще сильнее и сильнее, вовсе ничего и никого не щадя. И постоянно врал: во всем... и всегда — ВРАЛ. Да как искусно! Хотя... все равно в итоге... правда всплывала и кромсала меня, хуже всякого палача. И однажды всё так закрутилось, так закружилось — нахлынуло всё на меня: обида, злость, отчаяние, ярость... Он гатил — и я не отставала. Изничтожали словами друг друга, как могли... Как самые последние враги, твари. Хлопнул дверью — ушел. А легче мне не стало — поползла я, помню, спиной скользя... по холодному полотну — и прям на пол. Внизу живота — огонь. Пламя адское. Ноет, тянет, болит... А кричать — и того нет сил, только глухие, желчные рыдания... остаточный зной былой беспощадной войны.

Не знаю, сколько там так просидела. Сколько провыла... Потом в ванную, а там...

Никому ничего не сказав, даже "скорую" не вызвав, сама на такси — да в больницу...

Не спасли. Пытались, что-то там... мудрили, но... все те сутки, двое-трое, или сколько — все смешалось воедино: до сих пор не знаю, сколько времени, дней прошло. Вычистили. Как курицу... выпотрошили меня, лишая самого драгоценного — вот только я тогда совсем еще всего этого не осознавала. Виноваты — оба виноваты. Он — за то, что моральный урод. Я — за то, что терпела его, велась... За то, что собственную обиду, чувства поставила... выше здоровья ребенка. И опять — я одна. Никому ничего не говоря, еду к Инке. Как раз вся история обрела смысл, будто все это время я у нее пробыла. Но не прошло и сколько там дней, температура у меня вскочила. Сначала думала, простуда... или на нервах. Но нет — в больницу увезли. Туда-сюда: и приговор... Прошлый раз не до конца вычистили. Воспаление сильное — и это к прочим деталям-то... Опять операция... И всё пошло... вовсе не так. Не так, как думалось, надеялось... мечталось. Итог: бесплодна.

В голове — пустота, на душе — пепелище... Медкарту украла, чтоб никто из моих правду не прознал... — и опять к Инке... А тут и Он — пришел, одумался — букет роз охапка... замученный, истерзанный... едва ли не на коленях у порога ползал, дорогую заколку подарил. Молил простить, вернуться, тоже образумиться... А я не сказала — не смогла. Ничего не смогла. В голове прострация — я еще сама не верила и не понимала, что

происходит, и что уже произошло. И хоть Инка отговаривала, как слепой, проклятый каторжник, я вновь пошла за ним. А там и свадьба уже. Сижу, на меня фату надевают — а я прям... чую, как по моим жилам... вместо крови — трупный яд. Будто в последний путь, будто в гроб наряжают. Сорвалась с места — и бежать. А тут он... у порога столкнулись. Так и соврала ему — что аборт сделала. Соврала — потому что... ни жалости, ни злорадства не хотела. Ничего, пусть лучше ненавидит! Пусть лучше больно ему будет и мерзко! Ведь никогда не признает за собой вину! А мне... зачем его притязания?! Я свои ему подарю! Родителям тоже соврала — незачем... им знать правду. Батя... если хоть как-то заподозрит, что во всем том ужасе... есть хоть капля вины этого ублюдка, то просто убьет. Как пить дать, убьет... После побега первое время жила у Инки — и от позора (родительского порицания) подальше, и что б... скандалы, попытки Буранова встретиться не выносить на обозрение другим. Вот так теперь и существую: только родителям сказала про... диагноз. Батя злится, ненавидит меня за то, что не просто внука убила, а заодно... всех детей будущих своих... пох*рила в один миг, одним жутким, глупым решением... Я и не снимаю с себя ответственность, не снимаю... Хотя, проще же... конечно, винить не себя. Особенно для общества: чтоб не пилили, не упрекали, камнями не бросали... и не плевали в лицо. Но не могу, нельзя — ведь иначе... будет еще хуже. Буранов и так победил. Не хотел — но победил. Не хватало ему еще и... остальное, все свое ценное отдать сполна, всю свою душу. А тебе не сказала — врать не хотела. Да и страшно... очень страшно было признаться... в своем уродстве. В своей никчемности. В позорной, мерзкой дефективности...

— Девочка моя, — вмиг ухватил мое лицо в свои ладони. Очи в очи. Не выдерживаю взгляд, отвожу глаза в сторону, новой волной слез давясь. — Лиз! Зай! — нежно, отчаянно позвал. — Котик мой! Ну, что ты говоришь? Какая дефективность? Очнись! Ну нет — и не надо! Подумаешь? — нервически, тихо, коротко рассмеялся. — Зато по ночам... спокойнее спать будем, не думая: кто, что, где, как.

— Но ты же хочешь... очень хочешь, — горько, болезненно. Поддаюсь. Сцепились наши взгляды в неравной схватке.

Улыбается. Добро так, понимающе, ласково:

— Я тебя хочу. А всё остальное — неважно: поскольку постольку, и будь что будет.

Глава 26. Поезд дальнего следования

Глава 26. Поезд дальнего следования

«В смысле, не придешь?!» — раздался крик Николая в телефоне, когда Пахомов выдал обреченно-невероятное.

Машинально, еще сильнее сжал Костя меня в своих объятиях, будто страхась, что отберут. Пристыжено рассмеялся:

— В прямом... — короткий, украдкой поцелуй мне в висок, — разберись, будь добр, сам там: прессани малеха. Узнай, что к чему, че они туда заперлись, что это вообще было. И ментам отдай.

«Ментам?» — удивленно.

— Да. Юрцу. Он знает, что с такими делать.

Отбить звонок — и пойти вдоль леса, устремиться по грунтовой дороге в неизвестном мне направлении.

— И далеко мы? — залилась застенчивым смехом я, не выдерживая этой странной, терзающей интриги.

Ухмыльнулся:

— Увидишь, — загадочно.

— КОСТЯ! — вмиг гаркнула я, резко тормозя. Стала как вкопанная. Смело сопротивляюсь его напору, усилию сдвинуть меня с места. Надула (отчасти наигранно) обиженно, возмущенно губы я.

Захохотал:

— Ну, точно малое дитя! Хорошо, — скривился в едкой, но милой ухмылке. — Раз всегда отказывалась ехать ко мне... то к «нам». Идет? Захудалая, неубранная, съемная однокомнатная квартирка «недо-мента», «недо-военного». На первое время, — поспешно добавил, кивнув головой. — Согласна?

Счастливо заулыбалась я, пряча от смущения взор и пунцовея, будто матрешка.

Но миг — и словно прозрела:

— А Анна Федосеевна? — взволнованно выпалила ему в очи.

Скривился сконфужено Костя, закусив губу. Тяжелые размышления — и наконец-то отважился:

— А мы ей потом позвоним... Успокоим и всё объясним. Идет?

— А дела? — ядовито уже издеваюсь, неприкрыто язвя.

Почуял, вкусил... завелся. Коварная улыбка:

— Теперь ты — все мои дела, а остальное — так, глупости.

— А как же... недавняя сорванная операция... и «крысы»?

В момент нахмурился (притворная, хоть и с долей правды, серьезность):

— Я не понял. Ты что, опять отмазываешься?

Усовещено тотчас рассмеялась я, на миг отворачиваясь, увиливая от напора его колкого взгляда:

— Нет.

— Ну вот и всё! — невольно громче обычного; угрюмо. Но затем снова ухмылка: — А то

ишь, че завела!..

Еще немного — и вышли к железнодорожной станции.

Более того, буквально сразу и прибыл на оную состав, примчал поезд.

Предъявил корочку Пахомов. И, получив одобрение проводницы, едва ли не приглашение, вмиг забрался на ступени; учтиво протянул руку мне мой галантный кавалер:

— Прошу...

— А на авто, не, немодно? — язвлю, откровенно давясь шоком, явно не понимая... зачем, к чему такие усердия. Но поддаюсь — цепляюсь, забираюсь внутрь.

Глаза в глаза. Лица на расстоянии вдоха:

— Как ты там говорила? — прищурился коварно, крепче сжав меня в своих объятиях. — Придет миг — и один из них унесет тебя куда-то далеко-далеко... в новый мир. В твой дом...

— А еще в сказку, — шепчу взволнованно, утопая в прозрении. — Но я не хочу сказку... — в испуге дрогнул мой голос. Замотала лихорадочно головой: — Я хочу тебя... настоящего.

Ухмыльнулся самодовольно.

Власть развращает. Обретая возможности, сложно уже противиться искушению использовать их... в своих частных целях.

А потому блистание удостоверением вначале рандеву для участливости местного контингента, денежная «компенсация» ныне — для успокоения души всех собравшихся: и нам в момент заботливо выделили целое купе для полного, приятного уединения.

Закрывать дверь, проверить барашек замка.

Села у окна.

Костя, на удивление, тоже... напротив. Уперся локтями в стол.

Пристальный, странный, сверлящий, изучающий взгляд обрушил на меня — не выдерживаю, и, давясь улыбкой, заметала я взор по сторонам.

— Что? — сгорая от неловкости. И снова глаза в глаза.

Неожиданно движение — и протянул мне свою ладонь:

— Константин Павлович Пахомов. 1980 года рождения. Сотрудник правоохранительных органов. Майор ФСБ. Хобби нет. Все свое свободное время вкладываю во всю ту же работу. Разведен. Помогаю воспитывать сына: не одной крови, но своего. Из близких еще есть бабушка, Анна Федосеевна Грозовская. Правда, опять-таки... родней приходится не мне, а моему другу — Ваньку, бывшему напарнику. С недавних пор состою в отношениях с гражданкой Цветковой Елизаветой Анатольевной, и у меня серьезные намерения относительно нее... если она не против, — поспешно добавил и ухмыльнулся смущенно.

Рассмеялась я глупо, сконфуженно, окончательно прибитая шоком. Чувствую, как жар подступил к лицу.

Поддаюсь игре.

Пожимаю его руку:

— Елизавета Анатольевна Цветкова, 1986 года рождения. Сотрудник милиции. Пока без звания — и, судя по всему, на том... и закончится, — печально коротко захохотала сама над собой. — До недавних пор работала в школе учителем физкультуры. Замужем не была, хотя... чуть не вляпалась. Детей нет. И нынче — бесплодна, — нервически сглотнула ком

горечи, боли. — И, если Вам, Константин Павлович Пахомов, 1980 года рождения, — заливаюсь шаловливой иронией, — я еще интересна... то тут уж, как говорится, я бессильна: а потому — вся Ваша.

Крепко сжал мою ладонь. Вдруг резво вскочил с места и, обогнув стол, тотчас подался ко мне.

Захохотала я звонко от смущения.

Но давление, игра, попытка дразнить зверя — и уже повалил меня на спальную полку, сверху прибивая собой.

Жаркий, запойный поцелуй в губы...

Руками хоть и блуждал по телу, но на что-то откровенное, как обычно доселе, почему-то так и не решался... Еще миг — и вдруг стремительный напор: стащил с меня курку долой — помогаю. Снял и с себя верхнюю одежину. Хотел, было, на соседние сидение закинуть, да мимо: рухнуло все предательски на пол — не реагируем. Резво схватил мое платье за полы — и потащил его вверх, оголяя, обнажая меня перед собой бесстыдно. Сжалась я от смущения.

— А это обязательно? — тихий, робкий мой смех.

— Очень... очень «обязательно», — задумчиво прошептал, жадно изучая взором всё то, что столько времени манило, соблазняло собой, но так и не было доступным.

И снова уложил меня на спину. Голодно припал к груди: распутное блуждание языком, скользя по коже, играя с моими ощущениями, а затем грубый, знойный поцелуй, вбирая в себя, дразня, истязая завоеванный возбужденный сосок, доводя тем самым меня до протяжных вожделенных стонов. Утопил в ладони, сжал деспотично вторую грудь до сладкой боли. Протиснулся, лег между моими бедрами Пахомов — заставляя обвиться вокруг поясицы. Исполняю... всё исполняю — что бы не пожелал... Пробраться и к его закрамам: стащить свитер, футболку; расстегнуть брюки; освободить, устранить последние преграды... — участливо ведется мой Костик. И снова шалость, наслаждение... от обоюдных ласк. Мгновения откровений, напряжения, жажды, накала интриги — и ворвался, вошел в меня, взрывая яркими красками небосвод...

Костя расселся у окна: облокотившись на стол, подпер рукой подбородок. Задумчиво всматривался вдаль. Я же лежала рядом, уютившись у него на коленях, как на подушке, и нагло томилась в ласках: нежно гладил меня мой «истязатель» по голове, тем самым хоть как-то усмиряя ноющую, пеленой тумана заслоняющую сознание, боль — эхо былых сражений.

— Ты это... — неожиданно раздался Пахомова голос, — только не злись, — тихим, спокойным тоном, будто убаюкивая (хотя не без затаившейся издевки).

— Что там уже? — гаркнула я, не сдержавшись от злости: тревога полосонула меня изнутри. И без того не по себе: до сих пор не верится, что счастье и покой для нас ныне — все же позволительная роскошь. Резво выстрелила взором ему в глаза.

— Мы не в ту сторону едем, — несмело прошептал, заливаясь виноватой улыбкой.

— В смысле? — подскочила я тотчас и забралась ему на колени, а там и вовсе едва не прилипла к стеклу: то лесополоса (золотом усеянная тиара уставших, ко сну приготовившихся, деревьев), то голые поля. Лишь вдали... иногда мелькнет столб, или чей-то автомобиль, али дом островком цивилизации. — С чего взял? — робко.

Тихо рассмеялся:

— По названиям станций понял.

— И чего раньше не сказал? — искренне удивляюсь, устремив взор на своего «негодяя».

— А только сейчас и понял. Я же тебе не навигатор, — ухмыльнулся.

Скривилась виновато, состроив нелепую гримасу:

— И что будем делать?

Явно потешаясь, уступил смеху:

— До города доберемся. А там: такси, маршрутка, автобус — что найдем, то и будет. —

И вдруг печаль исказила его уста: — Прости... что затянул нас в дебри.

Враз округлила очи я. Еще миг — и сконфуженно захохотала. Движение — жадно прилипла к своему Костику, уткнувшись носом в шею — крепко сжал в ответ в своих объятиях.

Томно прикрыть веки — вдох; жадно вобрать в себя блаженный аромат, сводящий с ума запах; упиться теплом, трепетной близостью со своим мальчиком:

— Да мне... — помедлила от волнения, — мне, по сути, всё равно... даже если... и не вернемся мы больше никогда домой.

Вмиг грубая попытка Пахомова отстранить меня от себя, заглянуть в глаза — но не поддаюсь. Еще сильнее, усерднее прижимаюсь в ответ.

Вынужденно смиряется. На ухо шепот:

— Ты серьезно?

— Ну да... — короткая пауза. — Я же не зря тебе тогда... уехать за границу предлагала... Лишь бы с тобою рядом. А в остальном — неважно: что, когда и куда. Хоть на край света.

— А родители? — все еще никак не может обуздать свой шок.

— Письмо напишу, — шутливо-искреннее.

Хмыкнул вдруг, но добро так, весело:

— А по телефону... нет?

— Не эпистолярно как-то, — глупо ржу.

— Че-го? — рассмеялся громко, язвительно.

Оторвалась я от Кости. Сползла на сидущку, тут же отвернулась, пряча покрасневшее от смущения лицо. Разлеглась. Голову, как и прежде, своему Пахомову на колени умостила, вот только взглядом уткнулась в живот, принявшись пальцем ковырять пуговицу рубашки.

Решаюсь ответить. Тихо себе под нос:

— И когда в тебе успел умереть романтик?

Жгучая, колкая тишина. И наконец-то:

— Когда ты ушла.

Обмерла я, прибитая правдой. Виновато, еще рачительней спрятала взор, а то и вовсе зажмурилась; закусила губу.

Но еще один шумный, сгорая в стыде, вздох — и нахожу силы и смелость отстоять, не ронять прежнее настроение. Попытка перевести все в шутку:

— Но я же... вернулась.

Пауза — болезненная, рвущая душу на части, вонзаясь раскаленными прутьями в сердце, в сознание — и все же снисходит Костя на ответ:

— И он... потихоньку во мне оживает. Вот, к примеру, в поезд тебя затащить и черти куда увезти — это его проделки, — слышатся нотки смеха, издевки в бархатном баритоне.

Улыбаюсь счастливо (радуюсь, что все же поддался):

— Вот за это... я его и люблю.

Секунды молчания — и вдруг выпаливает:

— За что? — язвительно, хоть и добро, сквозь улыбку. Попытки разглядеть мое лицо, реакцию, но не поддаюсь. Продолжил: — За идиотичность?

Залилась тотчас смехом я. Невольные томные внутренние рассуждения, и отваживаюсь:

— За неординарность... За безумие... За страсть...

— Как бы он потом всем этим бесить не начал, — заржал пристыжено.

И снова рукой коснулся меня, нежно провел по волосам.

Проворачиваюсь.

Глаза в глаза:

— Я верю в нас, — шепчу несмело.

Ухмыльнулся Костя. Смолчал. Сверлит взглядом.

— И в себя, — продолжаю робко. — Что справлюсь...

— С чем? — удивленно.

— С глупостью своей, — конфузливо ухмыляюсь. — Что не позволю себе... наделать из-за нее ошибок.

— И я надеюсь, — миг — и тотчас, гадина, рассмеялся.

— Дура-ак! — обижено (наигранно) протянула я и тут же стукнула его в грудь.

Поймал, схватил мою руку в свою. Короткий поцелуй в ладонь, в тыльную ее часть, и сжал оную крепко:

— Да ладно, — серьезностью налился его голос, а уста искривила горько-сладкая улыбка. — Я тоже... в нас верю. Всё у нас получится. Верно?

Пристально, с вызовом. Схлестнулись взоры:

— Верно, — убежденно констатирую я.

И снова замереть, утопая в счастье. Его взор — то на меня, словно вбирая в душу самое ценное, то за окно — задумчиво.

Я же — прикрыла веки и внимала своим мыслям, иногда отвлекаясь на чарующую музыку биения родного сердца...

— А почему Харлей? — не выдержала и все же поддалась своему бесстыжему интересу.

— А? — удивленно. Глаза в глаза. Но миг — и, осознав услышанное, усовещено рассмеялся: — А-а... — скривился, словно школьник, которого поймали и уличили в содеянном. — Было дело... причем очень давно, — шумный вздох. — Еще Ванёк был жив... друг мой, брат, наставник, напарник... — немного помолчал. А затем продолжил Костя: — Урода одного брали. А он, с*кин сын, ловко нас обставил: мы — в дом, а он — на улицу, на мотик свой — и деру. Мы за ним... как идиоты, на тачке. Шустрый, хитрый: сразу в толпу — и выруливает на проспект в самую пробку. Как ни пыжились мы — а уже едва из виду подонка не теряем. И тут на светофоре — гляжу, такой же лихач стоит — притормозил учтиво, делая поворот. Ну, я и ломанулся к нему. Едва ли не силой отобрал, на ходу объясняя, что "Органы" и что для дела нужно. Рванул за тем упырем... Э-э-э, — устыжено протянул, хохоча; взмахнул рукой. — Че уж там? Молодой, дурной... в башке — черти что: любой ценой хотел взять. Столько тачек по пути убил, и этот... "велосипед" в хлам расквасил — сам едва жив остался: добротню так под фуру влетел. Ублюдох же тот скрылся... А я? А че я? Только проблем наворотил. А потом... еще выяснилось, что мотоцикл, который я угнал, адски дорогим "самокатом" оказался... да еще хозяин —

"папенькин сынок", чадо одного олигарха... с*ка, Стасик... как сейчас помню. Че мне было-то!.. — взревел показательно. — Всё отделение ржало. А я в больнице лежу — перебитый весь, загипсованный, перебинтованный — а они меня и отдубасить за произвол не могут. Только на мозги ходили капали... Ну, а потом полковник все замаял, зарешал. А вот кликуха осталась, прицепилась... что пиявка. Сначала за глаза, только Ванек решался дразнить в открытую, а потом и остальные — в герои подались. Правда, к тому времени уже привык — потому и не бушевал особо. А Шевелев, так тот вообще, возвел это в мои подпольные "погоняла". Позывной, б***ь. Прости, за грубость. Но реально... бесят, гады... — и снова смущенный смех. — Я же как лучше хотел... кто ж знал, что какой-то невзрачный "двухколесник" может стоять, как квартира...

Глава 27. Надежды и мечты

Глава 27. Надежды и мечты

А вот и та самая обитель, «цитадель» моего Пахомова, приглашения в которую я так «ловко» и столько раз отвергала.

Сдалась, пала «наша» перед гнетом обстоятельств, давлением перипетий судьбы... Но я и рада. Очень рада быть здесь. Быть Его... И более того... отныне между нами нет тайн. По крайней мере, с моей стороны.

— В общем, — задумчиво протянул Костя, кружась на месте. — Дверь и окна — бронированы. Но всё же... никому ни на что не отвечать: звонки, стук. Шторы не открывать, на улицу не выглядывать, как и на балкон — лучше не открывать и не выходить на него.

— А свет включать можно? — язвительно ухмыляюсь.

— И включать, и выключать, — паясничает (но добро). Улыбается.

— Сама щедрость, — тихо смеюсь.

— Я такой, я могу, — хохочет. Звонкий вдох: — В общем, в остальном- всё что угодно. Всё в твоём распоряжении... — махнул рукой около. Ухмыльнулся вдруг: — Конечно, желательно соседей не топить и хату не палить... но если уж сильно захочется — что уж тут, как-то да переживем.

Залилась смехом я.

— Короче, — спешно добавил, — мой дом — твой дом. И ни в чем не смущайся, не стесняйся... и не отказывай себе.

— Даже кота завести можно? — хохочу язвительно.

Коварно, томно прищурился Пахомов. Шаги ближе — и обнял, притянул к себе. Глаза в глаза; шутливым, соблазнительным шепотом:

— Я тебе буду... вместо кота, — прилип коротким поцелуем к моим губам — хотел, было, уже оторваться, как тут же осекла, удержала подле себя: смело ответила, уволакивая в плен нежности и чувств. Поддался, послушно, покорно... бесстыдно, Костя.

Минуты шальных ласк, жарких объятий, смелых блужданий рук по телу — и приговор: отрывается от меня. Нежным бархатом на ухо:

— Может, кушать?

Конфузливо смеюсь:

— В душ. Очень хочу в душ.

— Ну, в душ, так в душ... Пошли.

— Что значит «пошли»?! — громко выдала я, лживо строя недовольство. Немного отстранилась. Глаза в глаза. Чувствую, как щеки мои запыхали от смущения. Но миг — и позорно проигрываю, заливаясь звонким хохотом, уступая "подлистым" кривляниям сего "гада": — Это я в душ, а ты — кушать.

— Ну да, — съязвил шутливо Пахомов. — Так я тебя одну и отпустил, — игривый рык, откровенно уже забираясь мне под платье.

— Тебе что, мало? — изумленно, едва ли не визгом; выпучила на него очи. Живо пресекаю, останавливаю нахальства ход.

— Мне всегда тебя мало: хочется еще и еще, — ржет негодяй. — И потом, я же тебя на кровати еще так и не пробовал, — бесстыдный гогот.

Невольно рассмеялась и я:

— Ты меня много еще где не пробовал. И что теперь? Пока не поставишь все галки, не остановишься?

Враз приблизился. И коварно на ухо жарким, манящим, сводящим с ума, шепотом:

— Да. А потом... по второму кругу, и по третьему...

— Да Вы, Сир, тот еще... похотливый извращенец, — смущенно хохочу, невольно заливаясь краской.

— А Вы, Леди, только сейчас это поняли, да? Ох, тяжела же ваша судьбинушка... тяжела.

И всё же душ. И всё же... общий, на двоих ритуал. Кое-как уговорила... силы поберечь... и меня заодно.

Шаги в комнату.

— Садись на диван, — кивнул в сторону своей, на скорую руку заправленную, постель.

Поддаюсь.

Мигом метнулся к серванту. Достал что-то с полки. А дальше в шкаф — полотенце закинул себе на плечо.

Присел на корточки у моих ног.

— Ты что задумал? — смущенно улыбаюсь.

— Не бойсь... я добрый доктор...

Обработать перекисью раны, кое-что даже пластырем заклеить.

И снова присел у моих ног. Станный взгляд в очи.

— Что? — пунцовею под его молчаливым напором.

Мгновения волнительных скрытых мыслей, интриги, соблазна — и внезапно закачал головой:

— Ничего. Просто... до сих пор не верится, что затащил тебя к себе. Что ты теперь — моя.

Смущенно улыбнулась, пряча на мгновение взор.

— А я и так была твоей... причем... с первой нашей встречи.

Рассмеялся враз, но еще миг — и осекся, прервал себя. И снова... соитие взглядов.

Закивал одобрительно:

— А я — твой. Только... сам этого не понял. Потому... столько времени упустил.

— Но у тебя еще была... Ирина.

И снова кивки, болезненно кривляясь и виновато пряча очи.

— Да. Была...

Момент — и внезапно замотал головой, будто прогоняя мысли из головы. Зажмурился. Скривился:

— Но... слава Богу, всё позади, — устремил взгляд мне в глаза, пристальный, говорящий, глубокий. — И все ошибки... грубо, но исправлены. И теперь у каждого из нас есть шанс... быть счастливым. В том числе — и у Малого.

Немного помолчав, добавил:

— И ты — теперь моя, а я — твой. Всецело.

Вдруг движение — и несмело, бережно взял мою ступню в свои ладони. Нежное касание, поглаживание по голени — и неожиданно коснулся, прилип губами. Сладкий, короткий поцелуй... и ход дальше. Перебежками, робким напором... поднимался всё выше и

выше — пока вовсе не повалил меня на спину и проник между ног, нагло, откровенно разводя их в стороны. Мнусь, сопротивляюсь — да только... это уже неважно: скользя влажным языком по внутренней стороне бедер, нежностью, трепетной, до дрожи доводящей, ласки... до стонов изнеможенных накаляя меня, Костя творил свою дерзкую, шальную... умопомрачительную феерию. Жадный, бешеный, отрешенный крик разорвал тишину, оповещая весь мир о моем поражении, сокрушении... и самозабвении. Звезды взорвались блеском, рассыпаясь по темному полотну искренних, но вместе с тем... и сказочных ощущений и чувств.

Жадно прижаться друг к другу — и попытаться уснуть.

Однако... чем сильнее я пыталась прогнать мысли, тем упорнее... они возвращались обратно и с новой, большей силой затевали очередную вихрь. И неважно, что голова гудела, раскалывалась на части, тело ломило, будто каток переехал меня, — рассуждения... куда более беспощадным изувером оказались, кромсая, пиля, рвя меня на ошметки, душу испепеляя заодно.

— Знаешь... о чем я еще думаю? — осмеливаюсь на самое жуткое, потаенное. Но, словно воздух наконец-то хлебнув, почувствовав невероятное облегчение, сознавшись ему, моему Косте, покаявшись... пооткровенничав с ним, я больше не могу, да и не хочу останавливаться: высказаться, избавиться от внутреннего груза... разделить горе напополам. Ведь только так... у меня появляются силы... жить, идти дальше, вперед.

Эгоистично? Нагло? Самонадеянно?

Возможно... возможно и так. Но не могу уже... иначе.

Пахомов — это всё моё, весь мой мир... и я хочу в нем раствориться, прошлое... позабыв навсегда.

— Что? — так и не дождавшись продолжения, отозвался учтиво мой мальчик.

Прожевала страх, собрала волю в кулак — и решилась на... важное:

— Иногда мне кажется... что если бы я хотела... действительно хотела этого ребенка, то он бы... выжил. Держался бы до последнего. Вопреки всему...

Обмер, пришипленный заявленным Костя. Долгий, жуткий миг тишины, безучастия, отсутствия вдохов — и словно очнулся: враз сжал крепче в своих объятиях, невольно сильнее зарываясь носом мне в волосы.

Еще вдох — и шепнул на ухо:

— Лизонька... Девочка моя... Что суждено, то суждено. И мы не в силах что-то изменить. И всё, что должно было случиться... с нами: со мной, с тобой, с нашими близкими — всё и случилось. И только благодаря этому (горькому опыту, радости и печали) мы те — кто мы есть сегодня. Только так бы... мы встретились с тобой. И только так бы — обрели друг друга. Не потеряли, не оттолкнули, не профукали... Только так... мы ныне безумно ценим и дорожим тем, что у нас есть. Только так...

— Но Его больше нет, — болезненно рычу я от обиды, заливаясь, захлебываясь уже слезами. — Ни его... ни других. И никогда уже больше не будет.

— Мы что-нибудь придумаем...

— Что?! — горько, отчаянно, невольно дернувшись в его хватке, но не поддався, не уступил.

Все так же сдержанно, нежно, успокаивающе:

— Что-нибудь, — приговором. — Люди в космос летают... А то... с таким мы не

справимся.

— Космос? — отчаянно, озлобленно гаркаю. — Ты серьезно?!

— Сколько детей... без родителей растут. Без семьи, без дома... Кому-то да надо их брать, любовью одаривать... И заодно — судьбу спасти.

Обмерла я в рассуждениях. Болезненные за и против. Решаюсь:

— А тебе не обидно? — жгуче, себя режа заживо.

— Насчет чего?

— Тебе же... любая... может родить. Любая! Твоего... по крови родного. А тут — от всего отказаться. И ради чего?

— Ни чего, а кого, — невольно грубо вышло, озлобленно гаркнул. Но тотчас осекся, сменив тон на прежний: — Ради себя... и тебя. Не нужен мне никто иной. Только ты... И если не дано... иметь общего ребенка — то я это принимаю. И ничего здесь сверх... колоссального, сверхъестественного нет. Это — мое решение, — твердо, уверенно отчеканил слова. — И мне с ним жить. И пока у меня есть ты, и я счастлив рядом с тобой — пока всего этого мне будет хватать с головой. Я с радостью с тобой усыновлю ребенка. Да и за наших с тобой... поборюсь. Гляди, медицина не стоит на месте. «ЭКО-шмеко»... Че у них там есть? Всё можно перепробовать...

Отчаянно, скорбно рассмеялась я, зажмурившись от боли:

— И все-таки... надеешься. Ждешь.

— А ты? — резво спохватился, расселся в постели. Уставился на меня, да так, что буквально чувствую тактильно его взгляд. Поддаюсь — отрываю веки. Очи в очи. Продолжил: — Или все: сказали — и ты сдалась. Быстро руки опустила. Да?

Виновато, пристыжено прячу взгляд.

Долгие, шумных, тревожных вздохов, мгновения — и сдается:

— Ничего, — будто гром, звук его. Невольно вздрогнула я от испуга. Резво уставилась ему в глаза. Поддается, отвечает тем же: — Решим проблему нашу — и вернемся к этому разговору... И ты у меня уже не отвертишься, — игриво, коварно вдруг заухмылялся мой диктатор. — Будут у нас еще дети, — приказным тоном. — Сами родим или нет — неважно. А БУДУТ.

Часа четыре утра было, когда его вызвали на работу.

— А кушать? — взволнованно дернулась я в постели; попытка продрать глаза; увидеть, разглядеть нормально своего мальчика. — Давай хоть завтрак приготовлю? — живо кидаюсь на край дивана — голова невольно пошла кругом.

Но и без того — тотчас пресекает мне путь Пахомов: присев рядом, ловит в сильные, жадные объятия. Прижал к груди, короткий поцелуй в губы. Шепотом на ухо:

— Не надо, зай. Некогда. Там где-то заскочу, перекушу. Ты, главное, сама поешь. В холодильнике что-нибудь да найдешь... — резво отстранился, сорвался на ноги. Шаги по комнате. — А вечером уже привезу что-то более толковое, идет? Как и одежду — скинешь мне потом смс с размерами.

— Костя... — коротко, серьезно обронила я.

— Да? — невольно вздрогнул от удивления, учуяв неладное; резко уставился на меня.

Жгучие, резиновые мгновения — и отваживаюсь. Искренне и всецело осознавая:

— Я люблю тебя.

Вздернул невольно бровями. Округлились очи. Шальные секунды, дабы побороть

шок, — и решается, заливаясь смущенной улыбкой:

— А я тебя, Лиз... Очень люблю.

Жуткий, пустой день... И пусть интерес брал свое — и изучать доселе закрытую от меня жизнь Пахомова было очень увлекательно, голова все же в основном туманилась другими мыслями: сердце откровенно изнемогало по своему мальчику. Едва обрела — всецело, безоговорочно — и надо отпускать. Волноваться... что, где, как. Лишь бы ничего плохого не произошло.

Честно, даже не представляю... как Ирина всё это выдерживала. Верю. Честно, верю... что она его любила. Какой-то странной, сдержанной, может быть, скрытой... нелепой любовью... Но любила. Ведь иначе просто не может быть — нет. Как можно Костю не любить? Когда он такой искренний, добрый, нежный, заботливый... верный, отважный, веселый... Не смотря на все «но», он хороший. Очень хороший...

Закачать в негодовании головой и шумно вздохнуть.

Скривиться.

И тем не менее, так плюнуть в душу, так предать...

Хотя... и я не лучше: по отношению к Буранову — тоже демон. Тоже — черти что...

Обмерла невольно у серванта, в мыслях своих потопая. А потому не сразу заметила, осознала, что взором наткнулась на что-то... до боли знакомое. В самом углу, в закромах блестяла та самая заколка. Живо открыть стеклянную дверцу — и забраться внутрь, схватить цапку. Нет, не показалось (невольно смеюсь сама себе под нос): кручу в руках вещицу. Надо же... сохранил. Та самая... моя злосчастная заколка, что я моему Костику, моему "Захватчику", в «плату» за доброту, веселье и «лекарство» оставила, небрежно (тайно) обронив в машине.

Та самая, что для меня в те, кажется уже, далекие... времена немало мне нервов стоила. Буранов... Чертов Буранов. Давно мы с тобой познакомились, очень давно — мне тогда только семнадцать стукнуло. Закрутилось, завертелось. Страсть, яркие впечатления, чувства... первая любовь. Ты стал для меня целым миром, я же для тебя — лишь попыткой... обрести что-то стоящее. Всё сомневался, всё что-то искал на стороне, куда-то душа твоя тянулась. А я терпела, ждала-выжидала... Надеялась, искренне надеялась, что наступит день — и я стану для тебя не просто девушкой, не просто даже... женой, а любовью — настоящей, единственной и неповторимой. Но единственное, что ты упорно дарил, изо дня в день, — так это вранье. Чистое, красивое, блестящее — как эта мерзкая заколка. Покрытая лишь позолотой — так и наши отношения, твое ко мне отношение — было лишь позолотой. Вместо бриллиантов — фианиты: вместо чувств — надежда; потом — игра, а затем... и вовсе пустая, вредная привычка.

Долг. Даже наша свадьба, в итоге, стала... лишь — долгом, и то... перед ребенком, а не — мной... Тебя же я бесила, твоя душа требовала свободы — я тянула тебя на дно: тихий, закрытый омут, где предложить могла лишь — заботу и тепло. Но это пока не явил ты мне свое истинное обличье — закутилось, завертелось, забурлило подводное течение, рождая холод, злость, презрение в ответ — и топя уже нас вместе заодно.

Погубили... вместе погубили наше дитя: ты — своей жаждой чего-то иного, нежели есть у тебя уже, а я — своей глупостью. Вместе — трусостью.

Подарив заколку, думал, что я тебя прощу, что я пойду за тобой вновь... и в огонь, и в воду; стану женой, рабом. Жертвой паду на алтарь нужды и долга — а в итоге... ничего. Ни

желания... ни нужды.

Ненавижу тебя. Ненавижу... Как и эту заколку... до сегодняшнего дня.

Дивная, жуткая вещица. Неоднозначная барышня. Вовсе неоднозначная.

Еще недавно — оплот, символ горя и слез, разочарования моего, Буранова.

А уже сегодня, сейчас — чувств, отношения... Кости ко мне. Ведь сохранил...

Действительно... с первой встречи я зацепила Его (и снова смеюсь сама себе под нос).

Вопреки всему... и собственной холодности, принципам (ведь еще женат был), безучастию... а сохранил, сберег на память... обо мне — глупой, сбежавшей Невесте.

Чудеса... чудеса, ей Богу... и нет ничего в этой жизни однозначного. То, что сегодня является для тебя горем и тащит на дно, завтра может оказаться ступенью, поворотом, дорогой... к чему-то иному, более настоящему, к чему-то большому и действительно стоящему...

Явился Мой Герой домой даже не под вечер... а аж под самое утро.

Ночь без сна. Вся на иголках. И слезы наворачиваются на глаза — вот только... без зла, без обиды, без гнева. Если Буранов гулял, развлекался — то тут я знаю, верю... Костя не поступит так со мной (по крайней мере, пока)...

А потому, едва раздался шорох, застучал ключ и щелкнул замок, вторя оборотам, я тотчас, счастливая, сорвалась с места и помчала встречать своего суженого...

— Мои руки — и кушать! — радостно скомандовала, заливаясь смущенным смехом. — Я, конечно, тот еще повар... да и запасы у тебя не ахти... — затарахтела, словно старая лебедка.

— А просто пельмени? — заливаясь блаженной улыбкой, покорился моим наставлениям: в ванную, да за мыло жидкое...

— Опять сухомятку? — оторопела я, скривившись в негодовании.

— А мы чайком разбавим, — хитро прищурился.

Смыть пену долой и живо вытереть руки полотенцем. Резвый шаг вперед, хватая меня в свои объятия. Короткий поцелуй в губы.

Взгляд обрушивает в глаза:

— Я соскучился...

— Кушать сначала, — грозно рычу, хотя не без притворства.

— Вот и я о чем же, — коварно захохотал и силой, нагло потащил в комнату...

Глава 28. Сладкая обыденность

Глава 28. Сладкая обыденность

Разбудил нас телефонный звонок.

На ощупь опробовал всю тумбу, пока не отыскал вредный аппарат:

— Слушаю. А! О! Привет, Игорещ, — живо спохватился, расселся в постели Костя

Протер глаза кончиками пальцев. — Нет, не сплю... Как дела?

Ленивые движения — встал с дивана, прошелся по комнате. Вопросы-ответы... маловажный разговор.

Неспешные шаги на вход из комнаты...

Шорох в коридоре. И опять реплики... Стук дверцы холодильника — тихий смех...

Слезы, непрошенные, мерзкие, стыдливые, проступили на мои глаза. В момент отвернулась я, уткнулась в подушку.

И знаю, что неправа. Что неправильно всё это... и всё же... не могу сдержаться.

Частный разговор. Не для моих ушей... и никогда я не буду иного достойна, верно?

...всегда будет скрываться, прятаться от меня? Где мое место? И кто я ему? Если... семья в другом месте? Какая бы не была... но семья. Не то, что у меня... со мной... у нас. Вечно на задворках. Да, понимаю, сын — на первом месте. Однако... при этом мне необходимо теряться, затесываться где-то там, позади, за спинами... и не греть уши "чужими" разговорами, делами? Неужто наше общество... никогда не будет одним на всех? Я же с радостью приму Игоря. С радостью! И пусть не мамой, но хотя бы близким другом... Очень хочу стать! И радостные моменты, как и горечь (если, не дай Бог, приключится) делить сообща... Я хочу быть семьей... Его, Кости семьей — а значит и всех приму, кто бы ни был ему дорог. Даже Ирину... в какой-то мере, если общение с ней, как с матерью Игоря, ему будет нужно.

Скрип пола, рыкнула дверь. Слышу — зашел, присел рядом на кровать.

Молчит.

Ну да... договорил — вернулся.

Всё логично.

— Нет, — внезапно раздался его голос, будто гром, молнией прошибая всё мое тело враз — предательски вздрогнула. — Опять в работе... — грохочет прозрение. И не хочет стихать: — Зато к бабушке ездил на днях, проведал — привет тебе передавала, крепко обнимала и целовала... Варенье еще хотела передать — да дела меня позвали, не удалось забрать. Но, как-нибудь, обещаю, реабилитируюсь и заскочу к ней за твоими подарками.

Обмерла я, словно вор. Все еще не могу поверить собственным ушам, разуму.

И более того — стыдно сознаться, какие только что мысли разрывали мне сознание, душу...

— Лиз, — внезапно тихо позвал меня.

Вздрогнула, будто иглой ужалил. Тотчас обернулась я, ошарашенная. Удивленный взор ему в лицо: все еще удерживает телефон, прижав к уху плечом. Тычет мне стакан с соком и бутербродом.

Еще мгновение ступора — и наконец-то оживаю, поддаюсь. Поспешно забираю трофеи.

— Ешь, — шепчет мне вновь. — Нет-нет, я слушаю, — вмиг громко выдал и радостно

заулыбался. Присел на край дивана. Пытливый взор на меня через плечо. Кивнул мне в немом вопросе: догадалась. Живо вытираю остатки слез со своих щек и с позором отворачиваюсь. Скривилась от стыда я в кислой, виноватой улыбке. Закачала отрицательно головой. Враз коснулся рукой моей щеки, отчего невольно поддаюсь. Взгляд ему в очи. Состроил смешную рожицу, а затем и вовсе движение — провел, погладил меня по голове.

— В цирке? — внезапно перевел взор куда-то в сторону и, теряя фокус, нырнул в рассуждения. — Не, в цирке давно я не был. Мне и на работе его хватает: такие концертные номера на днях некоторые негодяи выдавали, что я до сих пор в немом шоке. У-у-у, что они только не делали! Такие акробаты! Один даже в форточку пытался улизнуть, но забыл, что Карлсон уже давно не тот, а потому бесстыдно застрял, бедолага... Пришлось вызволять его всей бригадой. А потом беседу проводить, что так поступать нельзя... и что букву Закона, как и родителей, надо слушать, блюсти ее, а то будет худо. И Фею там встретил... До! — внезапно обернулся ко мне, движение руки — и коснулся моей щеки, проведя по ней тыльной стороной ладони. — Как не веришь? Настоящую! Самую что не есть! Я тоже раньше не верил... пока сам не встретил. И теперь — верю!.. — Немного помолчал: — Исполнила, все желания мои исполнила. И твое? — удивленно протянул. — Говори — передам! Нет, она пока боится другим показываться... А со мной?.. Я же ее спас — вот и смирилась, разговорилась, благодарствовала. Да, говори... М-м-м, — протянул, заливаясь веселой улыбкой.

Оторвался от меня. Встал с дивана. Шаги к столу — взял какие-то бумаги из стопки, ручку — и давай писать.

— И что... прям именно штурвал? А-а... А руль не? — хохочет. — Нет, ну я же не летчик! Откуда мне знать?! Сравнил — себя, опытного пилота, и меня... деревенщину. Я ток баранку и могу крутить. Нет, ну... катер не считается. И вообще, я приду — ты меня научишь... и я тоже буду таким ловким и умным. Да, попрошу! Да, самый настоящий! Ну, если она его отгрызет от самолета. И если... летчик отдаст... Ну, че ты? Мы же с ней не настолько глупые! На ходу отбирать не будем. Ток при взлете... И при взлете нельзя? А при посадке? Тоже... Ай-ай-ай... Может, тогда с завода, новый? А, ну вот... Хорошо. С красной кнопкой? И не одной?.. А, рычажки... И с радарамии... Может, сразу самолет? Не? Мама кричать будет? А, ну ладно... тогда так и скажу. Только кабину... да, как раз... в шкаф потом спрячем... Ладно, я понял, — рассмеялся тотчас, сменив шутливый, притворно-глупый голос на более серьезный. — Привет ей передавай. И пусть не злится. Да, до выходных...

Отбил звонок. Взор мне в очи.

Закусил губу и враз принялся ее нервно жевать Костя. Еще миг — и, глотнув слюну вместе с отгрызненным «трофеем», криво усмехнулся:

— Я сделал что-то не так?

Заливаясь стыдом, резво замотала я головой:

— Нет. Как раз таки... нет.

Удивленно вздернул бровью Пахомов. Немая пауза рассуждений — и сдался: добрая, но не без издевки, ухмылка:

— Че сок не пьешь? Или кофе принести?

— Я хотела бы с ним познакомиться...

— С кем? С кофе? Или с соком? — заржал гадина.

Не сдержалась от улыбки и я:

— С Игорем, — вполне серьезно.

— Познакомитесь. Обязательно еще познакомитесь... Он хороший малый. Вредный, — поморщился от смущения Костя, — местами эгоистичный и наглый... но хороший. Если уж мои закидоны терпишь, то с ним... точно «сработаетесь».

И снова работа. Он — из дома, а я — в одиночество... в мысли, будто в омут с головой. Благо, пообещал сегодня-завтра что-то предпринять и передать родителям, что у меня все хорошо, но из-за работы... вынуждена отлучиться.

И снова шорох среди ночи. И снова за окном уже скоро будет светать. Но что-то не так. Угрюмый, злой. Не роняя на меня взгляда, молча помыл руки, пошел на кухню — достал первое попавшееся из холодильника и, не разогревая и не наливая даже в тарелку, принялся то ли... ужинать, то ли завтракать.

— Что-то случилось? — осмеливаюсь.

Но не реагирует. Безмолвствует. Мерно жует.

— Что-то на работе? Или так? — боюсь предположить самое страшное. — С родителями?.. — голос предательски дрогнул.

Среагировал. Тотчас пронзил меня взглядом Пахомов. Но миг — и снова уставился в кастрюлю. Выловил кусок мяса из борща, схватил батон — и принялся жевать свою добычу.

— Костя! — с горечью, с болью... с зарождающимся ужасом.

— Нет, — довольно грубо. Громко. — С ними все хорошо... вроде, — прокашлялся, поперхнувшись. — Не до этого было.

— Тогда что произошло? — уже более сдержано проговорила я. Присела рядом на стул. Молящий взор ему в лицо.

Поддается. Глаза в глаза. Мгновения, дабы дожевать остатки пищи, — и выпаливает:

— Уехать тебе надо.

— ЧТО? — обмерла я, пронзенная. Не могу понять, принять, осознать. Поверить в услышанное.

— За границу, — добивает нещадно, окончательно.

— В смысле? — нервически рассмеялась я. — Одна? А ты? — дрожь волной прошлась по всему телу.

— А я здесь останусь... пока. Решу, что смогу. А дальше... видно будет: или ты сюда обратно, или я к тебе.

— Ко-остя! — болезненно протянула я, чувствуя ноты неуверенности, страха... лжи в его голосе.

— Желательно... завтра-послезавтра. Я всё оплачу.

Глаза мои еще больше округлились. Волосы стали дыбом.

— КОСТЯ! — взревела бешено я, будто кто душу из меня погрозились выдрать. — Я не поеду без тебя! Как угодно, НО НЕ ТАК!

— Это не обсуждается, — мерно, черство, жестоко... констатирует мой Тиран.

— ДА НЕУЖЕЛИ? — борзо выпаливаю я, тотчас срываясь с места. — Если всё так плохо... почему сразу двоим не уехать, а?! — разъяренная жестикуляция.

— НЕ МОГУ! — взорвался криком Пахомов. Очи вспыхнули пламенем. — Как ты не понимаешь, ЛИЗА?! Я же не просто... дворник или продавец какой! И не олигарх — денег красиво скрывать у меня НЕТ! А тебе — тебе проще: никаких гостайн и прочего дерьма,

чем связывают нас по рукам и ногам. Так что... особых преград не будет! Никто из кожи вон лезть не станет, дабы тебя найти. Так, попытаются, подергаются — да плюнут. Потому думай: Германия, Литва, Польша... А еще лучше — куда-то подальше...

— Я без тебя... — едко, давясь яростью, — НИКУДА... НЕ ПОЕДУ. Так... понятней?

— Костя! Костя, поговори со мной! — не отставала я от своего Изувера, который уже и слушать меня не желал. Уселся на диван, врубил телевизор и глупо, по большей части бессмысленно, пялился в экран, блуждая где-то мыслями далеко.

— Я не для этого в милицию шла! Что бы вот так потом... позорно поджав хвост, бежать. Да ладно бы с тобой — тут хоть на край света! А то одна! НЕТ И НЕТ! Даже не проси, и не приказывай... Позволь помочь... если в моих силах. ОЧЕНЬ ПРОШУ! Я и так... в этой жизни — полный ноль. От меня пользы, толка — никакого! Ни в чем! Понимаешь? — отчаянно. — И что ты мне еще предлагаешь? Мало того, что ребенка не родить, так еще и о муже не заботиться?! И кто я буду в итоге?! Ни мать! Ни жена! ТРУС? Бежать? А дальше? ДАЛЬШЕ ЧТО? Для чего мне там жить? ДЛЯ ЧЕГО... ВООБЩЕ ЖИТЬ? ДЛЯ КОГО? тебя я — НОЛЬ! Ноль без палочки. Пожалуйста... Когда я шла в милицию, я сознательно избирала этот путь. Путь опасностей, тревоги, угроз... но и пользы. Понимаешь? ПОЛЬЗЫ! Чтоб хоть... как-то себя в этой жизни реализовать! — рухнула я рядом с Ним на пол, обняла колени. Цепкий взор в очи. Горько, едва ли не воем: — Чтобы существование мое... ОПРАВДАТЬ! Чтобы оно не было ПУСТЫМ! Что бы я не была... ПУСТОЙ! Позволь мне сделать все, что в моих силах! Чтобы я могла остаться рядом с тобой! Я ТЕБЯ УМОЛЯЮ! — поддается — в ужасе сверлит меня взглядом Пахомов: не дышит, не моргает. Безжалостно рву душу до конца: его, свою; рублю словами наши сердца дальше: — И чтоб ТЕБЕ было проще! Клянусь: я всё исполню! Всё, что захочешь! Но только рядом... РЯДОМ с тобой! КАК ТЫ И ОБЕЩАЛ!

Глава 29. Бурановский "воспитанник"

Глава 29. Бурановский "воспитанник"

Целый арсенал специализированных устройств, предназначенных для скрытой слежки и прослушивания. Два датчика передвижения — один видимый, по сути — обманка, на случай разоблачения, второй — под кожу. В ухо — наногарнитура: еще мельче, нежели мне выдавал в свое время Казанцев.

Всё, чтобы не упустить меня из виду... и уловить всё то, с чем столкнусь — а вот защиты непосредственной, оружия, как и раньше, мне не доверили — опять уповать исключительно на благосклонность, ловкость и профессионализм сотрудников. Вот только уже не милиции, а...

— Зайчонок, я всегда буду с тобой на связи. Даже если отлучусь — ребята прикроют. Верь нам. Верь мне... Но... Лиз, я — не Господь-Бог. Подумай, еще раз... очень... **ОЧЕНЬ ХОРОШО... ПОДУМАЙ.**

— Я в деле.

План не особо хитер, как и цель: надо вывести из тени всех "оборотней", которые стоят за Науменко. Но не так сотоварищи нужны, мелкие сошки, как те, кто им заправлял, командовал. Кто отдал приказ хладнокровно расстрелять... меня, сотрудника милиции, и Пахомова, майора ФСБ.

Всё просто — и сложно одновременно.

Но справиться я должна... непременно.

Никогда не думала, что буду искренне и всецело благодарна Буранову за его науку, жестокою... но действенную школу. Искажать факты до неузнаваемости, изо всех сил давя на жалость. Нещадно мешать среди правдивых фактов свою гнилую, бездушную, бесстыдную ложь, да так смело и целенаправленно, не отступая от заявленного ни на мгновение, никогда, даже если смерть вздыбится угрозой. И так усердно творить все это изуверство над реальностью, что в итоге уже самому свято верить в собственное сочинение как единственную, когда-либо существовавшую, непоколебимую правду, абсолютную, априорную истину.

Увезли за город и там высадили в ближнем поселке.

Потрепанная одежда, обувь затертая до дыр и не по размеру. Волосы запутаны, засалены, взлохмачены. Испачканы лицо, шея, руки, ноги... Мои недавние приключения — тоже на руку: органично вписались в общую картину синяки и былые раны (кое-что даже рискнула по новой разодрать для пушшего эффекта). Измучена, раздавлена, будто с креста снята... Еще немного — и выбрела я на нужную мне улицу, замерла на пороге дома местного фельдшера. Вот она, точка невозврата. Еще шаг — и всё, обратной дороги уже не будет. Я не смею никого подвести. Костю моего... подвести.

И хоть в наушнике в основном тишина, все же, время от времени, треск выдавал истину: целая толпа оперативников следила за мной, вслушивалась в каждый окружающий меня звук.

— Я люблю тебя, — расстрельным залпом огорошила, всколыхнула я свою внутреннюю вселенную, будто прощаясь с жизнью навсегда.

"Я тебя тоже, зай..." — послышался тихий, родной шепот в ответ.

Улыбнулась, усмехнулась я себе под нос, как дурочка... сгорая в трепете. Он здесь, Он рядом... и я верю ему. Я верю... себе.

Постучать в дверь.

И пока женщина обрабатывала мои раны, справлялась об общем моем состоянии, о том, что произошло, ее муж уже давно покинул двор и направился к участковому.

Пару десятков минут — и скрипнула лениво дверь. Удары сапог, сбивая грязь у порога, — и вошел, прошел вглубь комнаты мужчина в форме:

— Добрый день, — склонился в мою сторону учтиво, сняв головной убор. Кивок и женщине, а затем выровнялся, обмер в нерешимости.

— Проходите, Григорий Карпович, — враз махнула рукой, приглашая, хозяйка дома. — Присаживайтесь, не стойте... А Вы, Елизавета, не волнуйтесь... Вот этот человек — Вам (Вашей бедой поможет. Расскажите всё то, что только что мне говорили... Всё, что помните...

Не прошло и двух часов, как на пороге, замаявшись в неловкости, стоял уже новый гость — и при каких погонах: подполковник. Тот самый, начальник и защитник мой... Юрий Александрович Курасов.

Прокашлялся, сея жеманные намеки и требования среди присутствующих.

— Григорий Карпович, давайте выйдем во двор, не будем мешать.

Спешно удалились прочь, оставляя меня наедине с моим судьей.

Момент истины — пал... или пропал.

— Ну, Цветкова? И где тебя носило? ЧТО это было?

Сверлит требовательным взглядом сверху вниз: так и не присел на скамью рядом — лишь только замер в шаге от меня, видимо, все же не желая упустить ни звука.

Отваживаюсь — глаза в глаза. Приукрасить, в этот раз дополнить историю иными, более подходящими, логичными, в нужные уши — нужными, подробностями:

— Он меня бросил в лесу. Судя по всему, думал... что я мертвая.

Нервически сглотнул слюну мужчине.

Молчал, терпеливо выжидал продолжение.

— Пришла в себя ночью, черти где... Не знаю, как дожила до утра. А дальше — несколько дней бродила: поначалу по кругу, а потом... все же как-то удалось... выбрести к цивилизации. Приютить отказались, зато воды и еды дали, одежду... Подсказали... куда идти дальше. Это был хутор — послали в деревню. А мне страшно: я же не знаю, где, что... сколько времени прошло, — и снова во мне забурлила, заклокотала "бурановская школа", отчего в свою ложь даже я местами начала верить, вторя ощущениям того жуткого дня, когда оказалась в лапах насильника... и едва не нырнула с головой в колодец. Слезы навернулись на глаза: — Может, где Он еще рядом... Страшно до одури. И потом, если вернусь — как "свои" отреагируют? Но деваться некуда... — стыдливо опускаю очи... Добиваю окончательно: — Не ради себя, так... ради ребенка, — голос невольно дрогнул от боли, — я обязана была вернуться...

Обомлел старик, не дыша. Долгие, жгучие мгновения попыток совладать с собой — и

наконец-то выдавливают из себя:

— Какой еще ребенок?

Не подводя глаз, шепотом:

— Мой. Я беременна.

Ехали молча, в его машине. Вдвоем. И вроде как, в сторону города. Странно, но после всего... Юрий Александрович приехал по меня... в одиночку. Без подмоги. Без свидетелей. Без понятий. Одно доказательство моего до сих пор "существования" — это возможные показания фельдшера и участкового. Но и их... если что, тоже можно легко заткнуть, причем даже не прибегая к крайним методам.

Так что какова вероятность того, что мы все же доедем до пункта назначения? Больницы, куда меня так радушно вызвался доставить подполковник. Вот какова?

Или все же — сейчас поворот в никуда... и писалась моя шальная история заново? Всё вранье обретет реальную подоплеку... и уже от реального врага я буду страдать?

Костя, ты же рядом? Ты же не позволишь случиться самому страшному? Вы едите за нами, да?

Или моя судьба... уже предрешена?

Но железнодорожный переезд — и узнаю название населенного пункта, через который держим путь: город... еще немного — и будет город.

— Лиза, — внезапно отозвался мужчина, отчего невольно вздрогнула я.

— Да? — спешно перевела на него взгляд.

На мгновение удостоил и он меня взглядом. Шумный вздох:

— Скажи, как есть... Это правда? Ты знала Пахомова... еще до операции, да?

Прошибло током: сдал. Конечно же, сдал меня Казанцев.

Поежилась невольно, мурашки побежали по телу.

Вранье готово. История соткана... Всё по плану. Вот только готова ли я снова так правдоподобно лгать?

И выходит ли у меня это вообще? Или... как школьницу... не сейчас, так через мгновение раскусит?

Похолодело всё внутри, мышцы сжались в камень.

— Ну? — требовательное. И снова метнул на меня взор. — Чего молчишь? Говори, как есть...

— Да, — выстрелом. Шумный, болезненный вдох. Спазм перехватил дыхание — но поддаваться панике нельзя. Выступление: четкое, верное, грозное... — я обязана его исполнить. И от того, как оно пройдет, зависит... не только моя жизнь. Нервически сглотнула слюну — и глубокий, на всю грудь вдох... до боли, до головокружения. — Мы с ним познакомились... в тот день, когда я расстроила свою свадьбу. Романтика, улыбки, смех... Странная тяга, напряжение между нами. Потом еще встретились... тонны лапши, красивых фраз, нежности охапка... Переспали. Обещал позвонить. Но сколько не ждала — тщетно. На мои же звонки — отвечал неохотно, постоянные отмазки. А дальше — и вовсе перестал трубку брать. В голове — черти что... На душе — еще хуже. Карма... какая-то. Мне срочно нужны были перемены, а иначе я бы просто сошла с ума. И вот отец сжалился, уступил моей давней просьбе: помог устроиться к вам на работу, на службу. Но потом бах — и новость: беременна. Залет. Я к Казанцеву: так и так, разузнай мне всё про Него. Согласился, даже... ничего взамен не попросил, — нервически сглотнула слюну. —

Узнала... всё узнала про этого урода... Пахомова: женат, ребенок. И вот куда я там прилеплюсь? Кому нужна? Но не сдержалась — отыскала и давай орать, вопить. Истерика. Скандал закатила — и Он... Он меня в подъезд силой затащил. Изнасиловал... — опускаю очи, пряча от стыда и ужаса, что столь мерзкие слова о своем Косте говорю. — Сказал, что если еще раз заявлюсь, увидит меня хоть раз — убьет. К чертовой матери, убьет. Про ребенка же... так и не узнал: не успела сказать, а потом... и незачем.

Обмираю, нервно закусив губу до боли. Слезы на глазах — а самой от жути выть хочется. Волосы дыбом встают.

Еще мгновения попыток собрать волю в кулак — и завершаю начатое:

— А дальше... дальше эта операция. Я как увидела Его на фото — меня аж передернуло. Вот он — шанс... отомстить этому ублюдку: ведь не знал, что я ушла со школы и устроилась к вам. А на эмоциях — есть шанс отвлечь, разговорить, раздраконить — и вывести на чистую воду. Засадить, уничтожить эту мразь...

— Уничтожила? — с горечью, обидой, упреком гаркнул Курасов, не сдержавшись.

Еще сильнее от стыда скривилась я. Живо отвернулась, невольно шмыгнув носом.

Прожевал старик эмоции. Мгновения тишины, рассуждений тяжелых — и вдруг глубокий, звонкий вздох:

— Ну ладно... не реви. Как уже есть... — помолчал немного. — Ты это... — внезапно его голос стал вкрадчивый, поучительный, — никому не говори... от кого он, этот твой ребенок. Решила оставить — значит заботься о нем. И вообще, лучше никому ничего не рассказывай. И особенно, — перевел взор на меня, оторвавшись от дороги, и с выжиданием замер — живо отвечаю участием. Продолжил: — Казанцеву и Сальникову...

И снова взгляд на проезжую часть. Жгучая пауза — блуждание среди гнетущих мыслей:

— Лучше, — внезапно отозвался вновь, — заяви... что вообще ничего не помнишь. Сильно перенервничала, травмы вон какие, — кивнул на меня головой, но не уже глядя, — получила: хочешь не хочешь, а поверишь. Путь не мучают... не достают тебя... А то у них там сейчас... одно только на уме: ничего и никого уже не щадят. Сдвинулись на своей мести. А если узнают... — закачал в ужасе головой. Палящие мгновения тишины. Шумный вздох. — Ты вообще помнишь, что с Науменко произошло? — резво метнул на меня взгляд.

Замялась немного; сглотнула нервически слюну. Глаза в глаза:

— Смутно...

Закивал головой враз, отвернулся:

— Нет его больше. Этот... твой... убил его. Но ничего... найдем. Найдем, подонка! Найдем эту мразь! И за всё ответит — и за Серегу, и за тебя, Цветкова... и за ребенка брошенного. Ниче, с*ка, я тебя найду...

Глава 30. Энигма

Даже час еще не прошел с того момента, как Курасов привез меня в больницу; как завели медкарту, взяли некоторые анализы, определили в (отдельную, вип — за счет государства, что обусловлено решением задач оперативно-служебной деятельности — спасибо родной милиции, спасибо Юрию Александровичу) палату, как вдруг в дверь мою постучали. Жеманная вежливость: ведь даже не дождались одобрения, ответа, а тут же ввалились, ворвались в покои.

Все палачи в сборе: Сальников и... Казанцев.

— Ну, здравствуй, пропажа... — ядовитое, будто ядом облил, раскаленной лавой окатил меня.... мой недавний "поклонник".

— Жива всё-таки... — подытожил и Виталий. — Рассказывай, — дерзкое, злобное, присев на край койки. Руки невольно скрестил пред собой. Пристальный, сверлящий взгляд в глаза.

Тотчас строю виноватый, испуганный вид — отворачиваюсь.

— Че молчишь? — враз подхватил Роман. Шаг ближе — и, упершись кулаками в постель, приблизился ко мне. Едва ли не нос к носу: — Или тебе помочь? Так я не постесняюсь. Я знаю, что тебе по**й на Серегу. Небось, безумно рада, да?

Резво обрушиваю взор на него: предателю в очи. Неужто... неужто не видел по месту происшествия, что тот сам стрелял? В меня, в нас? Да и аудиозапись — какая никакая, а все же должна быть — и там всё четко!

И эта мразь мне еще дифирамбы воспевать пыталась. Гн*да... Очередная... лживая... гн*да.

— Я ничего не помню, — шепчу сухо, несмело. И снова стыдливо опускаю очи.

Жестокий, презрительный смех — будто кислотой меня обливая:

— Ты че, с*ка несешь?! Какое "не помню"? — вмиг вскрикнул Виталя, подорвавшись с места. Гневная жестикуляция: — Те че, помочь? Это твой хахаль там зах**рил Серегу! — тычет пальцем куда-то в сторону. — ТВОЙ, с*ка! А ты мне тут лечишь... не помнит она! Как *** сосать — так она сразу девочка-це**чка! Невинная, б***ь, вся! А как ублюдка этого покрывать — так ничего святого!

— Витя, остынь! — резко перебил его Роман (его, трясущегося уже всего от ярости).

— Да че остынь? — не сбавляя оборотов. — Если бы не в больнице, я б сейчас ей... по-другому сказал. Сразу бы котелок заварил, и всё в памяти всплыло!

Внезапно скрипнула дверь. Несмелое движение — и в палату вошли мои родители: сначала показалась взволнованная, смущенная мама, а затем — и строгий, как всегда угрюмый, отец...

Нервно дернулась я на кровати, но встать, кинуться к ним не осмелилась.

— Мы вам не помешали? — пристыжено рассмеялась "гостья".

— Нет, — печально-радостно улыбнулась я, сгорая в не меньшем шоке и удивлении, нежели "обломавшиеся" дознаватели. — А вы тут как?

Все еще не могу свести концы с концами: их визит в наш план как-то не входил (не так скоро и не при свидетелях).

— Да как? — удивленно гаркнул батя. — Начальник твой позвонил. Сообщил, что вроде как... "нашлась". Вот быстро все дела бросили — и сюда.

— Мы-то и подумать ничего такого не могли, — поспешно отозвалась мама. — Инна ж нам совсем другое... рассказывала. А тут вдруг... В общем, даже ничего толком вкусенького купить не успели... Так только: вот... сок, печенье, фрукты. А еще одежду и прочие принадлежности захватила, — несмело протянула, положила пакет мне на койку, у ног. — Мы вам точно не помешали? — взволнованно обернулась она к все еще озлобленным, но уже чуть остывшим, моим "сотоварищам".

— Точно, мам, точно, — торопливо выпаливаю я.

И снова звонкий ход двери. Но в этот раз — незнакомый мужчина в белом халате. Задумчивый вид, взгляд то в карту, то на меня; а затем резво по сторонам:

— Ох, как вас... здесь много. Все, что ль, лечиться сразу надумали? Али по одному будем? — весело улыбнулся.

Смолчали, устыжено попрытав взоры. Скривилась в смущении и я.

— Ладно, — шумный вздох, прогоняя неловкость. Продолжил доктор: — К делу: пришли первые результаты анализов. Ну, что могу сказать? Состояние более-менее стабильное. С плодом — тоже норма.

— Какой еще плод? — огорошенный, рывкнул враз, перебивая, Виталий.

Состроил удивленную гримасу врач (как я понимаю, "наш" человек), выгнул брови. Неспешный разворот к смельчаку:

— Ребенок. — Беглый взгляд в медкарту: — Елизавета Анатольевна беременна. 19 недель.

В немом шоке обмер Сальников. Округлились очи и у Казанцева, невольно приоткрылся рот.

— В смысле? — оторопел мой отец, шальной взгляд метнув то на меня, то на врача, то на моих "коллег". — Ты же говорила... что нет его больше?!

Будто кто лезвием меня полосонул по горлу... Распятая ужасом и стыдом, вмиг опускаю очи. Чувствую, как волосы стали дыбом...

Черт! Как?! Почему... почему ОНИ здесь, и именно сейчас?! Почему и ИМ приходится во все это д*рьмо вмешиваться?! И ведь не объяснить, не намекнуть! Да и еще какой темой... приходится рвать себе сердце...

Молчу трусливо, виновато, позорно силясь провалиться сквозь землю.

— Так, ладно... молодые люди, я бы все же попросил вас покинуть палату, пациентке надо отдохнуть, — внезапно спасительно отозвался врач. — Как и вы, я так полагаю, родители — верно? — поспешный кивок головы отца, подтверждая. Продолжил мужчина: — Пять минут — не более. Не стоит волновать будущую мать. Ей и так... много чего пришлось пережить за эти дни. И то, что все хорошо и с ней, и с дитём — это невероятное чудо. Радуйтесь.

И снова тесанул словом, будто рубанком, задевая за живое, кровоточащее...

— Это этого х**, да? — внезапно бешено взревел Сальников, вклиниваясь. Яростное, шальное, адом сверкая в глазах. Руки сжались в кулаки.

Поежилась я невольно, всей душой уже моля Высшие Силы испепелить меня скорей дотла — тщетно. Мгновения безучастия вселенной — и поддаюсь: торопливо закачала отрицательно головой.

— Нет.

— Смотри мне, — гнусное, презрительное, сплевывая ядом. — Не прощаемся... — мерзкий оскал отпечатался на его лице.

Разворот — и резво на выход. Покорно последовал за ним и Роман.

А там — и учтивый доктор, оставляя меня... с моими новыми судьями наедине...

— Мам, пап, я потом вам всё объясню... не сейчас, — испуганно, тихо шепчу, дабы никто иной, лишней не услышал.

Закачал в ужасе, в непонимании, давясь горечью и болью, головой отец. И снова слезы заблестели на его... казалось бы, всегда непроницаемых, как и душа — в титановой броне, глазах:

— Бог тебе судья... Не знаю, что ты творишь, но надеюсь... сама хоть осознаешь, понимаешь... всего этого последствия...

Резкий разворот — и пошагал прочь, не проронив больше ни звука. И взглядом не удостоив. Поспешила за ним и мать.

— Пап! — отчаянное...

Тщетно. Хлопнула дверь, лязгом расходясь и отдавая новой волной режущей боли в моем сердце...

Жгучие, палящие... уничтожительные минуты... осознания всего.

Молчу, соплю, давлюсь шальными слезами.

"Прости, зай," — слышу внезапно, отчего тотчас мои рыдания взрываются звонким ревом.

— Как ты мог?! КАК?! — горько, болезненно, не таясь.

"Я не знал! — моля. — Но этого стоило ожидать. И, малыш... Там, наверняка, их прослушка стоит..."

Покорно умолкла, давясь тихой обидой, злостью... яростью...

Такое жестокое... предательство. Издевательство. Изуверство... над чувствами, верой... надеждой.

Вот только чье оно было? Чья эта бездушность? Или ТУПОСТЬ?

Моя... моя — и ничья иная.

Да, ожидалось. Да, готова была... но не эта же "новость"... в их сознание, моих и без того несчастных родителей. Не эта... не эти слова.

Забуриться в постель, под одеяло, и голову накрыть подушкой. Спрятаться, исчезнуть... раствориться. Как хочется... просто сдохнуть от всего того, что я натворила... и что еще натворю. Сколько им горя подарила, бедным моим... маме и папе. Сколько!..

Костя говорил, что так будет лучше: историей с беременностью огражу себя, сдержу пыл, агрессию своих "товарищей", давление со стороны следственной комиссии по делу убийства майора милиции, однако... сколько всего остального приходится заодно проходить, терзая, рвя в клочья сердца родных, близких... не говоря уже о своем?..

Стоит ли оно того? Надеюсь, ты прав — и всё это себя... оправдывает.

Я понимаю, что у этого есть реальная цена, а не просто... беспечность, жестокость и позорная трусость. Да, я сама упросила, сама решилась. И я не жалею — ибо во имя добра стараюсь... Но вместе с тем, где эта черта, которую не пресекая, ты, для одних творя благо, и для родных... заодно не вершишь ничего ужасного, не рвешь им душу и не даришь боль? Где тот момент, где ради покоя и счастья "чужих", ты не предаешь... "своих"?

И снова скрип двери. Тихий хлопок.

Прокашлялся кто-то грубо, взывая к вниманию.

Поддаюсь. Живо вылезаю из своей позорного убежища.

Взор на непрошеного визитера: опять Доктор.

Смущенно улыбнулся:

— Послушались все-таки... — удивился, отчасти показательно. — Радует.

— Вы что-то хотели? — сухо пробормотала я, бесстыдно желая поскорее вновь остаться наедине с самой собой.

— Да, — виновато поджал губы. Шаг ближе — и протянул мне медкарту. Поддаюсь — беру.

Пытливый взор обрушиваю на мужчину.

— Там... подпись Ваша нужна. Согласие на обработку информации... Стандартная процедура...

— Так я же вроде уже такую подписывала. Мне медсестра давала, когда в "приемном" еще была...

— Это что-то другое было, или потеряли, — пожал плечами и скривился в недоумении. — Так что, будьте добры, подпишите еще раз. Вам несложно поди, а у меня — работа стоит... без этого привета бюрократии. И там, кстати... еще кое-что есть, в самом конце... Думаю, Вам интересно будет, — загадочно повел дальше.

Чиркнуть закорючку и повернуть листы, поддаваясь "совету". Снимки УЗИ, результаты анализов крови, моча, мазок... И вот оно. Почти две идентичных бумажки: только одной строкой отличаются, а вернее цифрами. На одном: "Беременность. 19 недель". На второй: "Беременность. 11 недель".

— И что это? — обмерла я в не понимании — лишь жуткое предположение. Жадно выпучила на Доктора очи.

Скривился тот в странной, нелепой улыбке: не то стыдно, не то неловко, не то... жалко.

Пожал плечами:

— Энигма...

Обомлела еще больше. Рот невольно приоткрылся.

Жуткие, палящие мгновения тишины... нагло, уверенно, нещадно подтверждая собой... самое страшное... и прекрасное одновременно. То, что меня враз, казалось, изрешетило, растерзало на ошметки.

Еще секунды, минуты — и решаюсь. Болезненно сглотнув лезвие, застрявшие в горле, отрешенно шепчу:

— Это — правда?

Господи, ну не верю! НЕ ВЕРЮ! НЕ МОЖЕТ ЖЕ ТАКОГО БЫТЬ!

Поджал губы. Миг — и закивал головой:

— Да.

"Что там, Лиз?" — от его голоса даже вздрогнула. Костя. Секунды, дабы совладать с собой, и тихо, вынужденно ответила, едва различимым шепотом:

— Ничего...

— Что, простите? — удивился Доктор.

Замялась я, еще больше давясь, сражаясь с чувствами.

Нужно что-то ответить. Причем не так для врача, как для... "бывших сослуживцев", что

сейчас тоже слушают — вися на прослушке.

Шумный вздох:

— Ничего, говорю... — задумчиво начала, но затем торопливо, подобрав слова, добавила, забормотала: — ...уже не понимаю, — пристально, искренне всматриваюсь мужчине в глаза. И будто благодать, решение за меня принять, прошу, молю безысходно: — И что мне теперь делать?

Ухмыльнулся... кисло, горестно Доктор, но и вместе с тем добро, снисходительно. Понимающе:

— Ничего, — нервически, шумно сглотнул слюну. — Пить лекарства назначенные... и меньше нервничать. Держать себя в руках. И всё будет хорошо.

Глава 31. Недо-реальность

Глава 31. Недо-реальность

Говорить ли Ему? А если да, то что? Как я могу Его подвести? Столько сил, надежды... веры? Но и рискнуть... всем нашим счастьем? И нужно ли мне это счастье, жизнь вообще... без Него? Если в итоге Он от меня откажется? Уйдет? Если Пахомов... после моей трусости... уйдет?

Имею ли я право... ведь работа для него — всё. Не раз сам говорил, и Анна Федосеевна утверждала. А тут возьму — и так подведу. А ведь сама упросила, умолила... И Костя доверился мне... Всё поставил на карту, безрассудно рискнув, — и я... теперь наплюю на всё? Позорно поджав хвост, сбегу?

Нельзя... Нет, нельзя... НЕЛЬЗЯ поддаваться! НЕЛЬЗЯ страху уступать!

Я очень хочу этого ребенка. ОЧЕНЬ!.. БЕЗУМНО!!!

Но сейчас я нужна Косте. Очень нужна — моими же глупыми стараниями...

А потому...

Я выдержу. МЫ выдержим. И никак иначе... ВЫДЕРЖИМ!

...да?

Господи!

Беременна... реально БЕРЕМЕННА!

От Кости... беременна.

От этой мысли сжались все мышцы в теле... Молнией, током прошибло, казалось, каждую мою клетку.

Господи! Но это же... НЕРЕАЛЬНО. Нереально...

Взахлеб говорили, утверждали они...

Хлестали словами, готовя меня к правде жизни.

И тут — «беременна».

11 недель...

Это... это — сентябрь?

Почти сразу... всё и вышло, так?

Черти что...

(невольнo качаю головой, отрицая)

Не верю...

Но...

Но... если и так. И ты... ты, Боже, услышал нас...

А что... если что-то случится? Если... я вновь не выдержу? Сорвется...

Потерять... опять потерять... И более того — уже точно навсегда, без шансов?

Жуть... жуть, от которой волосы дыбом. Сердце рвется на части, захлебываясь кровью...

Но не могу! Не могу уступить слабости, страху... Не могу я... Костю подвести!

Господи... Почему? Почему ты ставишь меня перед таким жутким выбором? Почему раньше я не узнала правду? Ведь тогда бы никогда не предложила эту авантюру, риск... Не заварила бы эту кашу... Берегла бы наше чадо, как самое ценное сокровище на земле... Берегла бы, как следует. А теперь? ТЕПЕРЬ ЧТО?

ЧТО ДЕЛАТЬ?!

Смолчала. Не созналась.

В сути — соврала.

Ради Кости.

Ради тебя, Пахомов!

...и твоего призвания. Твоей... мечты. Сути, души.

Я, мы — уступаем. МЫ выдержим, справимся. Рискнем — и выдержим.

Выведем тварей на чистую воду, завоюем право на покой — и уйдем... в тихую гавань — заботливый, беспечный, теплый тыл для тебя сторожа.

И пусть больше неожиданных гостей у меня не было (или просто не пускали их уже), но суматоха, сочающаяся невольно из коридора, иных палат в виде разговоров пациентов, медперсонала, а также прочего вмешательства в мои аскетические "хоромы" (а-ля визиты время от времени заботливой медсестры), стихла лишь под самый вечер, когда уже за окном стемнело, и всюду приглушили свет. А потому сну за целый день так и не предалась. Шальные мысли отчаянно, бессовестно, жестоко глушили голову. Устала, ужасно устала... паниковать, реветь, сходить с ума, давиться безысходностью...

Сознаться? Я обязана сознаться Пахомову... И в то же время — нельзя. Никак нельзя.

Любой исход, итог сего поступка невыносим, страшен: или прервет операцию... сломав планы, усложнив жизнь (не только себе) и поставив всех под удар; или же смолчит... смирится — рискнет добровольно нашим ребенком... и тогда навсегда потеряет мое уважение, так как... окончательно и бесповоротно пойму, что мы всегда будем на заднем плане, на втором месте: сначала работа — а потом семья.

Так что нет. Уж проще не задавать вопрос, ответ на который... знать не хочется.

Еще одна мысль, которая меня терзала: Курасов. Честно, не ожидала. Реакция Сальникова и Казанцева предсказуемая... и даже ожидаемая, как по мне: будучи верными товарищами по службе, хорошими друзьями в жизни, логично, что, скорее всего, окажутся и соратниками в "темных делах". А вот поведение, советы... подполковника вовсе выбили меня из колеи: или замыливает глаза, отводит подозрения, красиво и коварно притворяясь, или же... пусть даже и непосредственный начальник, а все же... не при делах — и те действовали в обход него.

Хотя... а вдруг и Роман с Виталей «чистые»? Вдруг... мои предположения — не что иное, как слепая, глупая предвзятость? Киношная паранойя?

Шумно вздохнуть — и вытолкнуть весь этот сумасброд из своей дурной башки.

Черти что... во что вляпалась. И кто?

Теперь уже и самой смешно: учительница физкультуры... строит из себя спецагента. Я даже на актера не тяну, талантливого или хотя бы удачливого... Так — пустышка. Глупость, жизнью лишь научена, как надо врать... и, будучи не приемлющей сию политику, вынуждена ее соблюдать.

А что, если проколюсь? А что, если уже прокололась?

Верить Ему... Он рядом. Костя мой рядом.

Высыпать из пакета все вещи, что принесли родители. Повезло: догадались про телефон и зарядку к нему (узнаю: старый, батин... еще без тачскрина).

Шаги в коридор.

Не знаю, почему многие считают, что если они спрячутся в туалет и там начнут свою

"интимную" беседу, все это будет сугубо конфиденциальным...

Приоткрытое окно; тишина, вторящая сосредоточению смущенным посетителям; закрытая дверь, за которой может стоять, кто угодно — и прочие, казалось, маловажные факторы, но играющие не на пользу почитателя "тет-а-тет".

А потому прошлась я в дальний угол и замерла среди огромных горшков с пышными, вечнозелеными напольными цветами. Спиной к окну, боком к проходим (ловя косым зрением слушателей), лицом в угол. Сделать вид, что набрала чей-то номер и приложила телефон к уху.

— Костя, ты тут?

Жгучая, пугающая тишина. И вдруг треск, шорох.

Усталый, заспанный голос сокрушил тишину:

"Да, зай? Ты в палате?"

— Нет. Вышла в коридор.

"Следующий раз сразу докладывай о передвижениях. Даже просто в туалет", — сдержанное, заботливое, поучительное.

— Хорошо.

"Что-то хотела?"

Обмерла я.

И снова полосонула мысль о беременности, будто лезвием по горлу, тотчас обжигая жутью. Нет, нельзя... нельзя сообщать.

Шумный вздох.

— Врач сказал, неделю или две придется здесь лежать. Как так? И что... все это время... ждать? А если они не придут? Я думала, хоть в отделении помаячу — спровоцирую.

"Не переживай, — внезапно перебил мою тираду. — Катализатор пущен вход. Скоро припечет — и быстро объявятся".

— Что именно?

"Вчера объявили, что служебная проверка по поводу всей той ситуации, и особенно относительно тебя, будет не в том виде и не теми людьми проведена, на которых доселе все рассчитывали. Гаврики наши однозначно поняли, что ими заинтересовались извне... Как пить дать, запаникуют... и наделают ошибок. Главное, ты не расслабляйся. И никому не верь. Ничего не бойся, но и на рожон не лезь. Ясно?!"

— Что Вы здесь делаете? — от ее голоса меня даже подкинуло на месте.

Живо оборачиваюсь — медсестра (угрюмая, худощавая, невысокого роста пожилая женщина).

Черт бы меня побрал! Расслабилась идиотка... и вовсе упустила всё из виду. Надеюсь, никто ничего лишнего не уловил, не выудил из моего разговора. Вот тебе... и чрезмерная, глупая самоуверенность.

— О! По телефону, — с негодованием гаркнула старушка. — То туалет в переговорный пункт превращают, то... коридоры — что в палатах потом сидят, уши развесив, все сплетни собирают приبلудные. Ну сколько можно говорить? И таблички вешать? Вот... понавдумывали этих мобильников. Мало того, что в радиоволнах, как в шелках ходим, так еще и куда нос не сунь — каждая вша с ним пляшет... от самого малого до великого. Ложку в руках еще уверенно не держит, а по кнопкам чертовщины уже ловко перебирает. Были на проводах — так хоть упорядочено всё было. Мамочки... те еще мне. За вами надо глаз да глаз, а то еще и детей вам доверяй. Иди давай, — грубо, но все же сдержанно, рывкнула на

меня, кивнув в сторону палат. — Откуда ты там?

Тотчас виновато спрятала взгляд я. Неспешные, едва ли не в растяжку, шаги... давая женщине возможность психануть и заняться своим прежним делом, а не пытаться проконтролировать мое сомнительное поведение: незачем лишние вопросы, особенно рождающиеся из удивления, почему для "частного" разговора пришлось мне покинуть и без того "уединенную" палату.

И, тем не менее, как бы я не пыталась переиграть "старуху", "недалекой маразматичкой" опять оказалась я, и только я. Глупо было надеяться, что возраст возьмет у нее свое — и она забудет про меня. Или не сможет докопаться до истины: кто я и откуда. Поди, не зря, даже не смотря на столь почтенный возраст, ее до сих пор держат здесь, не освобождая место под более молодые, «современные» кадры.

Скрипнула дверь. Зашла в палату. Серьезный, пытливый взор около:

— Лекарства все выпила?

— Почти, успокоительное только осталось...

— Ладно, давай, температуру и давление проверим. С утра, к восьми — в процедуру: там буду ждать. А вообще, есть какие жалобы, вопросы?

— Нет, — резко, невольно поторопившись.

Хмыкнула:

— Куда ж... тебя нелегкая занесла, что ты... так хорошо выглядишь? Муж, что ли?

— Нет, — тотчас закачала лихорадочно головой.

"Соври", — нагло вклинился чей-то (незнакомый мне) мужской голос, взорвав тишину в наушнике, отчего я даже заметно вздрогнула.

— Что? — удивилась женщина.

— Да так... в аварию попала.

Цыкнула нервно старушка. Помолчав немного, добавила:

— Ничего... главное, что в остальном целы... а так — быстро на ноги поставим.

Лекарства пей, — кивнула головой в сторону тумбы, размыкая и снимая с моей руки манжет.

— А, да... сейчас. Спасибо...

И сама не поняла, как провалилась в сон. Жуткие, временами несвязные, малопонятные, размытые картины. Коридор, белый как снег, уходящий в бесконечную даль. Тихое, нудящее жужжание ламп, хотя свет от них — яркий, стойкий, прерывающийся лишь полной темнью усталых, слипшихся моих век. Ведут, тащат меня в никуда, волочат, удерживая под руки. Но кто, куда и почему — полное отсутствие понимания. Прострация, лишь иногда нарушающаяся странными вспышками недо-реальности.

И снова перемены. И снова ничего не могу понять... где я и с кем. Запах... странный, противный и приятный одновременно. Будто эхо из прошлого, далекого детства. Еще со времен того самого, когда с отцом много ездили по области в редкие его выходные дни, радуясь природе и пользуясь ее плодами: от рыбалки до похода за ягодами и грибами.

Выхлопные газы. Те самые, червем влетающие в салон, забивающие каждый миллиметр внутреннего пространства старого "Запорожца".

И вновь шорох, чей-то голос... и знакомый, и далекий одновременно. Сложно выудить хоть что-то, что могло походить на логичную, вразумительную картину бытия. Но если я сплю, почему осознаю... свое это лживое, шаткое положение?

И снова ход. И снова коридор, вот только густой полумрак уже царит повсюду, до жути

пробирая неизвестностью обстановки, происходящего и наличия затаившихся угроз. И, если бы меня все также не тащили силой, точно бы обо что-то споткнулась, или врезалась, расшибая лоб. И вдруг яркий, режущий, пронзающий до самой глубины души, холодный свет. Морщусь, кривлюсь, отворачиваюсь от него, неумолимого истязателя, тут же нелепо желая сбежать обратно в слепую, пугающую, но все же пока еще безболезненную мглу. И что самое странное, ощущения с каждым наплывом рисованных картин всё четче и четче, реальной и реальной... И муки, что причиняет хватка или безжалостные лучи искусственного светила, казались уже вполне настоящими, не выдуманными. РЕАЛЬНЫМИ.

И снова ход по кишкообразному лабиринту, вот только уже четко различала перед собой: из красного кирпича стены; без рам окна в мрачную неизвестность; заделанные камнем, кирпичом или перекрытые решеткой из прутьев дверные проемы; пол, что местами тонул в неведомой глубины лужах. Но шли. Вся бригада, "коллегия" смело шагала вперед, бороздя полумрака просторы. Но кто же мои захватчики — я до сих пор не ведала, не понимала, не было ни возможности, ни сил... признать.

И вновь поворот, смело протиснуться в узкий проход, межстенье, что заботливым одеялом окутывало, обрамляло, судя по всему, важные отсеки, центровые, ключевые помещения сего странного сооружения. Впереди — тупик. Свернуть вбок — и перед нами уже крутой, каменный серпантин, ведущий стремительно вниз.

И снова ступить в лужи, погоняя гребни волн среди разливов скверны.

Дышать с каждым метром все тяжелее и тяжелее. Тихое, редкое покашливание одного из "сопровождающих" невольно участилось, а затем и вовсе — ему начал вторить кто-то новый, а дальше, как по команде, взорвался и прочих лай, поражая разнообразием звучания, тембра безусловных рефлексов. Не избежала сей участи и я: давясь скопившейся слизью в горле, взорвалась в борьбе за свободный, спокойный, полноценный вдох. И вновь страх сечет плетью прозрения по спине, доводя до холода, до дрожи в конечностях. "Отнюдь не сон... — грохочет ужас, сдавливая виски. — Реальность. Костя... упорно молчит. Я — чёрти где. Я — ОДНА... брошенная на растерзание... неведомым псам-изуверам".

Глава 32. Друзья-товарищи

Глава 32. Друзья-товарищи

Толкнули, швырнули, пнули от себя — едва ли не кубарем полетела я; рухнула на колени, отчаянно руками тормозя, кожу, плоть (старые раны теребя) вновь стесывая на конечностях до крови. Попытка собраться, встать, как тотчас кто-то рявкнул и устремил на меня, казалось, пронзающий до недр души, губительный, аннигилирующий луч садистского фонаря:

— СИДЕТЬ! — гневно, жутко, деспотически.

Обмерла я на карачках, подчиняясь. Но мгновение — и медленно, позорно опустилась вовсе, рассевшись на, до кости пробирающем холодом, полу.

Жгучие, пугающие мгновения тишины. Жадно всматриваюсь в сторону своих истязателей, всех тех собравшихся, что предусмотрительно (али трусливо) скрылись в пелене полумрака и тьмы: часть — в комнате со мной, а часть — за ее пределами.

Молчат, дразнят. Загоняют жертву в собственные тенета страха.

И довольно-таки... успешно.

Яркий свет, хоть и раздирал до боли глаза, а все же манил, дразнил... вынуждал сосредоточиться на нем, роняя лживую надежду, стремление прорвать шлейф непроглядности и высмотреть, выглядеть, узнать врага — понять, определить последующий алгоритм действий.

— Ну, Цветкова, — будто гром, вновь раздался незнакомый бас. — По добру, или по веселью? Что выбираешь? — колкий миг смакования собственным превосходством ублюдка. — Только учти, — неожиданно продолжил, — последний вариант только нас позабавит. И поверь, не посмотрим на твое... "положение". Не побрезгуем: отведаешь нашу любовь сполна. Так что... думай. И желательно быстрее.

— Что вам надо от меня? — нервически сглотнула слюну.

— Что-что? Не ту х**ню, что ты парням впаривала, или Курасову лечила. Кто такой Пахомов? Только на самом деле... На кого и что роет? Что уже нарыл? И кто ему о нас всё сливает? Ну же, давай... подстилка мерзкая, сдавай своего е**ря. Только учти, мы многое знаем... Соврешь хоть раз — и тут же пожалеешь, что родилась на свет... или не задавилась еще там, в деревне.

Окаменела я, прозревшая. В жилах застыла кровь, сменившись на яд страха и обреченности. Мышцы позорно сжались в теле, казалось, выжимая за раз из него всю влагу. По коже побежали мурашки...

— А молчать вздумаешь, — и снова скрежет металла, вместо человеческой речи, — быстро язык развяжем... Причем я сам, лично, за это возьмусь, — какой-то странный привкус больной садисткой услады скользнул в воздухе.

— Он в дела в свои... меня не посвящал.

Тотчас рассмеялся подонок. Сдержанно, едко, саркастически.

— Ну, как пожелаете... Елизавета... Анатолевна. Как пожелаете...

Уверенные шаги ближе и вдруг, силой ухватив меня за волосы на затылке, резко рванул. Взвизгнула, взвыла от боли я. Вынужденно вглядываюсь ему в лицо, в глаза. Откровенно, смело сверлит взором. Едкая, циничная ухмылка:

— Он стоит того? Да?

— Я, правда...

Но не дал договорить. Едва выпустил из своей хватки, как резкий взмах — и жесткий, яростный удар, пощечина тотчас влипла мне в лицо. Зазвенело в ушах. Запекло на губах, а в рот проступил сладко-соленый сироп жизни.

— Че ты ее по роже сразу бьешь? — кольнул в сознании знакомый голос. Но не могу выудить, осознать, кто это. Или... просто разум отрицает очевидное.

— А по чем? — с презрением гаркнул на него, обернувшись на миг, Палач. — В живот? Чтоб скончались оба, по-быстрому?

Смолчал, прожевал эмоции «заступник».

— Говори, Цветкова, — жестко, будто лезвием меня полосонув, вновь рявкнул на меня Изувер. — Говори. Не пощажу. Самым жутким кошмаром твоим стану.

Новой волной ужаса обдало меня: дрожь переливами, холод... стебая до кости. Поежилась.

— Мы просто... с ним спали вместе, — испуганно, озлобленно; отчаянным рыком. — А в его дела я... не лезла! — рявкнула невольно, изнемогая от шальных чувств.

Закивал внезапно головой.

— Ну, ладно... — будто удары молота по гвоздям, распиная меня, сгущая краски вокруг, потакая шоку, превращая мир в протрационное желе...

Живо присел рядом со мной. Ухватил за ноги, дернул на себя — тотчас рухнула, развалилась я на полу. Попытка вырваться, вырваться, убежать.

— Куда, тварь?! Мы тоже с тобой... "просто"!

Выровнял, распластал на земле. Навалился, что мешок, сверху, прибив к плоскости. Дикий визг, рев отчаянный разодрал мое горло. Мольбой истощной:

— Не надо! Не надо, прошу!

— За руки держите, с*ку!

— Свали от нее! — враз кто-то кинулся к нам. Удар — и буквально слетел черт с меня, повалившись набок. Попытка выровняться, кинуться в ответ, но нападавший отступает.

Бросаю испуганный взор. В полумраке различаю его лицо: Казанцев.

Бешено взревел Роман в оскале:

— Х** убрал от нее!

Залился бесовским смехом Палач. Выровнялся, встал. Очи в очи с «защитником», на расстоянии вдохов. Неистово, скрипя зубами. Руки сжаты в кулаки:

— Серьезно? А кто помешает? ТЫ?!

— Я. Дальше что?!

— Слышишь ты, еще один герой-любовник. На *** ты вообще сюда перся?

— Я сказал, — жестко, давясь яростью, — ТР**АТЬ ТЫ ЕЕ НЕ БУДЕШЬ! — мерно дерзко, беспрекословным велением, чеканя слова. — Уяснил? Как и остальные... — резво метнул взор около. И снова уставился на ублюдка: — Надо инфа — выбивай. Хочешь завалить — гаси! А *** свой засунь обратно. ЯСНО?

Хмыкнул, но ничего не ответил. Скривился гнусно:

— Будь по-твоему.

Резвый разворот. Шаги куда-то в сторону, прерывая незримое давление света, ограждая меня от усердного фонарщика, — и тотчас дрогнул огонек. Еще миг — щелчок — и вовсе погас свет вокруг.

— Подсветите мобилой.

Живо подчинились: шорох, стремление, усердие — и растянулась ржавая пелена игры светотени.

Движение, мерный ход Палача ко мне ближе. Присел на корточки.

Сердце мое грохочет в груди, будто товарняк. Задыхаюсь. Мышцы позорно сжимаются от страха, вторя панике и жути.

Ухмыльнулся... как-то странно, цинично, с предвкушением. В глазах вспыхнуло садистски-изуверское пламя.

И снова ухватил меня за ноги — резвый разворот, причиняя адскую боль — вынужденно поддаюсь: переворачиваюсь на живот — и навалился, забрался, расселся сверху.

— Ты че удумал? — рявкнул враз Роман.

— Ничего. Петтинг, раз пенетрацию запретили... За руки поддержи.

— Иди ты на***! — бешено взревел Казанцев. Но шага, движения, участия не проявил...

Рассмеялся желчно Ублюдок, ничего не ответил.

Вмиг ухватил меня щиколотку. Упор локтем — и вдруг удар.

Жесткий, адский, жгучий — отчего тотчас зывала я от острой боли — будто кто спицы мне вогнал в пятки, пробивая, входя по полной. И снова смех Изувера, заливаясь развратным, бесовским наслаждением. И снова удар... удар... удар, не реагируя ни на крики, ни на рев, ни на мольбу... И каждое такое прикосновение током пронзало меня до самой черепухи, иглами, шипами вгрызаясь в мозг, в сознание, казалось, задевая по пути каждую клетку, активируя, взрывая каждый нерв. Давилась, захлебывалась я слезами, соплями... собственной кровью, что буквально вспенилась во мне героином и попыталась выскочить эйфорическим, передозировки припадком наружу. Руками скреблась по кирпичам, по земле... сдирая, срывая ногти, в ошалевшей жажде вырваться, убежать от пыток прочь. Глаза горели, будто кто углей засыпал. В груди надрывным басом догорала человечность...

— Я скажу! Всё скажу! СКАЖУ!

«Ты мне, с*ка, не "наладькай"! — внезапно раздался оглушающий, разъяренный крик Пахомова, отчего враз запнулась я, глотнув слова, звуки. Окоченела, замерев, сдавливая адские рыдания. — А возьми и наладь! А то я тебя этим аппаратом и вы**у!» — бешено взревел Костя.

«Да всё уже! Всё!» — отчаянно завопил второй, незнакомый голос.

— Ну и че молчим? — дерзко. И снова замах — взвизгнула, дернулась в испуге, страхе я, захлебнувшись сдержанным рыданием, кашлем.

— Не надо, пожалуйста!.. — шепчу торопливо, отрешенно, боязно, едва ли на демона не крестясь.

«...Только наши левые разговоры глушить не смогу. Да и вообще, сигнал может вновь пропасть в любой момент», — ведет дальше незнакомец, Связист.

«А она нас слышит?» — и снова грохочет родной баритон.

Шмыгаю позорно носом, не имея сил сразу прийти в себя. Собраться.

— НЕ МОЛЧИ, Б***Б! — дикий крик на ухо. Оскалился. Сцепились наши взгляды.

«По идее, да...»

А я боюсь — дрожу, всматриваюсь в пучину. Он услышит... если я его сдам — Костя все услышит... Я не могу, не могу... его предать. Вопреки... всему. Не могу...

«Лиз, дай знак, если это так...»

Кольнуло в сердце. "Лиз"... Родное, нежное, заботливое... А я — без секунды...

предатель.

— Костя, — дрогнул наконец-то мой голос, зачиная не то речь, не то позорную мольбу спасти меня от ужаса... что царит сейчас вокруг.

«Хорошо, зай», — и снова взрыв в сознании. Едва уже не вою я от жалости к самой себе. Сдержано, успокаивающим тоном звучит шепот Пахомова.

— Ну, б***ь, ты меня уже бесишь!

Проглотить режущий ком страха, застрявший в горле. Я справлюсь, да?

— Мы с ним... — отваживаюсь начать.

«Держись. Неси, что угодно. Главное, тяни время...»

Продолжаю:

— Совсем случайно познакомились. В день моей... сорванной свадьбы.

Поддается — разворачивает меня к себе лицом. Позволяет, помогает сесть на задницу (неволью поджимаю испуганно, трусливо ноги, пряча от садиста).

Пристальный, сверлящий взгляд впивается в мои очи — казалось, мыслями проникая в самую душу. Не выдерживаю — увожу взор в сторону.

Прожевываю позорно эмоции, вдох — и решаюсь продолжить... смертником:

— ...ничего серьезного. Никто даже не удосужился имен у друг друга узнать, не говоря уже о том, кто чем занимается... — шумный вздох. — Я тогда как раз задумала школу бросить и пойти к вам... в милицию работать.

«К ва-а-ам? — удивленно протянул Костя. — Отлично. Дальше, зай, зацепки!»

— Больше не виделись... — подбодренная родным голосом, решаюсь безумствовать дальше. Украдкой, взволнованный, устыженный взгляд метнула на Романа. Бью, возможно, болезненно, недальновидно: — Чисто... физическая тяга, глупое развлечение... на раз. Просто... дабы окончательно вычеркнуть прошлое.

«Ну че, нашел, где она?» — встревожено гаркнул мой Пахомов.

«Не... не особо», — отвечает коллега.

Пытаюсь игнорировать ненужный, сбивающий с толку шум; отчаянные попытки собраться с мыслями, правильную вычеканить "реальность".

— Он больше не появлялся в моей жизни — и я не рвалась навстречу. Мы даже номерами не обменялись.

«Есть контакт! — внезапно выпаливает Связист, отчего даже вздрогнула неволью. Поежилась — лишь бы не услышали в этой тишине всё это другие. — Определил вышку, на которую идет сигнал. Но... территория слишком большая, за городом. Тут... не один час уйдет, даже если все доступные резервы подтянем. И то... сам знаешь, что Паца на это скажет...»

Шумно, горько вздохнул кто-то. Цыкнул.

И снова выудить взор из прострации, сфокусироваться на лице, на выжидающем взгляде (на удивление в этот раз — терпеливого) "захватчика":

— Я решила уйти с головой в работу, — веду дальше. Кропотливые усердия влиться, голову занять целиком своей историей, а не глупой надеждой, что дали мне эти странные, внезапные, неизвестные еще своим итогом, перемены: — Хватит с меня бессмыслицы отношений... Отца знакомые подсобили — в отделение к вам попала. Но никто меня там не принял. Всех бесила, как кость в горле стала...

«Короче, нет, — и снова голос "незнакомца", полный горечи и тревоги, разящий разочарованием. — Лиза, если ты меня слышишь, дай нам наводки, хоть какое-то толковое

описание местности: лес, дом, подвал, а то бред получается... Я силюсь впустую... Они там чем-то конкретным глушат, я и так уже только за счет импланта тащу систему — и то, это всё шатко и ненадолго...»

— А еще Серега...

— Что Серега?! — гневно выпаливает подонок, перебивая, уже не выдерживая моей резины.

— Черти что... Буквально сразу... с ним... всё как-то темно, запутанно. Будто лабиринт, — нарочно чуть громче, чем прочее. — Не отношения... а какое-то... болото: сырость одна, да плесень...

— Слышишь, ты! — гневно сплюнул мне в лицо Палач, ухватив за подбородок и сжав до боли. — Ваятель возвышенного!

«Молодец! Я понял! Ищу!» — торопливо, взволнованно отозвался Связист, невольно перебивая яростную речь гада.

— Ты, с*ка, по делу говори! О ТОМ, о чем тебя СПРАШИВАЮТ! И не **й время тянуть! Не найдут тебя — глушим всё! — резво выпустил из хватки, невольно пнув, толкнув от себя, отчего тотчас пошатнулась, завалилась я набок. Неловкие усердия — и снова покорно выравниваюсь. Продолжил: — Так что... если и наткнутся — то случайно, и когда уже превратишься в гнилое месиво. Здесь мы — единственный твой выход... на поверхность. На волю. Так что... не беси! А то не один Казанцев тебе уже не поможет!

Виновато, устыжено опускаю очи.

Решаюсь продолжить, шепотом, обреченно:

— Под кого копает — и так ясно... под всех вас, — тихо, осторожно. — А кто крыса? Хотите знать, кто крыса? Кто вас всех сливал? — взор в очи бесстрашно супостату, с вызовом, с обидой и смелостью. — Серега. Ваш "святой" Науменко... и есть крыса.

Окаменел враз Ублюдок.

Жгучий, бесконечный миг сопротивления, за и против — и выпаливает яростно:

— Да че ты мне лечишь, с*ка?! — прыснул слюной. Оскалился. Резво подхватился на ноги, прошелся по комнате — короткие, сбитые шаги — и обмер. Еще миг — и вдруг резвый разворот — движение — всадил, вlepил мне пощечину наотмашь. Вскрикнула, пронзительная болью; завалилась на пол; зазвенело, загудело в голове... В момент ухватилась, прижала холодную ладонь к пылающей щеке, инстинктивно спасаясь от мук. Скрутилась в клубок. На глазах задрожали малодушные слезы — но разреветься не посмела, лишь до боли закусила губы, сдерживая всхлипы, горечь, вой, стон. Рывок ближе — и ухватив за волосы дернул на себя. Приказное «сидеть» — и снова глаза в глаза с ублюдком. Выпучил на меня свои бездушные зенки: — Вы его завалили не за какой х**! И еще решили всё д*рьмо на него свалить? Не много ли вы на себя берете? А тварь?!

— Разве?! — дерзко, вовсе по жилам пуская вместо крови яд самоотречения. Немо Богу взмолившись, иду ва-банк. — Разве "не за какой"?..

Оторопел от дерзости. Молчит, выжидает, сверлит пронзающим взглядом.

Бомблю отчаянно дальше, ничего уже не стыдясь и не страшась:

— Серега стал ко мне клинья подбивать!.. Хотел чего-то большего, чем просто служебного подчинения!

— По-твоему, я совсем debil? — чиркнул от злости зубами. Но выпустил из хватки. Немного отстранился. — Ты для него хуже гниды была! Презирал, как последнюю с*ку!

— Да, презирал! — гневно, смело, сама того от себя не ожидая, выпалила, сплюнула с

пренебрежением уроду в лицо. Взоры сцепились в мертвой хватке. Сумасбродно: — Но за что?!

Смолчал. Прожевал эмоции "Захватчик".

"Не знает..." — ухмыльнулся мой внутренний демон, чертов "воспитанник".

Продолжаю кайтеном:

— Он тр**нуть меня хотел! — криком. — А я его послала! Серега этот... ваш... — рык взбешенный (а в голове отчаянно закружились больные фантазии Инки, что не раз та мне травила по поводу необоснованных нападков Майора).

— Кстати, Горбатый, да... — внезапно, огорошивая, распиная меня еще больше, уже окончательным прозрением, прозвучал... еще один голос из толпы (чьи лица все еще скрывал полумрак). Голос Сальникова. — Я раз застал их в туалете... Он ее буквально зажал и прессовал. Я думал, так... по своей теме, нелюбви к "дочкам-сыночкам", по благу впихнутым... Да то, что... "чужой" в нашем деле образовался. Но... баба-то она — видная. По крайней мере, была... Там у всех поначалу стоял.

— Ну, Ладно... Допустим, — гаркнул уже более сдержано Палач.

— Я Науменко послала. А потом... выезд у нас был. Труп... в квартире, полбашки... которому снесли. Я тогда... не выдержала всего того кошмара, бросилась наутек... Стошнило меня. Я — куда глаза глядят. Вниз по ступенькам, лишь бы меня никто... из "своих" не запалил. Смотрю, Серега из какой-то квартиры выходит: соседей опрашивал... Меня не заметил — ушел прочь. Я туда (пока замок не щелкнул). Без спросу за порог — и в санузел, блевать в унитаз... А как пришла в себя, взор чуть вбок: а там — труп рядом, в ванной: «второй», тот самый, дело по которому у нас еще отобрали... Я — в ужас... кидаюсь на выход, а там — на пороге Пахомов. Нос к носу столкнулись.

«Х** она тебя сдает?» — послышался еще один (третий) незнакомый, испуганный голос в наушнике.

«Завались!» — резвое Кости.

«Я нашел! — завопил враз Связист, перебивая. — Точняк! Всё, как ты сказала: черти где, лабиринт, темно, сыро, плесень — ФОРТ! Однозначно — ФОРТ! Да?!»

Нервно сглотнула я слюну, осознавая... что вновь для своих "зрителей" впала в невольную протрацию.

Прокашлялась — вот только в этот раз показательно.

Черт, на чем я остановилась?!

— Так вот... Серега...

— ПАХОМОВ б***ь! ПАХОМОВ в квартире! Ты мне, с*ка, не юли! Дальше-то что?! — взбешенно; дернулся невольно Ублюдок, отчего и я машинально отпрянула назад — но удара не последовало.

— Пахомов... — торопливо отзываюсь. — Узнали мы друг друга. Поверил моим словам, что не я его завалила. Сказал, видел, как влетела, как блевала... Он меня и прикрыл тогда, взамен попросив и моего участия: не сливать его присутствие вам, дабы тот смог спокойно оглядеть место происшествия. Еще обмолвился, что это его осведомитель зажмурился. Это потом Костя расскажет, что и Серега его "стукачом" был, и, когда пронюхал, что объявился «конкурент», — тотчас испугался, что вскрыется его крысятничество. Вот и завалил бедолагу под общий шум, не рискнув сразу на Пахомова замахнуть.

— А "верхнего", по-твоему, — рассмеялся колко Сальников, — тоже замочил... чтоб суматоху устроить? Да?

— Не знаю! — гаркнула, взором, полным злости, презрения, сверкнув, окатив иуду. — Этого мне никто не докладывал! — жгучая пауза, дабы немного прийти в себя. Сдержат свой пыл. Собраться с мыслями. Просчитать следующий ход в этой... откровенно больной, несуразной истории. Не запутаться бы... — В общем, — продолжила, — я его прикрыла, Костю. А он — меня. На том и разошлись. Я же ничего не знала про Науменко тогда... не было у меня ничего на него. И защиты никакой физически — боялась, сторонилась, как огня. Да толку? Снова подкатывать шары свои стал. И однажды все разошлись... Ну, в общем...

— Что "в общем"? — рявкнул гневно Изувер.

— Сереги это ребенок... вот что.

Окаменели в момент все, будто проклятые.

Обомлела в страхе и я.

Но я права, верю, что права: если и поверят, то только так... Да и потом, Серега — все еще свой, все еще будут сомневаться в его «грешности». А значит — и ребенок... не враг. Да и лишь так можно обезопасить всех нас от шантажа, давления на Костю, уберечь от спекуляции мной... и ребенком. Реальным... ребенком.

Нервически сглотнула я слюну — поежилась, вновь вспомнив, осознав недавнишнюю "новость". Поежилась в ужасе.

— Дальше что? — приказный, черствым тоном, гад.

— А дальше... У нас с Пахомовым после той... очередной нечаянной встречи... завязались отношения. Правду я, конечно, не рассказала... не смогла. Серегу избегала... Что залет случилось — сама пока не знала. Жила, как жила — тонула, пыталась отвлечься на Костю.

«Пи**ит красиво, — внезапно раздался голос в наушнике, тихо, смазано, на заднем фоне (всё тот же... "неизвестный третий"). Залился желчным смехом: — Как ты потом... с такой уживаться будешь? Х** вычислишь, когда врет. Или не врёт?» — дерзкое.

Окоченела я от заявленного. Не дышу, не моргаю.

Жуткое, убивающее молчание. И наконец-то, будто гром, слова Пахомова:

«А ты бы... х*евей пи**ел, если бы тебя там, в подвале прессовали? А? Или ты бы... сразу раскололся? Всех слил? — колючее молчание "умника". — И кто теперь из вас х**ло? — выжидающее молчание, и, не дождавшись участия: — Лиз, продолжай в том же духе... Тяни время, как можешь. Мы уже едем».

«Имя вытаци из них, кто их крышует», — неожиданно раздался грозный прокуренный бас.

— Че зависла? — гаркнул на меня Палач.

«Пацаев?» — удивленно кинул Пахомов.

«А то, б***ь! — рявкнул мужчина. — Вас же и на минуту нельзя оставить! Бабу прое**ли! Обоср*лись! Данные слили! Результата — ноль! Разминайтесь, б***ь! Дай доберусь — я вас всех вы**у!...»

Нервически глотнула слюну, попытка отвлечься от разговоров. Думать о своей "правде".

— Костя... — решительно, будто взывая их заткнуться.

Не реагируют, или не слышат:

«Почему? — узнаю голос Связиста. — Двое засветилось: Казанцев и Горбатый — вероятно, Горбунов Алексей. Даже если ничего больше не вытацил, будем знать на кого дальше давить».

«Мало! Ма-ло! — гневно завопил Пацаев. — Если ее завялят, этого — будет МА-ЛО

Давите! На нее, на них. На кого угодно, но три дня даю, чтоб за жабры мне взяли того, кто за ними стоит!»

И снова отчаянно силюсь перекрычать беспредел эфирный (в этот раз удачно не растеряв истории нить):

— МЫ С НИМ... мутили... и уже не просто так... "перепихон", — и снова украдкой взор на Казанцева. Шумный вздох, скривилась в боязни и неловкости, но не реагирует никак: стальная маска выжидания, терпения, равнодушия сковывает его лицо. Веду дальше: — Серега прознал — как раз, когда я к Роману обратилась, — рачительнее прячу взор... и жутко, страшно, что сейчас облажаюсь, в чем-то промахнусь. Но молчит, не перечит... "товарищ-кавалер". Продолжаю: — Не так ревность его задушила, как то, что Пахомов мог проговориться, что он — его осведомитель. Что, по сути, и произошло. И уже я — прямая угроза его авторитету, безопасности, планам. Вот и решил, видимо... нас убрать. За раз — пока мы были в душе.

Скривилась от смущения, стыда. Чувствую, как щеки запылали от осознания всего того, в чем и перед кем сознаюсь... И это... гораздо больше людей, чем... несколько ублюдков, с которыми я застряла здесь, на дне кирпичного саркофага.

Тишина. Повсюду тишина, жестоко вторя моим ощущениям. Будто нарочно... все сговорились, сполна давая мне всё осознать и упиться позором, отвращением к самой себе за то, что сдаю так бесстыдно нас, пусть и мешая с дерьмом и неправдой их "великомученика" Науменко.

— Не знаю, — наконец-то гаркнул сухим, осиплым голосом Горбунов. Немного подался назад — и расселся на полу. Содрал ладонями с лица эмоции. Шумный, тяжелый вдох. — И вроде вяжется... и вроде... бред какой-то...

— Но, — отозвался неожиданно Сальников. — Так-то... именно Серега предложил эту операцию для Казанцева относительно Мазаева и Крякова. Это он откуда-то получил "слив" о их встрече. И он знал... с самого начала, что Лиза и Пахомов связаны меж собой... Что Роман пробивал для нее о нем инфу. И, верняк, догадывался, что операция провалиться. Вот только на что он надеялся? А ведь первый... Причем, я тогда даже о***л с такого расклада, и это даже не зная о треках Цветковой с этим упырем. Но, реально, че это... Серега и так быстро согласился неопытную дуру, скромную бабу на роль шлюхи, допустить "неуча" на дело, да еще подотчетного другому подразделению? Явно какой-то мутняк. И, если верить все же словам Елизаветы... что Наум изначально что-то свое планировал, в частности их двоих за один заход завалить, то это явно означает, что что-то стояло между всеми этими тремя. И Пахомова он знал, причем, судя по всему, еще до всех нас: то бишь отдельно, на стороне, задолго до операции стерлись. И этот ФСБшник ему мешать стал... потому и убрать на**й решил. Так что... Сходится. Криво, косо — но вроде сходится. Не знаю, как про ребенка и прочее... Но уж больно он бесился, видя Цветкову. Даже я сам о**евал, с чего такая "нелюбовь"? Ну, тупая... разбалованная девочка попалась. Поиграет чуток в мента — и свалит. А за делами пока... следить усердней, быть аккуратным. На крайняк, стихнуть на время... Но нет — в открытую, буром на нее пошел. Честно... не знаю, что, как и где ему насолила... Но грохнуть, в итоге, свою же — это явно перебор, основываясь лишь на собственной предвзятости.

— И че? — дерзко рявкнул Горбатый. — Звонить и говорить, что крысы больше нет? Завалить эту, — кивнул на меня, — вычислить Пахомова и тоже грохнуть — и всё: жить дальше спокойно? Че-то мне не верится. Особенно, что этот ребенок, — кивнул на меня, —

не этого ***, с которым она все тягалась, а Сереги... Не насильник он.

— Да? — желчно захохотал вдруг Казанцев. — А ты? — сплюнул дерзко.

Обмер, обрушил взор на него Палач. Ядовито, пристыжено рассмеялся, смолчал.

— То-то же... все мы — "святые"... Звони давай, пусть сам решает. Узнали, что узнали.

Как по мне — и такая правда сойдет. Пусть валит на**й из города. Слышишь, Цветкова? — уставился на меня Роман. — Утром... чтоб и духу твоего здесь не было. Заикнешься кому, что когда — сам лично пришью. С Пахомовым связи больше не ищи. Никогда. Родители?.. Ну тут сами решайте. Но то, что ты жива — никто не должен знать. А ребенок... если так... то странно, что ты его оставила...

— А ты бы убил? — цинично, с вызовом и злостью ему в очи. — Он же и мой тоже... даже если этот к*злина и ко*чил в меня... Или что?!

Нервно сглотнул слюну, отвел взгляд в сторону.

— Гера, звони.

— Тут же не ловит...

— Так выйди, б***ь! А то мы так скоро сами тут сдохнем... от этого е**чего кашля...

Глава 33. Происки мойр

Глава 33. Происки мойр

Долгие... бесконечные минуты ожидания, души терзания... вердикта.

И наконец-то послышался шорох, волнение, шепот. Шаги Вестника в комнату. Обмер в растерянности мужчина, неосмотрительно слишком близко ко мне, так что даже смогла разглядеть его лицо: скривился в печали незнакомец.

— Ну? — раздраженно гаркнул Горбунов, не выдержав глупого, никому не нужного молчания.

— Да чё?.. — поморщился тот. Громкий, тягостный вздох. — Эти не берут. До Блохи дозвонился... — и снова режущая, пилящая заживо тишина. Впилась в очи мужчины я взглядом, не имея сил сопротивляться предсмертной, вопящей тяге. Едва осознанно, немо взмолилась не губить... пощадить... меня и моё дитя. — Гасить сказал, — раскатистым громом. — И расход пока...

Окаменели вмиг все присутствующие: не дышать, не моргать. Сопротивляться.

«Пи**ец», — послышался голос Связиста, невольно вырывая меня из холодной, беззвучной, вакуумной прострации. Сердце враз заколотилось в шальной агонии, вырывая последние мгновения жизни из лап обреченности.

— Да свалит она... — внезапно раздался взволнованный, пропитанный горечью, испугом, голос Казанцева. — Не тупая: свалит, никому ничего не скажет. Исчезнет... Мужики, вы чего? — взор около, жадно выпучив очи. — Она же — СВОЯ!

Давясь злой иронией, все же печально рассмеялся Горбунов:

— Своя, говоришь? — дерзко. — Уверен?

— Уверен! — не менее грубо. — Это просто мы — чужие...

Горький вздох. Встал, выровнялся на ногах Палач. Шаги по кругу, меряя рассуждениями комнату.

Обмер. Пристальный, сверлящий, будто щупая, определяя глубину моей души, али просто — ища опровержение наличия оной, взгляд. Поддаюсь — отвечаю тем же. Но еще миг этого жуткого, черствого, ледяного напора — и сдаюсь. Позорно опускаю голову и, покорно зажмурив веки, жду.

Не надежды. Не пощады. Исхода жду... — и так всё ясно.

Конец. Вот он... глупый, самонадеянный, бессмысленный мой конец — финиш всей моей жизни, что была мне, видимо, по ошибке отписана. Ничего не успела сделать. Ничего толкового, значимого, заметного. Ничего... кроме ошибок, боли... и предательства. Всех подвела: родных, близких, любимого. Слепленная своей беспечностью, больной тягой, глупыми поисками, наивным рвением к чему-то непонятному, недалекому... в поисках смысла жизни, цели... ее значимости как для общества, так и для самой себя — ее же я и растеряла, растратила, просадила.

Ирония?.. Сарказм?.. Плевков судьбы? Происки мойр?.. Одной. Второй. Третьей. Где каждая исполнила свою, личную, жестокую, но важную роль: не глядя, вытащила жребий; соткала, пропустила через все превратности и смело перерезала нить моего бытия.

Конец. Всему конец.

Костенька... Костя, как же хочется напоследок услышать твой бархатный голос. На

прощание увидеть твои серо-голубые, будто небо, будто море, глаза. Ощутить убаюкивающее тепло. Нырнуть в океан пьянящего твоего неземного, услады переливов, запаха. Ты — мой мир... беспечности, любви и смеха; мир нежности, ласки и красок... — всё то, что не ценила, чем рискнула; что едва сама не загубила... и сейчас я покидаю, отпускаю навсегда.

Как хочется сказать тебе еще хотя бы раз, как безмерно... ты мне дорог, как безумно я люблю тебя... до пронзительного писка, визга, стона души. И поблагодарить тебя за всё. Извиниться, раскаяться... Расплакаться — и всё же получить прощение за то, что взамен тебе так жестоко, вынужденно подарю...

Однако, рискнуть не смею: даже если со мной уже всё решено, тебя подставить под удар — сродни самому страшному прегрешению. Ты здесь, ты рядом... со мной душой. Еще немного — и плотью тоже. Окажусь в твоих объятиях и навсегда останусь я с тобой.

Шорох. Резвые движения — не поддаюсь, лишь только в фантазии рисую возможное происходящее. Щелкнул предохранитель.

— Пошли все на*** отсюда! — гневное, деспотическое, будто сам дьявол взревел. В испуге распахнула очи я. Поддались велению присутствующие. Дрогнул и огонек в чьих-то руках. Заботливой пеленой полумрак завладел нашим пространством, очерчивая в темени искаженные догадки.

— Тебе особое приглашение? — рявкнул, вполоборота метнув взгляд на застывшую в углу фигуру. Присматриваюсь, узнаю — Казанцев.

— Бабу... беременную... Ты совсем что ли?.. Вообще ничего святого не осталось?

— Слышишь, ты, — и снова косится на него Палач. — Святоша е**нный... на**й отсюда!

Нервно, звонко сглотнул слюну Роман:

— Я тебе не дам этого сделать.

— Может, и тебе всадить заодно? — бешено рявкнул, обернувшись и возведя, уставив дуло уже в сторону своего "товарища".

«Я люблю тебя», — испуганно, вором, под раскаты взорвавшегося шума, перепалку изуверов, шепчу прощальные слова, искренне молясь, чтобы все же Пахомов услышал меня.

— Стреляй! — дерзко. — Уж лучше сдохнуть здесь, сейчас, чем потом... остаток дней ощущать себя таким же трусливым, мерзким дерьмом, коим являешься ты.

Желчно, бесовски захохотал Горбатый в ответ:

— На понт берешь? Думаешь, не выстрелю? Пожалую? Зря, с*ка! ЗРЯ! Мне по*** на тебя, на нее! На все эти ваши сопли... по поводу совести и спасения души! Ад? Оглянись, "праведник", м**ь твою! Мы давно в нем живем, варимся в котле! Просто не поняли, в какой момент сдохли! Так что... либо ты разворачиваешься — и уе**ваешь отсюда — и чтоб я больше никогда тебя не видел, или ляжешь рядом с ней. Как и хотел... когда-то.

Обмер. Не шевелится Казанцев. Но и против... больше претензий не выказывает.

— ЖИВО! — будто принимая его сомнения, безучастность за смирение, подчинение его воли и воли обстоятельств, неотвратимости исхода, резво решает все за него.

Пронзительное мгновение сгорания принципов в пламени позора и страха — и дернулся, ступил шаг на выход. Вдруг шорох, волнение. Стук. Выстрел...

Не поняла даже, как хлопок, глухой удар отдернул меня назад. Рухнула на пол. В груди резко запекло, щупальцами расплываясь ноющих, тянущих ощущений по сему телу, нестерпимая боль разорвала сознание. На черном полотне реальности зашевелились черви искр. Задыхаюсь. Сердце колотится, что дикий, взбесившийся зверь, мечась в клетке из

цепких прутьев ребер. Звенит в ушах. В голове дурман крутит свою карусель, застилая отчаянием реальность. Чувствую, как холодеют, немеют мои конечности. Первородный страх кубарем пускается по жилам, заливая окаменевшие мышцы смиренным онемением, рождая где-то в груди целое пламя невысказанных чувств, немного, подавленного крика и невыплаканных слез.

— Лиза! ЛИЗА, б***ь! — что-то дрогнуло внутри меня, встрепенулось, но лишь на миг. Сил среагировать вовсе нет. — Лизонька, девочка моя!

Ухватил, утопил мое лицо в своих теплых ладонях. Глаза в глаза.

Родные, нежные, некогда такие шаловливые и веселые озера — целый океан, вселенная моей беспечности, радости, любви. Утонуть... я хочу утонуть в них, чтобы в конечном счете там навсегда раствориться. Навеки остаться в них... И никто, и никогда... больше нас не разлучит. Я буду твоей, в тебе... вторить своей душой твоей сути.

Тянусь... смело, слепо... будто за воздухом. Прилипаю прощальным поцелуем к губам — вкус... хочу в себя вобрать твой вкус, терпкий, сладко-соленый, дурманящий, навсегда его оставить в себе, в своей памяти... в умирающей плоти... и в уходящей душе. Поддаешься на миг — но я уже отстраняюсь, не имея больше сил удерживаться подле... И снова глаза в глаза. Слезы капаят с твоих ресниц мне на лицо, обжигая кожу.

И все, что могу сказать... это нелепое:

— Прости...

Еще мгновение, еще рывок — и сиганула... с головой, без сожаления... в твой взгляд — теряя себя навсегда.

Глава 34. Пограничье. «Дети» Гиппократата

Глава 34. Пограничье. «Дети» Гиппократата

Посвящаю "Розовым снам" из романа

"Лоскутные розы" Е. Миллер, которые и навеяли мне сие странное сновидение.

Шаткий, мощный из досок мост. И, казалось, не через реку он перекинут, и не через озеро... а через непроглядной дали... целое море, выливающееся за горизонт.

Люди, толпа людей, но не общим сплоченным телом, а рассыпаны — лениво тащатся, каждый утопая в своих думах. С работы — домой. Час пик. Да только на небе — не закатного светила переливы, а темный бархат, усыпанный звездами. Ночь.

И мы идем... прём против «течения»: я и Инка. Манит нас та неведомая даль. Манит. Вот только ходу нормального впереди нет: деревянные плиты лишь здесь, около нас, у берега; и где-то там еще, далеко-далеко, у самого горизонта... что и не достать дотуда — не допрыгнуть... И между этими островами — отнюдь лишь голые балки-опоры, горизонтальные, тянущиеся бесконечными рельсами, навесом, вдаль. Другим — ни по чем: идут в нашу сторону... неведомым образом легко преодолевая эту преграду.

А мы стоим — мнемся, не решаемся.

— Да уж... и вправду, «роковой мост», — задумчиво шепчет подруга.

Бросаю взор около: справа — тоже мост, вот только он целый, толковый, крепкий; слева — еще больше разрушен, нежели наш.

— Роковой? Погоди... как "роковой"? — недоумеваю. — Какой из них? Разве не тот? — киваю в сторону руин.

— Не знаю... — виновато прячет взгляд.

Ходит, бродит по краю настила, по балкам вперед-назад эквилибристом, дразня темную, непроглядную пучину, в которую упади — и не выберешься уже никогда.

И вдруг один из прохожих (молодой незнакомый мужчина, с длинными русыми волосами, вид — усмиреного бунтаря, рокера) метнул на меня взор, отчего и я его заметила, различила среди безликой толпы:

— Этот — и есть... — будто громом голос.

— Как этот? — взорвалась я искренним, откровенным шоком, тотчас утонув в прозрении: отчего же тогда столько людей собой глупо, слепо рискуют... играя с проклятием?

Смолчал, не ответил. Более того — не захотел больше проявлять участия. Отвернулся. Слился с темнью — и пошагал прочь, не оборачиваясь.

И снова взор устремляю на подругу: но не надо слов — сама поняла и подчинилась та.

Живо срываемся на бег — и, будто земля под ногами горит, мчим на берег. Затесываясь среди толпы... через дебри — в сторону сердца города, в сторону дома.

Вот только теперь осознаю: я — босая, и на теле — лишь длинная, белая ситцевая ночная сорочка. Холодно, дурно, стыдно... И даже ступать приходится осторожно, с опаской. И не так колет сухая трава или студит ноги холодная (хоть и пропитанная летом) земля, и не так сор под ногами смущает (отходы, пакеты, окурки), вызывая к брезгливости, как стекло — много битого стекла, то и дело норовящего вонзиться в плоть и раскромсать оную до крови, до кости, заражая... и без шансов убивая.

Замечаю впереди себя пожилого мужчину: ловко пробирается среди зарослей по шальной тропинке в сторону жилых домов. Предусмотрительно, хитро следую за ним — за мной же покорно мчит и Инка. Он — мой поводырь, я — ее. Незнакомцу проще, на его ногах — обувь: ботинки, подошва плотная, крепкая. А потому смело рвет вперед, мне же — каждый сантиметр дается тяжело: до дрожи пробирает угрозой.

Еще шаги, еще усердия — и прорвались, ступили на не менее холодный, но гладкий... нежный, твердый асфальт — уверенной походкой, поступью вперед. А поводыря уже и не различить среди полумрака: ночь сожрала очертания, не уступая даже фонарному, медовому свету.

Нестрашно. Сама справлюсь! Сама отыщу наш с Инкой путь! Это здесь наши с незнакомцем кривые дороги пересеклись, наслоились друг на друга, пока от моста через дебри на свет, на твердынь не вышли. А дальше — а дальше у каждого свое предназначение, свой конечный пункт!

Я сама справлюсь — я сама нас спасу!

Срываюсь на бег — уверенно мчу вперед. И вдруг — замечаю на обочине незнакомую женщину с дочкой. Стоят, смотрят на меня в испуге. И почему-то я начинаю орать, дико, отчаянно, взмолившись:

— Помогите! Помогите ей! — тычу рукой куда-то назад вполоборота, в сторону своей Инки, туда, где она за мной слепо, безропотно летит.

— Помогите! — слышу, вторит мне ее голос.

Вот только этим двум всё равно, более того — они боятся нас, отворачиваются, обособляются, жаждут сбежать.

А потому рву когти дальше я, визжа, ревя, разрывая отчаянным криком темноту и тишину ночную:

— Помогите ей! — снова рвет мое горло безысходность, будто чувствую, как Смерть отбирает Ее у меня.

И вдруг не ощущаю больше за мной участия. Станный шорох — «пуф»: и ничего...

Замираю в ужасе. Оборачиваюсь: нет Инки нигде. А вместо нее... за мной мчат санитары.

Жутко, страшно... и будто чувствую, что нехорошее они мне несут. Будто не спасти хотят, не помочь — а добить, уничтожить.

Срываюсь на бег — умчаться далеко-далеко, но не выходит — ноги ватные враз почему-то, непослушные: заплетаюсь, едва не падаю. Еще немного — и оборачиваюсь, позорно сдаваясь захватчику — наступают, надвигаются на меня, словно туча, желая всю меня обволочь и захватить в плен.

Выставляю руки вперед, ограждаясь — пытаюсь сопротивляться. Злобный рык:

— Где Инна?! Что вы с ней сделали?! ГДЕ ОНА?!!

— Нет ее! — мерзкий, приторно-убаюкивающий голос звучит, скребя по сердцу, словно по слуху — визг металла, пронзая до кости, пробивая до самых пят жутью и страхом. — И не было, — грохочет гром. — Лиза! Лизонька! Позвольте Вам помочь! Прошу!

Обступают, загоняют... жертву, требуя не плоть, не жизнь — а душу. Жутко, до одури пугающе.

Еще одна моя тщетная попытка сопротивляться — и схватили, заломили... Обреченность и немощность тотчас разлились по жилам, погоня кошмар.

Ухватили за руки, ладонями разворачивая к себе.

Резвый удар — и пробили едва не насквозь оные.

Капельница: иголки, трубки. Загоняют в меня неизведанную прозрачную жидкость — а в ответ... из другой — полилась по пластмассовым венам в никуда... моя кровь.

Замкнулся круг. Опустошение. Агония. Пограничье...

Я — умираю.

Посвящаю прекрасным людям, медработникам:

ru-ta, O. A., ан. Н., К. М., Б. Е. А., а. С, а. Т.

Спасибо вам за труд, колоссальную поддержку, доброту, заботу и душевное тепло!

А также **семейству А.**

Ленивой змеёй сознание ворвалось в меня, прогоняя остатки дурмана, отрицания и покоя. Остатки пустоты...

Что, кто, где — полное непонимание. Оглядеться по сторонам, сражаясь с резью в глазах.

Больничная палата. Попытка позвать кого: но сухо, хрипло, вяло — тщетно, никакого участия. Попытаться сесть — вмиг резкая боль в груди пресекла столь глупую затею. Полумрак ударил в очи, застилая льняным полотном и рисуя живые звезды на нем. Тошнота подступила к горлу. Головокружение. Дышать: глубоко, отчаянно, стойко сражаясь за прежнее, шаткое, но более-менее терпимое внутренне состояние, за ясное сознание.

Минуты сбегали в небытие... Не знаю, сколько прошло времени (одинокости и «самопознания»), но вполне достаточно — дабы не только успокоиться, но и смело (безрассудно) попытаться вновь сесть. И едва это более-менее удалось (пусть и не с первого раза), следующая ступень моей «недо-эволюции» — было желание встать на ноги...

Кое-как, жадно цепляясь за боковые держатели у изголовья, встать... а затем и вовсе, перебираясь руками по постели, храбро сражаясь с приступами головокружения и стремлений высвободить всё содержимое желудка, стала прорываться к умывальнику...

Пол гладкий, холодный: и хоть все это вызывало колкие, неприятные ощущения, мысль — что я больше не овощ, прикованный к горизонтальной поверхности, провоцировала куда более внушительные эмоции, переживания.

Еще немного — и рискнуть оторваться от спинки кровати и ухватиться за раковину. Минуты — и я уже всматривалась в зеркале в жуткое, постапокалиптическое чудовище: волосы взъерошены, целый клубень путаницы на затылке; синячища под глазами; кожа бледная, будто у трупа; губы сухие, целые острова мертвой кожи. Лицо осунулось. Щеки запали. Еще хуже, чем была до этого...

Тихо взвять от позора и обреченности...

Шумный вздох — отворачиваюсь, прогоняю глупые мысли из не менее глупой головы.

Раскрыть на груди предусмотрительно, как для больничной сорочки, широкий ворот, и взглянуть на целое творение из повязок и пластырей. Не решаюсь дотронуться. Вмиг вспыхнули перед глазами воспоминания той ночи. Выстрелил. Все же... ублюдок выстрелил в меня... А Костя? Он мне привиделся? Или все же был там? Был, мой хороший. Был... Или сон, или реальность — но от тех ощущений... до сих пор тепло, бросает в дрожь, а на душе — разливается волнительная эйфория. И снова вдох-выдох, пытаюсь совладать с чувствами, с непослушным телом: на глазах застыли дурные слезы.

Поднять, задрать рубашку, оголяя плоть.

Взгляд прикипел к животу.

Ребенок. Господи, неужели?.. Неужели я — беременна?.. И все требования, и вся «плата» за это счастье... позади?

Я же беременна? Да? До сих пор?.. Прошу, Боже!.. Очень прошу, пусть... если ; пережила весь тот ужас, если осталась жива — то не зря. Пусть и ребенок мой, наш... наш с Костей выживет. Очень прошу. ОЧЕНЬ!

А иначе...

Нет! Нет! Прочь дурные мысли! Кыш!

Я — беременна.

Беременна и точка.

Провести, нежно погладить по животу и тихо, радостно улыбнуться. Мой малыш, мой любимый... маленький малыш. ТЫ — ЖИВ!

Позорно шмыгнуть носом — и снова уставиться в зеркало. Попытка встать на носки, дабы хоть краешком глаза узреть живот. Вдруг округлился? Хоть немножечко... Самую капельку — дабы узреть, уверовать... возрадоваться... своему, нашему... счастью.

Но внезапно (идиотка! о чем думала?!) нога соскользнула. Жадная попытка ухватиться за раковину — но та оказалась мокрой, а оттого — не менее скользкой. Грохнулась, завалилась на умывальник, едва челюстью добротнo не стукнувшись. Взвыла от боли в груди и внизу живота... от таких неосмотрительных, резких перемен.

Вдруг скрипнула дверь. Живо кто-то кинулся ко мне.

Едва различимый, терпкий мужской парфюм ударил в меня, еще сильнее вздымая волну тошноты — но держусь, изо всех сил сопротивляюсь.

— Да что же ты творишь?! — злобно, возмущенно взвыл незнакомый мужской голос мне на ухо, едва я попыталась самостоятельно выровняться, и тем самым чуть двоих уже не завалила долу.

Пристыжено, на грани зарождающейся истерики, страха, смущения, рассмеялась я.

— Успокойся, — гаркнул. — Расслабься, я сейчас сам всё сделаю!

Покорно поддаюсь наставлениям.

Ухватил за талию, а затем ловко под руку.

Неторопливые, аккуратные шаги к кровати. Разворот к себе лицом — и напором заставляет присесть, лечь на постель. Исполняю.

Смущенный, беглый взор по белому халату, по незнакомому лицу: врач?

Живо отвожу взор в сторону, дабы никого из нас более не смущать.

— Елизавета-Елизавета... Вы меня удивляете. Причем, не меньше... чем вся Ваша прежняя история, — шумный вздох. Резкое движение куда-то в сторону и, схватив стул, что стоял у стены, живо приставил к койке почти вплотную.

— Простите... — едва слышно, сгорая в позоре и стыде, пряча очи, прошептала я.

Присел рядом на добытый трон.

Взгляд на меня.

Краем глаза ловлю на его устах добродушную улыбку. Обмерла я в удивлении.

— Да что мне? — неожиданно отозвался сквозь тихий смех. — Так, ладно, — глубокий вздох. — А я, Елизавета Анатольевна Цветкова, — резво выдал по памяти, — Ваш лечащий врач, Афанасьев Артур Альбертович. И меня очень интересует, как Вы себя чувствуете?

— Я... — растерянно протянула, перебирая мысли, слова. И снова взор метнула бегло на молодого мужчину (лет сорока, не больше).

Тихо рассмеялся.

— Так, давайте я помогу: слабость, тошнота, легкое головокружение. Боль в груди... при, кхм, ходьбе и резких движениях.

— Да, — торопливо подтверждаю, неосмотрительно, смело уставившись в его карие очи.

Мило, жеманно улыбнулся.

— Еще какие жалобы?

Отрицательно качаю головой:

— Нет...

— Хорошо... — задумчиво. — Но если будут какие еще замечания — сразу сообщайте: или мне, или медсестре — вот кнопка, — ткнул рукой на тумбу. — И я бы пока Вам не рекомендовал вставать с кровати. Придете в себя, наберёте сил, а дальше — хоть в пляс. А то Вашей методикой — не только себя угробите, — продолжил шутливым тоном, — но и меня заодно: Ваш муж никогда мне этого не простит.

— Муж? — изумленно выпалила я.

Хмыкнул, не меньше моего удивившись:

— Ну, не знаю... — пристыжено рассмеялся. — Я не особо вникал в вашу личную жизнь, простите. Но то, что он Вами безумно дорожит, знают уже все: вплоть до бабы Мани, нашей уборщицы, — залился широкой улыбкой. — Так рвал и метал, что даже нашему Главврачу сильно досталось. Всех обещал упечь за решетку, если хоть один облажается. Но, судя по последним новостям, по Вашему только что рвению, — есть у всех нас шанс... еще побродить под солнцем, если, конечно, рвение останется только рвением... пока.

Чувствую, как от стыда жаром залились мои щеки. Прячу взор:

— Станный у Вас юмор...

— Станный? — удивленно. Немного помолчал: — Какой уж вложили... и какой разрешено было оставить, — снова тихий хохот.

— Кем «разрешено»? — не сдержалась я от издевки.

Ухмыльнулся:

— Сердитым начальством, — внезапно зашевелился, снял с шеи фонендоскоп. — Ладно, — громко вздохнул. — Шутить шутки потом будем, когда первое апреля наступит. А пока — пока зима — давайте лечиться! И, для начала, послушаем не только Ваш прекрасный, нежный голосок, но и угрюмые легкие, — торопливо засунул оливы аппарата в уши.

— А чего угрюмые? — сконфужено рассмеялась я.

Обмер, гримасничая. Округлил очи:

— А Вы когда-нибудь слышали, что б они шутили?

Невольно загоготала я и тут же смущенно закусила губу, пряча взгляд.

— Всё тогда угрюмое: и сердце, и почки, и печень...

— Э, нет, — злокозненно. — Эти — те еще шутники. И что примечательно, всегда не вовремя. Особенно сердце: так пошутит, так пошутит, что потом днями захлеб ревёшь. Вопрос только, в кого они такие... злые и коварные юмористы...

Улыбаюсь:

— Все шутят, а легкие — не шутят?

— Не шутят, — казалось, вполне серьезно отрезал, закачав головой. — Сколько не вслушивался, каким только прибором не пользовался — не шутят. Но оно и хорошо. Ладно, — гаркнул, пресекая затянувшуюся тему. — Хватит прелюдий. Давайте, раскрывайте

сорочку. Послушаем и Ваши — вдруг я все же неправ.

Поддаюсь. Сторяя от смущения, замираю на грани приличия.

Тихо рассмеялся:

— Да не бойтесь меня. Не укушу я. Сам женат — и за любую прореху подзатыльник получу. И поверьте, моя жена — куда ужаснее тиран, чем Ваш заботливый, нервный кавалер. Всё пытается контролировать: начиная от сахара в моей крови и заканчивая едва ли не физическими процессами развития Вселенной. Спиной, — соответствующий жест, подначивая меня. Помогает приподняться... — А так, я же всё-таки врач, нечего меня бояться. Это — моя работа... Задержите дыхание, — еще немного вынужденных касаний. — Всё. Умница, — ухватив за плечо, укладывает меня обратно. — Всё отлично. И вообще, — внезапно уставился мне в глаза. — Я давно уже ничему не удивляюсь и особо не радуюсь, кроме как минутам тишины дома, когда не бубнит моя задира. И, естественно, тем мгновениям чуда, когда таких как Вы, мои коллеги и я спасаем.

Улыбнулась смущенно:

— Спасибо.

— Да не за что, — ухмыльнулся. Вмиг забросил фонендоскоп себе на шею, а затем машинально спрятал руки в карманы. Пристальный взор мне в очи: — Как я понял, это Вы, как раз таки, герой в этом случае: отважно защищали нас от злодеев.

Пристыжено опустила взгляд:

— Как-то... неудачно, — горько рассмеялась и закусила губу.

— Ну... не всегда всему же быть по идеальному плану.

— Да у меня... как-то всё оно... через одно место.

Тихо хихикнул:

— Всему своё время. Москва тоже не сразу строилась. И я, как начинал, так косячил... так косячил, что мой учитель, наставник, куратор... только за голову и хватался. Седел не по дням, а по часам... И если бы не его гордость задетая, будто это он со мной не справляется, то и терпение его золотое ему бы не помогло. Вопреки всему... решил довести дело до конца: слепить из обезьяны человека. Так что, — невольно устремляю ему в лицо взгляд; поджал губы, — если бы не труд, время и терпение — я бы давно пошел куда-то сторожем работать, а не... остался людей здесь лечить.

— Сторож — тоже нормальная профессия, — тихо, язвительно шепчу.

— Профессия, — рассмеялся не менее издевательски. — А вот учитель мой был иного мнения. Всё сулил мне ее и угрожал, как чем-то самым страшным. А потом... пришел момент: заболел тот сильно. Сам себе диагноз давай ставить и коллег подключать. Лечили, лечили его — и всё безуспешно. Пока я нечаянно не наткнулся на одно несоответствие в анализах, зацепку. Все книги, помню, тогда перерыл... и накопал. С меня поржали, а потом — делать нечего: повелись. И что? Вылечил я старого брюзгу. И знаете, что мне в итоге сказал, вместо благодарности? «Ну, Артур, теперь и помирать не стыдно», — тихо рассмеялся сам себе под нос мой Доктор. — С тех пор и я поверил в себя... окончательно. Теперь стараюсь изо всех сил... дабы у старика оставался повод «бесстыдно умереть».

Не сдержалась — рассмеялась я нескромно. Поддержал улыбкой и Афанасьев меня.

— А вы говорите: не по плану всё и всегда. Значит, рано еще... или планы «не очень».

— Спасибо, — шепчу смущенная, пряча взгляд.

— И более того, если бы не медицина: я бы свою жену так и не встретил.

— Вы же говорите, что она — тиран, — осмеливаюсь на иронию.

Хохочет:

— Тиран. Но мой, и ни на кого никогда я ее не променяю. Я не мазохист — просто, когда буря стихает, эта женщина делает меня действительно счастливым.

Улыбнулась я понимающе...

Шумный вздох — и решаюсь на самый жуткий, пугающий, душу мою раздирающий уже давно, вопрос:

— Вы говорите, что со мной всё хорошо...

— Да, — поспешно. — Вы же даже уже ходить умудрились. Так что — все ставки на скорое выздоровление. Авось завтра уже и в ЗАГС можно!.. — хохочет.

— А ребёнок?

Обмер, будто его расстреляли. Глаза округлились:

— Что ребёнок? — искреннее удивление.

— Что с ним? Я — беременна. По крайней мере... была, — сухим, дрожащим голосом прошептала, едва уже не плача, осознавая и без того... уничтожительный ответ.

Глава 35. Палитра Счастья

Глава 35. Палитра Счастья

— Вы говорите, что со мной всё хорошо...

— Да, — поспешно. — Вы же даже уже ходить умудрились. Так что — все ставки на скорое выздоровление. Авось завтра уже и в ЗАГС можно!.. — хохочет.

— А ребёнок?

Обмер, будто его расстреляли. Глаза округлились:

— Что ребёнок? — искреннее удивление.

— Что с ним? Я — беременна. По крайней мере... была, — сухим, дрожащим голосом прошептала, едва уже не плача, осознавая и без того... уничтожительный ответ.

Скривился вдруг. Поморщил лоб:

— Нет, — закачал неожиданно головой, его голос прозвучал испуганно, неуверенно, проседая от боли. — Не была...

— КАК? — ошарашенная, выпучила на него очи я. — Одиннадцатая неделя! У меня же... где-то анализы... заключение даже есть! — горько, отчаянно, едва ли не криком. Бесцельный взор около...

— Нет, — не отступает неумолимый Изувер. — Нет, Елизавета... — грохочет бездушный приговор, отбивая молотом по наковальне. — Не было, — добро как-то, заботливо прошептал (будто издеваясь) тщетно пытаюсь успокоить меня. — В ту ночь, когда... тебя привезли, я как раз дежурил. Видел всё... собственными глазами, — кивает головой. — Не в секунду же на операцию. Анализы элементарные взяли, ваших опросили... Ребята из хирургии у нас толковые, как и в палате интенсивной терапии, где ты лежала после операции. Черт, да я здесь, у нас... сколько раз тебе назначал анализы! Где-нибудь, да проскочил бы этот фактор: в крови, в моче!.. Хоть какая-то несостыковка, намек, но был бы! Но ничего... — обмер в молчании, немых рассуждениях. Миг — и резво добавил: — Или муж бы твой сказал!

Нервно выпучил на меня свои угли.

— Он не знал, — виновато прошептала, опустив взор.

Замер, не шевелясь.

Минуты — и снова громко, резво, в волнении:

— Ну, хочешь... УЗИ сделаем?! Завтра с ребятами из гинекологии договорюсь — и там уже без вариантов.

— А сегодня? — молитвой уставилась в глаза.

Выгнул брови. Секунды рассуждений — и сдался:

— Уже, конечно, очень поздно. И все, наверняка, разошлись, но... Жди... Ждите.

— Нет, милочка, — сдержанно проговорила пожилая женщина. — Нет здесь беременности. Более того... сама, наверно, знаешь? Да?.. — многозначительный взгляд мне в очи.

Вмиг виновато опускаю глаза, пряча горе и позор.

На ресницах заблестели слезы:

— Да, — едва различимым шепотом.

Закивала та головой:

— Ладно, ладно, вставай, вытирайся... Салфетки там, в углу.

Подчиняюсь.

— И ближайшее время... я не вижу, чтоб была какая беременность. Но точно не месяц назад. Рубцы есть, хотя уже почти все затянулись. Состояние удовлетворительное... в той мере, в которой... — задумчиво, врасстяжку пробурчала сама себе под нос. Шумный вздох. Разворот ко мне, пыливый взор: — Аборт, да?

Обомлела я, пришилленная к месту, забыв даже, что делала.

Но миг — и метнув пристыженный взор на своего врача, Артура Альбертовича, я тут же опустила быстро сорочку. Выровнялась, вытянулась, словно перед расстрельным взводом.

Не знаю, что и ответить.

Но и не надо было уже — та свое решила. Враз закивала головой женщина; разворот ко мне спиной; шумный, болезненный вздох — и цыкнула.

Враз по моим щекам потекли слезы. В момент отвернулась и я, скрывая позор и злость: нех** вам что-то объяснять, уроды.

Но вдруг движение, шаги — и обнял меня Афанасьев, прижал к себе:

— Ну, чего ты? — прошибая шоком до пят. — Всякое бывает... — тепло, заботливо, без капли порицания, неожиданно прошептал; невольно уткнулась ему в грудь носом, давя в себе незванные, жалкие рыдания. Провел, погладил меня по голове: — Ну-ну... Все мы ошибаемся... Всех нас испытывает судьба. Главное... чтоб потом вновь на те же грабли не наступать.

— А она и не наступит, — жестокое, циничное, грохочущими залпами в меня «человечной женщины-врача».

Заботливо довел, доставил обратно меня мой нынешний «спаситель», Артур Альбертович, до палаты. Помог даже забраться на кровать, лечь в постель.

Нырнула я под одеяло и тотчас, от позора прячась, уткнулась лицом в подушку. Малодушно давлюсь слезами, едва справляясь с тем, чтоб подавлять громкие, позорные рыдания.

Молчит. Шумные, тревожные вздохи — но на комментарии не решается.

Шорох — шаги на выход.

— А Вы бы могли... — будто током, меня пронзило прозрение. Резко дернулась, отчего сразу взвыла от боли. Мгновения, дабы совладать с собой, — и навожу фокус. Взор в лицо, застывшему в удивлении, врачу.

— Слушаю... — тревожно.

— А Вы бы... могли не говорить пока... не сообщать никому из моих... что я пришла в себя. Очень прошу...

Секунды внутренних рассуждений, споров — и сдался:

— Могу. — Помолчав немного: — Но только... до утра. А там — сами понимаете: на меня давят.

Закивала я головой, живо стирая с себя позорную слабость. Пытаюсь улыбнуться (коряво, криво, но искренне):

— Спасибо!

Позорный всхлип вырвался из моей груди остаточным выхлопом.

Стоит, сверлит меня взором — не уходит почему-то мой Доктор. Думает.

И вдруг:

— Такое ранение... — задумчиво; взгляд стал бесцельным, теряя фокус, поплыл около, — и не задеть ничего... жизненно важного... — внезапно очи в очи: сцепились наши взоры в немой схватке. — Как по мне, это — чудо.

— Что? — не могу понять, к чему это он.

Игнорирует. Ведет свою мысль дальше:

— Всё обошлось — Вы выжили... и даже... не скажу, что сильно пострадали. А значит... для чего-то это нужно было.

Обомлела. Секунды, минуты... тугих, тяжелых размышлений — и осмеливаюсь:

— Для чего? — горько, обижено. Злобно.

Рассуждения, сомнения. И в итоге — его молчание.

А потому решаюсь я продолжить:

— И ради чего мне теперь жить?

Но не среагировал привычно... как все. Не удивился. Даже не вздрогнула ни одна мышца на его лице. Мерно, уверенно, спокойно ответил:

— Не ради ЧЕГО... а ради КОГО, — в глазах его вспыхнул странный огонек, будто ведя за собой в туманные дали своих собственных давнишних трагедий и рассуждений, ведя в глубины... своей души. Продолжил Афанасьев: — И не мне Вам рассказывать, что такие люди... рядом с Вами есть, — будто выстрел в сознание, укор в... сердце.

Обомлела я, боясь даже вздохнуть.

Минуты борьбы взглядов — и вынужденно сдаюсь. Ведусь, стыдливо пряча очи:

— Но что я Ему подарю? — обреченно. Щеки запылали, вторя моему позору и собственной никчемности. — Что? Кроме слёз... — Решаюсь рубить откровения дальше: — Ничего?.. — и самое жестокое, на что способна моя душа... относительно самой себя: — А без меня — у него был бы шанс на счастье.

Тихо, язвительно... рассмеялся внезапно Доктор, словно протащив меня через мясорубку. Оцепенела я в удивлении. Миг — и нашла силы обрушить на него взор.

Отозвался учтиво:

— Как же... вы любите за нас всё решать... милые наши, ЛЮБИМЫЕ женщины, — едко, откровенно дерзко, прошептал тот. Немного помолчав, продолжил: — А ведь у каждого — своё понятие о счастье...

Ухмыльнулся враз печально. Шаги ближе — и присел на стул, у койки.

Взгляд пустил около, а после — утопил в пол. Шумный, тяжелый вздох, давя внутри себя забурлившие эмоции...

— Мы с моей женой уже лет двадцать, как женаты. А детей всё нет. И не будет, — убийственным грохотом слова. — Диагноз ей поставили. Она в слёзы... вот как ты. Не сразу, правда, — протянул многозначительно, — но было. Ой, как было!.. — скривился от боли. Но миг — и совладал с собой. — «Чужих, — кричит, — не хочу, своих хочу! Но их не будет!» И как давай за меня решать: бросай, говорит, и вали на все четыре стороны... счастье иди, мол, нормальное, не бракованное, ищи. «Настоящее»... Господи, помню, как я... ржал истерически с этого слова. Поня-тия. «Настоящее счастье». Я даже, сам для себя, толком не осознавал, что ОНО значит, это ваше счастье, «настоящее». Как ОНО для меня выглядит. Зато она, Вы... умницы-красавицы, во всём эксперты: быстро решила за меня, — сглотнул слюну шумно, болезненно. — Я же ее лет шесть добивался, Аньку свою. Как встретил на первом курсе — так и влюбился, накрыло с головой. Ходил, что дурак по пятам. Поначалу

она на меня скромно фыркала, потом боялась, потом избегала, потом орала, что ненормальная... а после — игнорировать стала. А я ходил, добивался... Цветы, подарки, внимание... И главное... чувствую же: моя она, моя! И вот — выпускной, клятва, дипломы. Я с цветами к ней. Так, думаю, сейчас, как всегда, пошлет — и я пойду, бухать с друзьями. Ан-нет. Не сегодня. Внезапно взяла мой букет. Я стою ошарашенный и не знаю даже что сказать, что сделать. Глаза вылупил, и аж дышать страшно. Думаю, сейчас как заедет им по морде... а там розы, шипы ух какие... — я и попрощался уже мысленно с жизнью. А она — нет. Растянула на устах улыбку и как выпалит: «Да». Я еще больше оторопел. Язык онемел, ноги подкашиваться стали. Спустя минуты такого остолбенения и сам не понял, как пошутил: «Че «да»? И замуж, что ли, готова за меня пойти?!» А она: «Ну да». Так на следующий день и пошли в ЗАГС, заявление подали. А вскоре — и поженились. Это ее отец оказывается, категорически против меня был. Ультиматум ей поставил: сначала учеба, а дальше — делай, что хочешь. Не думал старик, что она исполнит затеянное. Поставили пред фактом: завтра венчание. Хотите — приходите, нет — ну, что уж тут: не особо-то и расстроимся... — Немного помолчав, продолжил Афанасьев: — И теперь она мне заявила: иди, броди... ищи че-то там... что другие... счастьем считают, — внезапно обрушил, уставил взгляд мне в глаза. — А зачем оно мне без нее? Пусть даже бы с десятков мне какая нарожала. Зачем? Я без своей Аньки — никто, и ничего другого мне не надо. Так что... — качал головой, — не надо решать за нас, что для нас «счастье». Если мужчина любит женщину, то он любую ее примет: без рук, без ног, с детьми чужими, или без... своих. Лишь бы с головой: причем в обоих значениях.

Глава 36. Эвридика

— Так что, до утра? — уставился на меня Афанасьев.

Закивала поспешно головой:

— Да, до утра...

Улыбнулся понимающе:

— Хорошо. Только не затягивай: чем дальше, тем хуже — причем для обоих.

Киваю одобрительно. Скривилась невольно. Пристыжено опустила очи.

Проснулась от того, что кровать моя дрогнула, просела под чьим-то весом. Резво распахнуть веки: солнечный свет болезненно ужалил в глаза — поморщилась; машинально прикрыла лицо ладонью.

Тихо рассмеялся «гость». А затем и вовсе раздался голос, будто перезвон чего-то самого нежного и самого трепетного, самого теплого на земле. По моей душе скользнул родимый, ласковый бархат:

— Доброе утро, зай.

Улыбнулась счастливо я.

— Костя... — хотела еще кое-что добавить, но не дал. Тотчас припал своими губами к моим, убрав руку, схватив и сжав ее своею. Короткие, рывками поцелуи, семеня, одаривая ими всю меня: щеки, нос, веки, лоб, уста... — куда попадет. Молчу, тихо смеюсь, зажмурив глаза и наслаждаюсь шальным, безумно сладким, всепоглощающим моментом. Но вдруг миг — и застывает.

Испуганно обрушиваю на него взгляд:

— Что?

— Ниче... — странная, загадочная улыбка исказила его уста.

— Тогда целуй дальше... А то ишь остановился... — смущенно захихикала я. Рассмеялся и Пахомов.

Вмиг припал ласкою к губам: запойный, знойный, сводящий с ума пляс наших губ.

И вдруг отстраняется. Глаза в глаза. Шепотом:

— Боже... Лизка моя... — провел, погладил по волосам. Коснулся на мгновение кончиками пальцев моих губ — поймала, укусила их слегка, отчего тот сразу рассмеялся. — Девочка моя... — и снова скользит взглядом по всему лицу, будто пытаюсь впитать в себя всё, что видит. — Я думал, что сойду с ума. Что больше тебя не увижу... — Немного помолчав: — Прости меня, зай. Прости, котёнок... что так тебя подвёл...

Пристыжено смеюсь, на мгновение прячу взор:

— Ничего не подвёл. Сделал всё, что мог. Это я — дура, — глаза в глаза. — Зачем вообще во всё это полезла? Почему тебя не послушала? — и снова спрятать стыдливо очи. Шепотом: — Героем хотела быть... пользу принести — и всё проср*ла. Ты столько надежд в меня вложил — а я подвела. Испортила... Черти что натворила, нагородила. И даже тебя умудрилась сдать...

Тихо рассмеялся неожиданно, отчего даже поежилась я, сжалась в непонимании. Взор в глаза. Не стихает нежная улыбка:

— Ну, что ты, Лиз? Ты всё правильно сделала. И ничего не испортила. Много тварей повылазило на свет — трусость и недоверие взяли свое. Всех, что были там, повязали. Крысы на то и крысы — быстро раскололись, лапками застучали. Да и "старших" своих слили. Так что... о лучшем и мечтать никто не смел. Недолго их коdle осталось на воле бегать.

— А эти... — немного отстраняюсь, отодвигаюсь в сторону. Поддается и Костя, сел ровно. Глаза в глаза. Решаюсь договорить: — Казанцев, Сальников... Горбунов. Что им светит?

Скривился, шумный вздох. Отвел взгляд в сторону. Нервически сглотнул слюну:

— Горбунов... при задержании застрелен. Но, Лиз, — отчаянно. Резко выстрелил взором мне в очи — отвечаю тем же... Сжалось в страхе мое сердце, боясь последующего. — Он сам виноват. Со стволом. В тебя стрелял. Я не мог иначе...

Опускаю взгляд. Киваю покорно головой:

— А те? — едва слышно.

— А те суда ждут. Но вряд ли что-то радужное. Сами себя под черту подвели. Им конкретное предъявляют: начиная от похищения сотрудника милиции... и до... — немного помедлил, — такого, что лучше тебе и не знать. Теми еще мразями оказались... Как и Науменко их.

Нервически, громко сглотнула слюну.

Невольная колкая пауза пролегла между нами. Но минуты — и отозвался Костя:

— Так что ты у меня — умница, — коснулся неожиданно щеки, нежно провел вдоль скулы. Глаза в глаза. Улыбнулся: — Храбрая моя...

Зажмурила болезненно веки я, сдерживая позорные слезы: вспыхнули воспоминания, возрождая былое будто наяву.

В горле запекло... Но решаюсь... на важный, жуткий, убийственный, режущий плоть и душу, вопрос:

— Костя... — несмело.

— Да, зай? — дрогнул его голос от тревоги, волнения, учуяв настрой.

Не осмеливаюсь обрушить на него взор, посмотреть Судье в глаза. Но продолжаю:

— Там, в больнице... врач был. Ваш же?

Мгновения пугающей тишины — и, шумно вздохнув:

— Да. По нашей просьбе работал.

От его слов, странного тона, нот звучания — побежали мурашки по телу.

Напрягся Пахомов.

Рубаю дальше:

— Когда он... пришёл, новость принес. Результаты анализов... Там еще родители мои были.

— Да...

— Он, — живо перебиваю. — Он кое-что мне показал... — смертником обрушиваю взгляд в глаза Косте. Жуткий, испепеляющий момент, казалось, не оставляя по себе ни проигравших, ни победителей. Затаил дыхание мой Пфальцграф. — Справку, результаты... Будто бы я — беременна. По-настоящему... реально беременна. Не как по плану: а маленький срок. Будто бы... от тебя.

Обмер, не моргая. Выпучил очи.

А на моих же — тотчас застыли жгучие слёзы:

— А вот теперь... врачи сказали, что... нет ничего. И не было. Не было беременности.

Костя, как так?.. ПОЧЕМУ? Зачем он... так жестоко соврал? Зачем?

Молчит. Сверлит меня непонятым, жутким взором Пахомов — отчего даже дышать страшно.

Но еще миг — и торопливо я добавляю, невольно... подсознательно или, наоборот, сознательно — моля, упрашивая соврать мне. Сказать так, чтобы... не дорвать мне душу до конца:

— Ошибка? — поморщила лоб.

Скривился враз:

— Нет, — будто шальной раскат грома, раздался его голос. А затем и вовсе... молния разрежала небеса, вонзаясь прямиком мне в сердце: — Это было моё решение. Моя просьба.

— Что?

Глаза заледенели. Сердце забыло свой ход.

— Это я его попросил так сделать, — бездушным изуверством вновь полосонул меня, не щадя ни грамма.

— За что?

— Не «за что», а «почему», — жестко, черство. Сдержанно. Серьезно. Немного помедлив. А дальше — будто бурная река смертоносной, inferнальной лавы: — Потому что очень тебя люблю. А ситуация была — патовая... просто пи***ц. Ведь я боялся... чего-то такого. С одной стороны — начальство: голову твою требовало, угрожая мою снести. Ну по**й: как говорится, будь что будет. Главное было тебя спрятать. А тут ты, с другого боку: «Не поеду, мне смысл жизни нужен, хочу быть рядом, хочу быть полезной!..» И от такого давления... куда я? Вот и рискнул: каждому дал то, что он хочет. Я думал... нет, свято верил, что ты выберешь... не работу, не призвание, всю ту е**ть, что ты мне там... говорила, а нашего ребенка. Семью, — прожевал эмоции, скривившись от боли, злости, разочарования. Опустил очи: — Но нет. Я ошибся. Ты пошла дальше... До последнего надеялся, что отступишься. Что скажешь правду — и выйдешь из игры. согласишься на мой первый план — сбежишь, уедешь. Спасешь... «его» и себя заодно.

— Я не работу выбрала! — дико, исступленно заорала, завопила на него, не имея сил сдержаться. Глаза в глаза. — Я ТЕБЯ выбрала! ТЕБЯ! Костя, как ты мог?! КАК?! Если бы ты только знал, что мне из-за всего этого пришлось пройти! ТОГДА! СЕЙЧАС! — закачала в ужасе, отрицании очевидного, необъятного, непостижимого разумом, головой. Нервно сглотнула слюну. Взгляд около, попытки подобрать слова. — И вообще... Ты... ты подумал, что бы было со мной, там, за бугром, когда я бы узнала правду, а?! ПОДУМАЛ?! Сбежала бы... Да я бы... я бы с радостью уехала бы! Умчала бы сразу, наплевав на всё... позорно поджав хвост! На всё и на всех плевать! На ВСЕХ — кроме тебя! Ты столько надежд, сил, веры в меня вложил... в это дело! КАК... КАК я могла бы тебя подвести? КАК я могла бы.. выбрать что-то свое, свою трусость, мечты... руша ТВОИ? КАК?! Скажи мне, не молчи КАК? КАК Я МОГЛА БЫ... ТЕБЯ ПРЕДАТЬ? По крайней мере, специально, осознанно КАК?

Скривилась от горечи я, от боли. Нет сил даже смотреть на него. Отвернулась, увела взор в сторону.

Молчит и Пахомов... шумно, тяжело дышит.

И вдруг — сорвался с места (вмиг кольнул страх меня, что уйдет мой Костя — испуганно метнула взор следом). Сдержался Изувер: шаги по палате, угнетаясь в рассуждениях. Обмер враз. Пристальный, пронзительный взгляд на меня. Глаза в глаза

(поежилась я невольню):

— Правильно, — злобно, с обидой. — Я — козёл. Да, я — козёл! Козёл, что хотел тебя защитить!.. Причем... по большей части — от тебя самой. И, если не остановить, то хотя бы заставить думать своей башкой, быть аккуратной! ДА, Я — КОЗЁЛ! Потому что хотел, чтобы ты выбрала жизнь... а не долг... или честь. КОЗЁЛ!.. Спрашиваешь, что было бы там?.. За бугром?.. ЧТО-ЧТО?! НЕНАВИДЕЛА бы меня — но ЖИЛА бы дальше! А выгорело б дело — приехал и вернул бы тебя... конечно, если бы простила.

Выстреливаю с упреком в ответ взором: с порицанием, сарказмом.

Сцепились души в невидимой схватке. Молчу.

Продолжил рево:

— Ты хоть понимаешь... что чуть не СДОХЛА?! Ты ЭТО понимаешь?! — затрясся от ярости... — А РЕБЕНКА... да если бы ты действительно была беременна, то он бы точно всего этого НЕ ПЕРЕЖИЛ!

— ВОТ ИМЕННО, — гневно выпаливаю я, — «БЫЛА БЫ!»! Но — НЕТ!

Обомлел от заявленного:

— Ты издеваешься?! — взвизгнул ошалевши. Глаза округлились.

— Это я-то?! Ну, подумаешь, сдохла бы! Новую бы себе нашел! Нормальную, не бракованную: ни мозгами, ни телом! И берегла бы она тебе ЕГО, — рывкаю с обидой, болью, отчаянием, умопомешательством, передергивая слова, причем... саму себя уже ненавидя за них, — на тебя бы даже наплевав — раз так хочешь! Раз это ПРИНЦИПИАЛЬНО!

— Ты — идиотка, что ли?! — резкий, стремительный шаг ко мне ближе, вплотную. Глаза в глаза, казалось, и душу заодно вынимая. Оскалился. Руки сжались в кулаки.

Страх враз стегнул меня по позвоночнику. Невольно сжалась.

— Да, идиотка! — смело смертником... сплюнула ядом. — Дальше что?!

— Нет, ты... ты — реально идиотка! — замотал, закивал лихорадочной головой, нервно пуча очи. Коротко нервически рассмеялся. Но миг — стиснул зубы от гнева. Заиграл скулами. — Если бы я хотел ДРУГУЮ — давно бы уже нашел! ДАВНО! По ушам съездил всунул-высунул — и готово: пузо к носу.

Обомлела я, расстрелянная, ужаленная фразой.

Позорно дрогнул мой голос:

— НУ, ТАК ВПЕРЕД! Раз всё так ПРОСТО! — отворачиваюсь, пряча позорные слезы.

— ВОТ ИМЕННО, с*ка! ВОТ ИМЕННО!!! НЕ ПРОСТО! — заколотил кулаком себя грудь. — И у меня — НЕ ПРОСТО! ЛИ-и-ЗА! Когда ты уже это поймешь?! А?! — неистово. — Да мне даже... если бы чужой! Или, и вправду, этого... твоего Сереги! Или бывшего твоего... ПО**Й! ТВОЙ — и всё тут! Только не ври мне — НИКОГДА! Я сейча тебе не о соплях... и не глупостях втираю. О важном — НИКОГДА НЕ ЛГИ! И не скрывайся! И пойми уже наконец-то: мне на тебя — НЕ ПО**Й! — чиркнул зубами. — Мне ты НУЖНА! ТЫ! А не какая-нибудь "другая"! Да хоть, б***ь, ЦАРИЦА была бы — ПО**Й! МНЕ ТЫ НУЖНА! В ЛЮБОМ СОСТОЯНИИ! ЯСНО?!

Нервически сглотнула слюну. Поддаюсь, поворачиваюсь. И страшно, больно всматриваться ему в глаза — но уже и взгляд оторвать не в силах. Прикипела, будто мотылек к прощальному свету, запутавшись в тенетах пламени.

— Что молчишь? — уже более сдержано, рыком... Костя.

— Все вы так... поначалу поете...

— АХ, ТЫ Ж, с*ка!.. — резовое, бешеное. Ором. Стремительный ход — и внезапно

стащил меня с кровати, ловко подхватил себе на руки.

Борзое движение на выход.

— ТЫ ЧЁ УДУМАЛ?!

Глава 37. Коварные тенета. Шах и мат

Глава 37. Коварные тенета. Шах и мат

Силой, игнорируя мои крики, визг, сопротивление, усадил Пахомов в свою машину; прыгнул за руль — и вдавил педаль газа до упора.

И снова на руки, и снова мой Тиран уносит меня в неизвестном направлении (облачив в свою куртку). Через арку — и в сторону барельефом увенчанного строения.

— Костя, ты че удумал? — уже более сдержанно рычу я, медленно осознавая всё грядущее.

Дрожь по телу, мышцы сжимаются в камень не то от какого-то потаенного, первородного страха, что волнами стал во мне зарождаться, врываться из недр наружу, не то... от счастья.

Поставил у двери на ноги — поддаюсь, хотя все еще удерживаюсь за него, моего ненормального. Живо пропустил внутрь помещения... — и покорно за мной.

В переполохе вскочила пожилая женщина:

— Вы к кому? Вы куда? — заметала испуганный взор то на излишне возбужденного, встревоженного Пахомова, то на меня (стоящую в черной огромной, явно не моего размера, куртке, чуть ли не на голое тело напяленной — виднеется лишь клочками тоненькая, потрепанная больничная рубашка; босая я, измученная, растерзанная, будто с креста снятая).

Сверкнул вмиг корочкой.

— Где у вас здесь всё происходит? — взгляд около, будто ощупывая, нутром своим выискивая правильный ход.

— Что именно? — растерянно, испуганно выпучив на него очи, но уже без малейшего сопротивления — сплошное участие и забота.

— Расписывают где? — гаркнул, откровенно и пугающе уставившись ей в глаза.

— А... а..., - здесь, — махнула рукой. — Только... сегодня же не тот день... чтоб...

— Сейчас будет тот, — резво, грубое женщине. Тотчас вновь подхватил меня себе на руки — уверенный ход по коридору, чуть в сторону — и, толкнув плечом дверь, занес в кабинет. Поставил на пол. И снова жадно прижимает к себе, будто что-то сверх драгоценное.

Взор на замерших в удивлении женщин:

— Кто у вас тут... регистратор? Или как там его?

— А что Вы хотели? — удивилась молоденькая, но с оч-чень важным видом, барышня. Встала со стула и, блистая царской осанкой, прошла мимо столов.

— КТО? — резво, дерзко, вновь предъявив удостоверение.

Шаг ближе — и обмерла, изучая.

— Позвольте? — не уступает в прежнем своем величии.

— Прощу, — с презрением протянул оное ей. Быстро схватила своими тонкими, ухоженными ручонками. Внимательный взор, изучая строки. — Ну, допустим я. Дальше что?

— Распишите нас, — грозно, грубо, с не меньшей важностью изрек, сплюнул ей Костя, чем она тут рисует.

Удивленно выгнула брови. Беглый изучающий взор по мне. Звонко сглотнула слюну:

— А иначе... — несмело повела, — никак нельзя? В другой день, в другом виде... в

другом порядке?

— Нет. Только здесь и сейчас, — вердиктом.

Шумный вздох. Взор на своих коллег: те лишь позорно, стыдливо попрытали глаза, отвернулись.

И снова сударыня к нам лицом:

— А документы? Паспорта?.. — протянула неуверенно ладонь.

Раздраженно заиграл скулами Костя. Скривился:

— Так, со слов пиши.

Обомлела, физиономия ее еще больше вытянулась:

— Как так?

— Под диктовку, — жестко, саркастически. С презрением. Очи в очи. Вдруг дернулся, взор обрушил на меня: — Ты свои помнишь?

— Нет, — закачала тотчас испуганно я головой; виновато опустила взгляд.

Цыкнул.

В момент отстранился, достал телефон:

— Пиши-пиши, — вдруг гаркнул на дамочку. Кивок головы в сторону стола: — Готовь свои бумажки.

Гудки в аппарате:

«Я уже боюсь», — внезапно послышалось на другом конце.

— И правильно, — рыкнул сдержанно Пахомов. — Пробей, найди мне данные Цветковой: скажи серию, номер паспорта и прочую ерундистику.

— А штамп? — будто очнулась, гаркнула, кинула мадмуазель Косте.

— Потом, мы не брезгливые. Да, я здесь, — тотчас ответил голосу в трубке. — Записываете? — взор на работницу ЗАГСа.

— Алэн, пиши, — кивнула какой-то девушке. Живо вскочила та, схватила бумажку, ручку — и принялась исполнять...

— Расписывайся, — гаркнул на меня Пахомов, завидев, что вовсе не тороплюсь подчиняться своему Тирану.

Решаюсь, сквозь корявую улыбку:

— Ну, повыдывался... и хватит. Поняла я уже всё, — виновато опускаю очи, пряча взгляд. Дрожь по телу. — Поехали обратно.

— Я тебе поеду! РАСПИСЫВАЙСЯ, я сказал! — серьезно, злобно, гневно рявкнул.

Нервически сплотнула слюну. Взор украдкой на мадемуазелей, на бланк, на Костю. Шумный вздох:

— Ну, зачем этот цирк? — без притворства, с негодованием.

— Ты у меня спрашиваешь?! — дерзко; округлил очи. — Это я у тебя спрашиваю, когда ты перестанешь нести чушь и во мне сомневаться?! Так что давай — резво расписалась и покончим со всеми этим идиотизмом!

Вынуждающий, пристальный, требовательный взгляд. Немая перепалка — и взрыв.

Живо разворот. Шаг (невольнo шатаясь) к столу. Схватить ручку и быстро, смело, уверенно накалякать роспись.

Разворот, пронзающий взор своему «супостату» в очи. Злобно:

— Доволен?

Обмер. Жгучие, палящие мгновение сверлящего взгляда — и вдруг на его губах

проступила коварная, самодовольная ухмылка. Резкий шаг ближе — смело, грубо, резво ухватил в свои объятия, прижал к себе. Дерзким, но отчасти нежным, не без иронии, язвительности... и удовлетворения, сладким шепотом на ухо:

— Еще как... жена моя.

Мгновение — и властный поцелуй обжог мои уста, окончательно смиряя во мне бунтующую рабыню...

— Кость, давай пока в больницу не ехать, — робко отозвалась я, едва вновь оказались в его машине.

— А куда? — удивленно, но без злости, недовольства. В какой-то момент мне показалось, будто и сам он не хотел меня увозить обратно (туда, где всё напоминало... о нашем недавнем аде)... но брала ответственность своё: страх перед угрозой мне, моему надорванному здоровью.

— Не знаю... можно даже где-то здесь, на какой-нибудь парковке... Просто... не хочу обратно... Хочу побыть... с тобой наедине... и не...

— Я понял, — резко перебивая.

Немного покружив по городу, выехали за его пределы. Вечнозеленый, сосновый лес — и будто не зима стучит в наши окна, а еще лето тихим эхом шепчет сквозь стынь и небесную серость.

Учтиво помог перебраться, перенес на заднее сидение — и сам забрался ко мне. Разлеглась, я, положив, устроив голову ему на колени. И принялась наслаждаться, упиваться родным теплом, самым приятным ароматом на свете... от которого враз дурман в голове... и нежность, сладость тихим шепотом эйфории разливается по жилам.

— Хитрый ты... — заливаюсь шаловливой иронией. — Ловко меня вокруг пальца обвел. Сама даже не поняла, как быстро из невесты... в жену превратилась, — смущенно рассмеялась я, утопая в ласковых, заботливых объятиях Кости.

— А то... буду я еще за тобой по улицам бегать. Тут надо резко и четко: пока жертва еще не отошла от шока. А не все эти цацки, глупости: фата, платье, букеты, кольца...

— А штамп... — не цацки, не глупости? Сразу всё меняет? — устремляю взгляд ему в глаза.

— Дело не в штампе. А в осознании. В принятии... В клятве.

— И что? У нас даже колец не будет? — язвительно хохочу.

— Будут. Сейчас натискаюсь с тобой — и поеду. Палец только дай — примерять буду.

— Ха-ха, смешно. На свой примерь... двадцать первый, — ржу ехидно.

— О-о-о! — взревел, паясничая. — Это уже какое-то кольцо получится!

— Да Вы, муженек мой любимый, очень даже себе льстите!

— Ну так! — возмущенно. — Жена не старается, так хоть сам себе подсоблю...

— Только словом, али й делом?

Заржал, не выдержав:

— Нет уж, извольте. Тут уже Вам придется попотеть...

Глава-бонус 38. Тараканьи кошмарики

Глава-бонус 38. Тараканьи кошмарики

Посвящаю *Sensa* и ее поэме.

Баш на баш: сон на сон;)

Еще миг — и сладкий, пылкий, жгучий поцелуй коснулся моих губ, бурной, не менее властной, повелительной рекой утаскивая в забвения дали.

— Вышли, я сказал!

— Что? — ошарашенная, уставилась на моего Костю Дамочка, работница ЗАГСа.

— Мне повторить, что ли? — с презрением, гневом обрушил ей в очи взгляд.

— Я не могу... здесь служебное...

Резво выхватил пистолет из-за пояса.

— Я сто раз повторять не стану...

— Что Вы творите? — обреченно, горько. — Мы же уже всё сделали, и так... пошли Вам навстречу.

— Вот и выйдите.

Скривилась. Но мгновения — и поддается: шаги из кабинета на выход.

Глаза в глаза с Пахомовым. Испуганно шепчу:

— Ты чего? Это же — подсудное дело, — дрогнул мой голос, но не превышая границу шепота.

— Это часть оперативно-розыскных действий, — коварно заухмылялся. Напор — поддаюсь, пячусь назад, пока вовсе не уткнулась во что-то. — Я поймал преступника... и теперь надо его арестовать.

— Дурак ты! — нервически смеюсь.

— Дурак, — кивнул головой. Вдруг резвое движение — и ухватив меня за бедра, подал назад — заставил сесть на стол. Живо забрался руками под рубаху, пошло, откровенно, нежно скользнув по ногам к запретному.

Глаза в глаза — дрожит внутри нас сомнение, догорая огоньком в золе.

— Тебе обязательно прямо здесь? — робко, взволнованно, задыхаясь уже от тяги, напряжения, желанья, от чувств...

Но вместо слов, вместо каких-либо ответов — стремительно припал, прилип поцелуем к моим губам. Ловкие движения рук, высвобождая себя от оков обыденности — и разорвал, раскромсал мою реальность надвое: до и после. Женой. Я стала... полноценной его женой...

И пусть сегодня был не «тот» день, «встречающих» жениха и невесту за дверьми зала бракосочетаний — было сегодня не меньше, чем в иные моменты. Среди уже знакомых лиц сотрудниц, дамочек, затесались даже охранники — вот только обмерли они в нерешимости, не желая влезать во что-либо серьезное, опасное, «болезненное».

Живо оторвался от меня Пахомов и нырнул в карман своих брюк. Достал бумажник, а оттуда — всю наличку. Ткнул, всучил в руки Мадмуазель:

— Это вам всем за неудобства. Выпьете за молодых.

Резвый разворот, и, обхватив меня, заботливо повел на выход.

— Молодой человек, — неожиданно раздался за нами незнакомый женский голос. Судя по шороху — кто-то резво кинулся нас догонять. Обмерли мы покорно. Разворот.

— Да? — скривился Костя.

— ...у нас там камеры стоят... видеонаблюдения.

— Много че наснимал? — кивнул на черно-белые мониторы охраннику.

Скривился в смущении мужчина:

— Ну, так... — пожал плечами. — Всё... что было.

— Стирай давай, — грозно.

— Хорошо, — закивал лихорадочно тот, соглашаясь.

— Погоди, — резко, перебивая.

— Да? — удивленно округлил очи в испуге незнакомец.

— Скинь копию на диск — и мне дай. А остальное — стирай.

— Есть, сделаю...

— Зачем тебе? — обмерла я в прозрении. Уставилась в лицо своему странному муженьку.

Ответил взглядом. Коварно ухмыльнулся:

— На случай, если тебя опять перемкнет. Я тебе его включу — и будешь наслаждаться...

Лениво потянулась я в объятиях Кости. Взор около, скользя по «кочкам» и «ухабам» салона знакомого, любимого автомобиля, что стал нам уже... едва ли не домом...

— Кость... — несмело позвала, шепотом.

— М-м-м? — неохотно, сквозь сон, отозвался.

— А где диск?

— Какой диск?

Эпилог

Посвящаю **Феде и Наташе.**

Искренне надеюсь, что нынче у вас всё хорошо...

и жизнь ваша сложилась наилучшим образом,

пусть даже и с учетом того, что выпало на вашу нелегкую долю.

Едва мне стало немного лучше, вместе поехали к моим родителям... — и всю правду, все вести... выложили, как есть. И охали, и ахали, и плакали, и радовались...

Одно радует — и хоть батя с недоверием отнесся к моему «новому» (или как я утверждала — «окончательному») избраннику, против же не выступил.

Тихо, едва заметно улыбался... а в глазах блестел... огонек надежды и радости за меня.

Мама же, как и я, была на седьмом небе от счастья. Она верила моему Косте, как мне... и искренне уповала на наше общее светлое будущее.

Еще кому мы сообщили почти сразу о «переменах» в наших отношениях (да и вообще об отношениях) — это Ирина и Игорь. И если мальчик с осторожностью, опаской, но добротой меня встретил, то «мамочка» — естественно, в штыки. И это еще даже о штампе не шла речь, когда ее пламя любви к бывшему мужу резко вспыхнуло, провоцируя на дополнительные встречи, и заодно — меня желая заживо испепелить. Но Пахомов быстро всё остудил, искренне и смачно заявив: «Все вопросы к моей нынешней жене. Теперь она подобные вещи решает: с кем и когда у нашей семьи будет... общий досуг».

И если ее ревность сразу попыталась включить режим шантажа сыном, то вскоре все же разум возобладал над ней. Видя с ним наши отношения, а также получив от меня жесткий «пинок» в виде толстого намека, что вскоре планируем своими детьми обзавестись, и «Игорю больше не придется скучать среди угрюмых взрослых...» — поумнела. Страх потерять и без того шаткое свое положение в его, Кости, жизни враз подавил ее эгоистический пыл, сменив на адекватную скромность: по крайней мере, перестала ставить палки в колеса общению сына с отцом...

И пусть на Рождество не срослось (работа Кости и Ирины тараканы), а вот на масленицу мы свершили затеянное.

Два часа езды — и снова оказаться рядом с, казалось, необъятной березой. Перепрыгнуть через забор — и открыть изнутри ворота...

Плакала и радовалась одновременно старушка, Анна Федосеевна, не веря счастьем своему, всё никак наглядеться не могла на нас: на Костика, на Игорька и на меня.

— Ба, да сядьте уже! Успокойтесь, — взволнованно отозвался, взмолился Пахомов. — И так всего вдоволь и очень вкусно!

— А сметану?! — вскочила, дернулась обратно женщина с места. — По сметанку еще надо к Фроловым сходить!

— Сейчас всё сделаю! Ну, Ба! — обиженно. — Ну, дайте уже сказать Вам новость!

Оторопела старушка. Послушно опустила на табурет.

Тревожный, испуганный взгляд обрушила ему в очи.

— Мы с Лизой поженились.

— О! — взвизгнула, хлопнув в ладони. — Ну, слава Богу! — машинально перекрестилась. — Давно пора! Я столько просила у Господа, чтоб тебя образумил!

— Меня? — от удивления дрогнул Костин голос. — А чего меня? — пристыжено рассмеялся.

Глаза бабульки заблестели вновь от слез:

— Да что... опять сомневался бы, бегал... А так — молодцы! Родные мои! Сразу было видно... что вы с Лизонькой... друг для друга сотканы. И Игорьку при вас двоих будет проще, чем при тебе одному... А так, гляди, ума тебе немного прибавит, пыл поубавит. На добрый путь наставит.

— Это еще кто кого, — обиженно буркнул сквозь смех Пахомов.

Захохотала, смущенная, и я.

— Она — тебе, — уверенно выдала, повторила старушка. — А то вон... уже четвертый десяток на носу, а все носишься, гайсаешь, непонятно где, будто по-прежнему только школу окончил. Пора и о будущем... о тихом будущем подумать! О семье, а не только о работе...

— Думаю, Ба. Думаю, — тихим, едва различимым шепотом, пристыжено пряча очи. — Причем сообща...

— А вот это — правильно! Советуйтесь, решайте, уступайте друг другу — и всё у вас будет хорошо. И Игорька не забывайте, да правнучек?

— Ага, — засмуцавшись, рассмеялся мальчишка.

Науменко оказался... не таким уже простым персонажем. Ту еще... свору шакалов вокруг себя сплотил, тех еще товарищей заимел, подтянул к себе в логово, в стаю. Всех же остальных, неугодных, — сразу в утиль. Как и меня: с моей-то родословной я ни в каких вариациях вселенной не вписывалась в его «кружок по интересам» (и это он еще о моих тараканах не знал: о принципах праведности и стремлениях героя). Так что... как бы я не пыталась и не мечтала... не было изначально, по умолчанию... априори мне места среди продуманной, рабочей схемы, что создавалась и оттачивалась годами... среди царства «Наумении».

Еще немного — и Сереге бы присвоили подполковника. И полетел бы наш не менее, чем я, принципиальный Курасов: если не вверх, по служебной лестнице, то вниз — за остальными, на свалку бытия, уступая место более «предприимчивому поколению», более... сообразительному «молодняку». И никто бы этому не помешал. Ведь как, что? Все давно уже под крылом Сереги: Горбунов, Казанцев, Сальников, еще «парочка» майоров и капитанов... — и это только низы, что умудрились засветиться или посыпаться, как домино, вслед за "Господином"... Кто же еще был замешан — предстоит еще расковырять, разворошить... сие осиное гнездо.

И всё было на мази — всё, пока так близко не засунули к нему меня, идиотку неугодную, — и встала я как кость в горле: ни проглотить, ни сплюнуть. Сначала раздражителем выступала, а затем и вовсе — угрозой. Ладно батя, ладно его связи, знакомые... Но отношения, странные, непонятные... терки с ФСБ-шником.... Предрешил мою судьбу. Резво, смело и бесповоротно. Ведь Пахомов уж точно вряд ли им подыграет: или «податью» защитит, или за решетку упечет... если не сразу — в яму, на кладбище. Вот и пришел на ум план Майору: так удачно совпало с операцией, так красиво раздали, разыграли карты... Меня же по моей просьбе туда и заслали, к Косте подпустили, а дальше — дело идеального «шума», «издержек операции»: у Пахомова на почве ревности и сложных

прошлых наших отношений кукушку сорвало. По всем записям — ко мне явно проявлял агрессию и составлял угрозу: намеревался совершить акт насилия, надругательства. Однако "заботливый" Науменко, будучи прямым моим начальником, героически рванул спасать нерадивую коллегу. Да только судьба-злодейка неумолима: Серега убивает Пахомова, а тот... в последний миг, скорее всего, сам утаскивает меня за собой, али просто — шальная пуля.

Не осталось мне места больше в этом мире, по мнению Науменко, не осталось... если оно вообще... когда-то было.

Сам себе яму и выкопал — сам себя и завел за черту...

А без «гениального руководства», без мудрого звена, связи между «темным царством криминала» и «праведным — защитников» — вся цепочка рассыпалась: леска лопнула... и бусы заскакали по полу. Паника, страх, неосторожность — всё взяло свое.... Трусливая, крысиная натура каждого из этой своры не заставила плодов давления ждать: тут же принялись тыкать пальцем друг на друга, валя вину на еще вчерашних товарищей, командиров, спасая... выгораживая свою шкуру: и прилетало не только ныне мертвым Науменко и Горбунову. Всех, всем... без исключения. Бросил их без защиты и Блоха. Сам попал под горячую руку... и едва начал вылезать, вырываться из петли, что тугой удавкой так нелепо затянулась на его шее, как тотчас и сам пошел на дно: свои же... пришили за измену.

Волки... есть волки. И только в своей стае можно выжить. И никогда... ни за что нельзя предавать друг друга. Нельзя. Да не каждой псине вручен сей дар, присущ «талант» верности и мудрости, прозорливости. А без толкового командира — что матерое тело без головы: когти рвут, да только все чаще — свою же плоть, чем врага... предсмертная агония, цель которой — уже не спасительные действия, а земной суд над грешником.

Так или иначе, мне все же удалось... в какой-то мере принести пользу обществу, хотя... и посеяв за собой... целую вереницу трупов. Много я при этом ошибок наделала, боли близким принесла... Много ужаса вкусила... но легче не стало. Не это мое лекарство. Не это... Лишь только Костя, лишь только наша с ним семья... любовь и нежность возрождает душу мою из пепла. Лишь только так — я вновь обретаю себя.

Так что... не мое это. Не мое. И пусть еще тогда, в начале декабря, пока я лежала в больнице, и пришло распоряжение о присвоении мне первого звания... — из милиции я всё равно ушла. Мне хватает вполне того, что мой муж служит на благо Родины.

Да и дел, забот и без того прибавилось с лихвой: есть чем заняться. С Костиком мы усыновили двух малышей: веселого разбойника Федьку и очень сдержанную, закрытую в своих чувствах... и желаниях (по крайней мере, надеюсь, что это лишь пока, поначалу) Натусю...

Так что... уже следующим летом, на Великий спас — не только за вареньем приехали и с искренним желанием помочь с огородом, по дому, да и просто... погостевать у Анны Федосеевны, а и заодно порадовать, познакомить со всеми членами нашей, теперь уже огромной, семьи.

Игорек, Федька, Наталка, Костик и я — вот они... беспредельщики Пахомовы...

Постскриптум

Постскриптум

Посвящаю **Константиновне**.

А также посвящаю всем тем неугомонным **Леди**, которые все же вынудили свершиться кое-каким переменам в жизни семейства Пахомовых. Спасибо огромное, дорогие мои, за вашу любовь, теплоту и рвения — в отношении героев, и в отношении меня, вашего покорного автора!

В этом году очень теплая выдалась весна. На дворе еще только май, а уже все давно позабрасывали куртки — и щеголяют едва ли не в тоненьких футболках и шортах. Да что там! Многие на выходных уже мчат на море и всю там загорают (вода же Балтийских просторов, увы, по-прежнему неумолимо холодна).

Бреду по аллее — дурно так, голова на части раскалывается. Всё тело ломит... словно от простуды. Не прогулка — а песня. Да деваться некуда: долг собачника неумолим (и дернул меня черт еще и на собаку согласиться, будто кота было мало...) Уже и не смотрю, где там щеголяет моя (временами странная) псина. Не лает, за другими не гоняется — и на том спасибо. Сегодня ей повезло... приструнивать, приучать к «светской», жеманной жизни не буду: лишь бы опять охотничьи инстинкты не включила и не нашла, не облачилась в «шикарнейший букет» ароматов парфюма какой-нибудь гадости.

Черти чем занята голова, а вернее, ничем серьезным забивать, занимать не только не хочется, но и... попросту, нет сил.

Повезло, что сегодня у Кости выходной — и малых взял на себя. Точно бы довели меня до сказу своими криками, визгом. Оно-то весело, когда они резвятся, но не в те минуты, когда тебе настолько «хорошо», что только пуля в лоб — единственное лекарство.

Еще шаги — и замираю у крыльца маленького, частного магазина. У лестницы узнаю бабульку (соседка, через подъезд живет от нас). Васильевна... Все ее знают в лицо, а вот имени — никто так и не удосужился спросить, али запомнить. Для всех — по отчеству: «Васильевна».

— Здравствуйте! — с искренним задором выпаливаю ей я.

Опрометчиво. Знаю, что опрометчиво, особенно с учетом этого моего состояния и настроения. Каждый чего ее и обходит стороной, потому что едва тронь, тут же начнет свой рассказ: про злую невестку, нерадивого сына, про больницу... в которой проработала на благо детей тридцать лет, про похвалу и квартиру, что ей дарено в награду... В общем, всё то, что как заезженная пластинка... крутится всегда и везде. Бесит. Почти всех бесит этот ее рассказ — а потому сторонятся, обходят, оббегают, словом лишним не отдернут старушку.

А я ведусь. Не знаю почему, но мне ее жаль.

Даже будучи при живых и здоровых детях, внуках, живя с ними в одной квартире — она им не нужна, пусть даже и... «странная», пусть даже и... «бесящая». Ждут ее смерти. И Васильевна не раз признавалась, что и она ее ждет, что устала от всего... что пора давно, да никак Бог не заберет.

И вот мне жалко. Мне... страшно. Лишь бы самим не докатиться до такой участи, где ты — не почетный родитель, а мерзкая обуза...

Окидываю взором невысокого роста пожилую женщину в теплом пальто. Не порицаю ее

за странный выбор. Понимаю: каждый волен жить, как хочет. Творить, что захочет (не посягая на счастье других). И ошибаться так, как ошибается. Не говоря уже о том, что носить из одежды: даже в такую жару. Никогда не понимала хихиканье за ее спиной на этот счет. «Ополоумевшая» — констатировали почти все. «Потрепанная, растоптанная жизнью» — интерпретируя с себя, делаю выводы я.

Стоит, копошится старушка. Невольно присматриваюсь.

Нет у нее кошелька. Всегда носит свои деньги в помятом прозрачном пакетике. Достала, стоит, мелочь пересчитывает. Сбивается, тихо бурчит-ругается себе под нос... и снова начинает ход-пляс дрожащих рук в попытках быть более собранной и толковее.

— Вам помочь? — не выдерживаю и ступаю шаг ближе, вплотную.

Только теперь и заметила меня. Резко перевела взгляд.

Но вместо привычной доброй, счастливой улыбки... ее уста исказились в испуге. Брови нахмурились. Долгие, жгучие мгновения сверлящего взора — отчего просто не выдержала я и нервически рассмеялась:

— Что-то не так? — странное волнение сковало мою душу. Тревожно улыбаюсь.

— Ты какая-то не такая сегодня.

— А какая? — еще шире моя беспокойная улыбка.

Странно, неожиданно... отчасти даже невероятно слышать «иные» речи от Васильевны.

— Ты, случаем, не беременна? — выпалила внезапно в меня пушечным ядром.

Окаменела я враз. Глаза округлились. Забыла, как дышать.

Будто гром в этот миг разорвал мои небеса, и безжалостная молния пронзила меня с головы до пят.

Скривилась я в болезненной гримасе — тщетные попытки удержать хотя бы видимую радость, задор на лице.

— Да не думаю... — шепчу робко, стыдливо пряча взор.

А в теле так и сжались мышцы. Кровью облилось сердце. Пусть уже и немало прошло... с тех далеких дней, когда мы с Костей так отчаянно пытались, воевали... за наше общее счастье. Немало, но все равно, до сих пор — горько и больно.

— Не-не, — внезапно резко, уверенно, закачала женщина головой. — Какая-то не такая ты...

Сжала в кулак свои деньги и неожиданно подалась на лестницу, больше не проронив мне ни слова. А там — ленивые минуты — и скрылась за стеклянной дверью магазина.

Стою, пришипенная жуткими... пугающими словами и не знаю, что ответить, сделать.

Не сразу даже заметила пропажу собеседника.

Только собака, что резво кинулась на меня в попытке облизать лицо, и привела меня в чувства.

«Черт! — гневно выругалась я, откидывая от себя свою грязную, мокрую «гадину» (уже и к озеру, что в ста метрах отсюда, эта животина безбашенная умудрилась прорваться).

Лихорадочно замотала я головой, пытаюсь выбраться, вырваться из тумана, прогнать наваждение, дурман, что захлестнул меня воспоминаниями и целым океаном былых чувств.

Взор около. Сообразить, что где зачем: да словно идиотка только. Пристальным взором сверлю прозрачную дверь магазина.

«А зачем... я вообще тащила сюда? Что надо было купить?»

Дырявая голова... последнее время — так особенно.

Шаги по ступенькам.

Что куплю — то куплю. Может, как увижу — вспомню...

Но сердце надрывается, бешено стучит.

И каждое усилие выбросить из головы слова старушки с каждым мгновением — всё слабее, безвольнее, безнадежнее...

И сама не поняла, как прошла мимо кассы, мимо знакомых продавщиц — да напрямиком к белому прилавку. Заглядываю в окошко.

Голосом сбрендившего смертника выпаливаю:

— Тест на беременность.

Скривилась недовольно дамочка:

— Есть за 17 рублей, а есть за 256... Вам какой?

— Оба.

Удивленно вскинула бровями.

— И тот, и тот хорош.

— Оба.

Не знаю, как он вовремя меня подхватил на руки. Шаги по коридору, а в очках — прям... пятнами всё пошло, темнеть стало. Заметил, тотчас кинулся ко мне Костик. Сжал в своих крепких объятиях:

— Зай, ты чего? — испуганно. Попытка заглянуть мне в лицо.

А я и фокус навести не в силах. Совсем теряюсь...

Отрешенным шепотом на ухо, пронзая за один раз нас двоих... молнией беспощадной... страхом (перед грядущим), болью (былого)... и счастьем (настоящего):

— Я беременна.

Больше книг на сайте — Knigolub.net